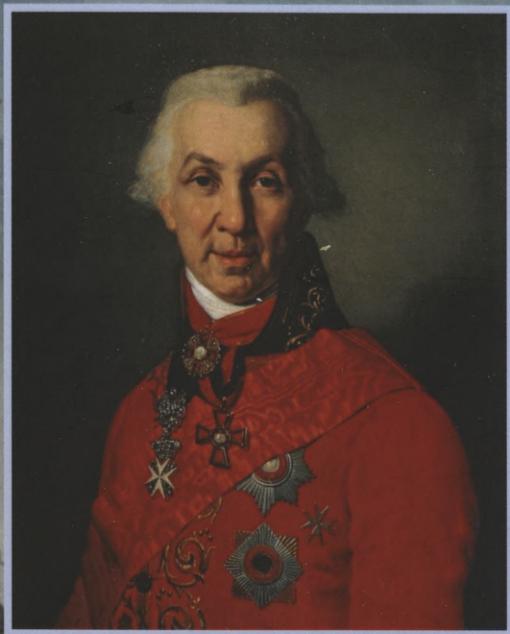

Г. Р. Державин и его время

Талерный десант

Выпуск

15

Всероссийский музей А. С. Пушкина

Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени

Г. Р. Державин и его время

Сборник научных статей

Выпуск 15

Санкт-Петербург
2020

УДК 082.2

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Д36

Редакционная коллегия:

С. М. Некрасов, Т. Б. Вергун

Н. П. Морозова (ответственный редактор)

Рецензент

д-р филологических наук *С. А. Салова*

Д36 Г. Р. Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 15 / под ред. Н. П. Морозовой. — СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2020. — 192 с.; ил.

ISBN 978-5-6044160-4-4

Пятнадцатый выпуск сборника традиционно составляют статьи о жизни и творчестве Г. Р. Державина и его ближайшем окружении. Впервые печатается перевод оды «Бог» на итальянский язык, выполненный известным живописцем С. Тончи, автором знаменитого портрета Державина на фоне скалистого зимнего пейзажа. В новом аспекте рассматривается мотив «передачи лиры» в стихотворных посвящениях поэту. По забытой публикации в «Русском вестнике» 1813 года воссоздан неизвестный эпизод биографии Державина. Многие детали жизни семьи Державиных сохранились в публикуемых письмах А. А. Капнист, сестры супруги поэта Дарьи Алексеевны. В создании гениальных горацианских од Державину помогали рукописные переводы Александра Котельницкого, с которыми знакомит сборник. Одна из публикаций рассказывает о работе Державина над подготовкой иллюстрированного издания своих Сочинений. Книга адресована историкам российской культуры и широкому кругу ценителей творчества Державина.

УДК 082.2

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

*В оформлении обложки использованы
портрет Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского (1811)
и гравюра М.-Ф. Дамама-Демартре
«Вид на Аничков мост через Фонтанку» (1813)*

© Коллектив авторов, 2020

© Всероссийский музей

А. С. Пушкина, 2020

ISBN 978-5-6044160-4-4

Содержание

От редколлегии	5
<i>Дёмин А. О.</i> Ода Державина «Бог» в переводе С. Тончи на итальянский язык	7
<i>Морозова Н. П.</i> «Лира его золотая...» (о посвящениях Державину)	17
Фоменко И. Ю. Книгопродавец В. В. Губкин: «маленькие люди» в окружении Державина	29
<i>Трофимова В. С.</i> Анна Петровна Бунина и ее проекты женских училищ	34
<i>Глушкова Д. М.</i> Иллюстрированное издание Сочинений: неосуществленный проект Державина	44
<i>Градова Б. А.</i> Письма А. А. Капнист Д. А. Державиной	67
<i>Дульцева Ю. В.</i> А. Котельницкий и его переводы Горация	125
Указатель произведений Г. Р. Державина	181
Указатель имен	184

От редколлегии

Пятнадцатый выпуск сборника традиционно предлагает вниманию читателей исследования, посвященные вопросам биографии и творчества Г. Р. Державина, а также лиц его ближайшего окружения.

Одной из самых интересных фигур был итальянский художник Сальваторе Тончи. Он приехал в Россию в конце XVIII века и прославился здесь как автор великолепных портретов, лучшим из которых считается портрет Державина на фоне скалистого зимнего пейзажа. Копия этой работы украшает экспозицию парадной гостиной музея-усадьбы поэта. Важнейшим фактом творческой биографии Тончи стал публикуемый рукописный перевод оды Державина «Бог» на итальянский язык.

В новом аспекте рассматривается мотив «передачи лиры» в стихотворных посвящениях поэту. По публикации в «Русском вестнике» 1813 года воссоздан малоизвестный эпизод из жизни Державина. В неизвестном ранее качестве теоретика и деятеля российского просвещения предстает известная поэтесса начала XIX века, член «Беседы любителей русского слова» Анна Петровна Бунина. Безусловный интерес вызывает детальный рассказ о подготовке Державиным иллюстрированного издания своих Сочинений. О семейных проблемах и радостях рассказывают публикуемые письма Александры Алексеевны Капнист, сестры супруги поэта и жены его ближайшего друга В. В. Капниста.

Под началом Державина служил переводчик Александр Котельницкий, увлеченный поэзией Горация. Он преподнес поэту в 1801 году свой прозаический перевод с латинского языка пер-

вых двух книг од римского лирика, а затем переложил их стихами. Эти переводы сохранились в рукописном виде. Возможно, они помогали Державину в его гениальных переложениях Горация. Сборник знакомит со стихотворным переводом первой книги од римского лирика, выполненным А. Котельницким.

Произведения Державина цитируются по академическому изданию: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883, с указанием тома и страницы.

А. О. Дёмин

Ода Державина «Бог» в переводе С. Тончи на итальянский язык*

В архиве Я. К. Грота в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранится копия итальянского перевода державинской оды «Бог», выполненного живописцем на русской службе С. Тончи (Salvatore Tonci, 1756–1844).

Сведения о биографии С. Тончи, итальянского самоучки, в свое время преуспевавшего в музыке, стихотворстве и живописи, а также в искусстве светского обращения, к удивлению и восхищению современников, впервые и пока с непревзойденной полнотой собраны Гротом и представлены в подготовленном им собрании сочинений Державина в комментарии к оде «Тончию»¹. Эти сведения широко разошлись по множеству популярных изданий и почти совершенно заслонили свой первоисточник: «Антологию итальянской поэзии девятого на десять века» — книгу, изданную в Москве в 1844 году профессором итальянского языка и литературы Московского университета Джузеппе, или в российском подданстве Иосифом Павловичем Рубини (1793–1862); кроме биографических сведений в этой книге находится редкая

* Эта публикация состоялась благодаря совместным усилиям целого ряда замечательных специалистов: Б. А. Градова выявила архивные материалы; И. В. Кошкиенко подготовила качественную скан-копию рукописи перевода в высоком разрешении; М. Ди Сальво внимательно прочла транскрипцию текста и высказала ценные замечания о стиле перевода; наконец, Н. П. Морозова приложила немало усилий для встречи и совместной работы всех причастных к этой публикации. Пользуясь случаем, приношу им свою сердечную благодарность.

публикация сочинений Тончи, которые в подавляющем большинстве своем остались в рукописях². Исключение составляет короткая аллегорическая поэма «Соглашение строгости с милосердием», изданная по случаю коронации российского императора Николая I в 1826 году³.

Помимо публикации Рубини Грот пользовался также известиями и материалами, полученными непосредственно от Марии Николаевны Тончи, дочери художника, в русском подданстве прозывавшегося Николаем Ивановичем. Потеряв всю свою семью — младшую сестру и обоих родителей, — она удалилась на жительство сначала в московский Новодевичий монастырь, а затем в Федоровский монастырь в Переславле-Залесском. Ведя уединенную затворническую жизнь, Мария Николаевна, вероятно, поздно узнала о переиздании стихов Державина, обращенных к ее отцу, и потому Грот получил от нее список перевода оды «Бог» уже в то время, когда лист с комментариями к оде «Тончию» был в типографии. Издателю, однако, удалось вставить в корректуру хотя бы известие об этом переводе, а также о рукописном томе литературных сочинений Тончи, сохранившихся у его дочери. Переписка Грота с ней содержит сведения о копировании перевода оды «Бог» и о передаче тома сочинений в Императорскую публичную библиотеку.

Оба эти события происходили в апреле 1865 года, тогда же от библиотеки было направлено благодарственное письмо Марии Николаевне, однако Гроту она сообщила об этом только в 1869 году, уверяя его, что рукопись собрания сочинений ее отца вполне принадлежит академику. Рукописный том сочинений был подготовлен Тончи к печати в 1831 году, в бытность его в Москве, и даже прошел цензуру И. М. Снегирева, который мог быть близок к художнику по реставрационным делам в Московском Кремле, где тот был инспектором рисовальных классов в Архитекторской школе при Кремлевской экспедиции. Просмотр этого тома показывает, что перевод оды «Бог» в него не входил. Там находится ода на смерть прусского короля Фридриха Великого (1786), вероятно, самое раннее из сохранившихся сочинений Тончи; похвальная ода польскому королю Станиславу Августу, в свите

которого Тончи прибыл в Россию, написанная, вероятно, вскоре после поступления к нему на службу, то есть около 1793 года; часто упоминаемая огромная его поэма «Эденеида, или Истина, открытая Рассудком» в тридцати трех песнях, о загробном странствовании души в райские кущи под водительством апостола Иоанна, объясняющего ей все тайны творения и искупления; «Орфеида» в пятнадцати песнях, перевод шестой эклоги Вергилия. Но, пожалуй, наибольший интерес для историков искусства и, в частности, творчества самого Тончи, вероятно, будет представлять его перевод Горациевой «Науки поэзии» и особенно поэма «Arte pittorica», то есть «Искусство живописи» — то самое искусство, которым Тончи наиболее прославился. Объединение этих двух названий под одной обложкой должно, вероятно, составлять полную теорию взаимного проникновения поэзии и живописи, запечатленную Горациевой формулой «*ut pictura poesis erit*», где не только поэзия становится живописью, но и живопись — поэзией⁴.

Это взаимное проникновение двух искусств, равно близких Тончи, было ключевым моментом в эстетических исканиях львовско-державинского кружка, к которому на рубеже XVIII–XIX веков в бытность свою в Петербурге оказался близок Тончи. О его вовлеченности в размышления Державина, Львова и Капниста о взаимном проникновении живописи и поэзии свидетельствует не только портрет Державина, снабженный как развернутой русской программой от самого поэта в стихах, так и краткой программой на латыни от живописца⁵, но и многочисленные наброски иллюстраций к «Анакреонтическим песням», хранящиеся ныне в Эрмитаже⁶. Думается, именно к этому периоду живого тесного творческого общения с Державиным как с моделью портрета и его друзьями и единомышленниками в вопросах искусства следует отнести обращение Тончи к переводу оды «Бог». Известно, что он не выучил русского языка и нуждался в переводе-посреднике, в подстрочнике. Разыскание такого перевода-посредника, если следы его сохранились, должно стать предметом отдельного исследования.

Текст самого перевода оды «Бог» дошел до нас в составе личного фонда Грота в Пушкинском Доме⁷. Это список, сделанный су-

пругой академика Натальей Петровной, урожденной Семеновой, старшей сестрой П. П. Семенова-Тян-Шанского. Создание списка датировано 20 апреля 1865 года, на следующий день после отправки рукописного тома сочинений Тончи в Публичную библиотеку. Оригинал, по-видимому, был отослан М. Н. Тончи, о чем она просила в письме, изъявляя готовность удовольствоваться даже копией. Текст в списке имеет ряд орфографических ошибок, впоследствии, похоже, исправленных при фронтальной проверке. Вероятно, по недостаточному знанию итальянского языка Наталья Петровна не всегда справлялась со словоделением, апострофированием и правильным прочтением некоторых букв, отчего получались несуществующие слова. Одна явная описка не была устранена, ее следует исправить конъектурой в соответствие с оригиналом («в воздушном океане»): *osreo oceano* → *etereo oseano*.

Неудивительно, однако, эти ошибки. Их рождает качество самого переписываемого текста. Взявшись за перевод одного из самых вдохновенных, но отнюдь не самых удобопонятных творений русского поэтического гения, Тончи подошел к нему вооруженный инструментарием и арсеналом, усвоенным из входившей тогда в общеевропейскую моду и лично любимой им «Божественной комедии» Данте. Он уснастил свое переложение возвышенными устарелыми, редкими словами и формами вплоть до прямых латинизмов, запутанными синтаксическими инверсиями и поэтическими вольностями в виде весьма сложно читаемых и трудно воспринимаемых на слух синерез. Он использовал традиционный итальянский эпический одиннадцатисложный стих, лишенный, однако, рифмы в соответствии с новейшими веяниями поэтической моды, отвергавшей «готическую погребушку» рифмы в пользу античной внутренней музыкальности стиха и его вольного как бы естественного течения⁸. Вольность этого стиха усиливалась спорадическим введением дактилических клаузул на фоне требуемых традицией женских. В результате вышел стиль смятенный, страстный, возвышенно-затемненный, однако торжественный и архаично-величественный, приближающийся в этих характеристиках выразительности к оригиналу. Более того, Тончи

выдержал эквилиnearность своего перевода, передав одиннадцать десятистишных державинских строф ста десятью своими одиннадцатисложниками, помеченными цифрами там, где начиналась новая строфа оригинала. Стремясь к построчному переводу, он, конечно, сильно терял в ясности, однако, смеем предположить — не она, а великолепная непроницаемая многозначительная таинственность была его метою.

В публикации сохранены все основные особенности словосложения, апострофирования, употребления заглавных и строчных букв и архаизирующих орфографических особенностей текста из рукописи.

Публикация

Л. 1

Итальянский перевод Оды Бог

Тончи

Получен от дочери его 9 мая 1864

Переписан Нат[альей] Петр[овной] Грот 20 апреля 1865

С подлинника

Л. 1 об.

A DIO

Ode

1.

Tu per l'esteso, che 'nfito sei,
De la materia e che nel moto vivi,
Eterno per lo scorrere del tempo,
Unico, e solo, in tre persone dive,
Cui nulla de' mortali aggiunger puote,

Spirto, che tutto l'universo adempie,
Senza aver loco, né cagion, né forma,
Che l'abbraccia, l'edifica, il conserva,
E lo cui nome, fra' mortali è Dio,

2.

Trarre a misura l'ocean profondo,
Contar su' arene, e de' pianeti i rai,
Quando pur lo potria spirto sublime,
Te no, che numero non hai né misura.
Gli spirti stessi, dal tuo lume nati,
Scrutar non ponno i tuoi decreti eterni.
A pena verso te batter le piume
Osa il pensier, ch' in tua grandezza perdesi,
Qual colpo d'occhio ne la eternitate.

3.

Anzi ogni tempo, da' profondi abissi
D'eternitade, a te chiamasti il caos;
Ha eternità dinanzi ai secol nata,
Tu in te medesimo, stabil la fondasti,
Te formando per te, per te brillando,
Tu solo lume, onde ogni lume nacque.
Tutto creato avendo d'un sol verbo,
Ti distendendo in creazion novella,
Tu sei, tu fosti, et tu sarai per sempre.

4.

Tu, l'immensa de gli esseri catena,

Л. 2.

In te contieni, conservi, vivifichi,
Al tuo principio tu congiungi il fine,
E per la morte tu doni la vita.
Quai le scintille lanciansi, e dispergonsi,
Tutti i soli così da te si spiccano.
Come pel gel d'un chiaro dì d'inverno,
Gli atomi brillan di ghiacciata nebbia,
E a turbo parpigliandosi, sfavillano,
Gli astri così, sotto i tuoi piè, risplendono.

5.

A million, le scintillanti faci,
Ardendo, ne la immensità si spandono,
Tue fisse leggi d' eseguir s' aspettano,
Lancian da te vivificanti raggi.
Ma queste fiamme, d' alto incendio accese,
O di cristal le trasparenti masse,
O i flutti d' or, (fiammifera assemblea)
O i foco-lampeggianti eter per l' alto,
O tutt' insiem li rilucenti mondi
Anzi a te son, qual è la notte al giorno.

6.

Come una goccia caduta nel mare,
A te davanti, è tutto 'l firmamento.
Ma al mio sguardo, cos'è l' ampio universo?
Ed io inanzi a te, che mai son io?
In questo immeso, etereo oceano,
Li mondi, d' un million moltiplicando,

Cento volte altri mondi, a te qualora
Gli osassi comparar, tal mole a pena,
Sarebbe un punto, ed i' a te innanzi, nulla.

7.
Nulla! ma pur per entro me tu splendi,
Per la grandezza di tua bonitade.
Sì come il sol in picciol d'acqua goccia.
Nulla! me pur, ch'ho in me la vita, io sento.
Io sento in me qualcun non sazio, e volo,
Per un istinto animator, ver l'alto.
De la speme de l'esser piena ho l'alma.
Ella sente, ella pensa, ella ragiona,
Io son, e veramente, tu pur sei.

Л. 2 об.

8.
Tu sei. L'annunzia di natura il grido,
Mio cor mel dice, e me ragione accerta.
Tu sei, et io già più nulla io non sono.
Picciola i' son de l'universo parte,
Nel di natura rispettabil mezzo,
U' le corporee creature han fine,
Ove incomincian le celesti forme.
Me tu ponesti, de la gran catena
De gli enti tutti, indissolubil nodo.

9.
Legame io son de gli infiniti mondi,
De la materia io son lo grado estremo,
A tutti quanti gli viventi centro,
Tratto primier de la divinitade,
Fradicio pel mio corpo, entro la polve,

Per lo spirito, dominator del tuono;
Rege e schiavo, in un punto, e verme, e Dio.
Ma, un esser sì maraviglioso essendo,
Onde tratt'è l'essenza mia? L'ignoro:
Sol so che io per me fatto esser non posso.

10.

Son tua creatura, o Creator sovrano:
J' mi son l'opra de la tua sapienza,
Fonte di vita, donator di bene;
Anima, e re tu sei de l'alma mia,
Certo, a tua verità necesse egli era,
Che l'eternale mia, divina essenza
In pria varcasse lo mortale abisso,
Avviluppata de l'umano velo,
Perché da me, sgombro il mortal, tonrassi
A te, buon Padre, ne l'eterna gloria.

11.

O ineffabil Ente! O inaccessibil!
Jo so che le virtù de l'alma mia
Forza non han di sol tracciar tua ombra.
Ma se 'l tuo Nome celebrar pur suolsi;
E ben: a l'uom è ciò impossibil opra.
Al debile mortale altro non dasti
Che, con cuor puro, a te levarsi almeno,
Perdersi ne l'immensa tua grandezza,
E riversar riconoscenti lagrime.

Примечания

- ¹ Сочинения Державина с объяснительными примеч. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1884. Т. 2. С. 397–404.
- ² *Antologia italiana poetica del secolo decimonono / da Giuseppe Rubini, consigliere aulico e lettore di lingua, e letteratura italiana nell'Imperiale università di Mosca.* Mosca, 1844. Т. 2. Биографическая справка о Тончи: Р. 199–203; Отрывок из поэмы «Эденеида»: Р. 204–211; Басня «Пчела, Осёл и Волк»: Р. 212.
- ³ *In occasione dell'inalzamento al trono di Nicola I. Il patto fra la pietà e il rigore, poemetto allegorico in forma di dialogo, composto e dedicato alla Russia da Salvatore Tonci.* Mosca, 1826. Уже название и обстоятельства написания подсказывают, что она должна была служить откликом на декабрьское восстание, сопровождавшее восшествие Николая на престол.
- ⁴ Том хранится в ОР РНБ: Ф. 954. Итал. FIV 6. Обстоятельства его передачи раскрываются в письмах М. Н. Тончи к Гроту: СПФ АРАН. Ф. 137 (Я. К. Грот) Оп. 3. № 937, где она благодарит его за присылку второго тома «Сочинений» Державина, вышедшего в начале 1865 г., и отправляет ему рукописный том сочинений отца и, видимо, отдельной рукописью перевод оды «Бог», который затем просит вернуть хотя бы в копии; в письме Грота в Публичную библиотеку, сопровождающем передачу тома С. Тончи, и в благодарственном письме предположительно от ее директора Д. И. Делянова: Архив РНБ. 1865 г. № 30. Дело управления Имп. Публ. библиотеки. Л. 50 (письмо Грота от 19 апреля 1865), Л. 53 (отпуск благодарственного письма к М. Н. Тончи от 27 апреля 1865).
- ⁵ *Фатьянов А. Д.* История портрета Г. Р. Державина работы итальянского художника С. Тончи // Сибирь. 1987. № 2. С. 118–125; *Автухович Т. Е.* Поэт и его изображение: стихотворения Г. Р. Державина «Мой истукан» и «Тончию» как поэтическая авторефлексия // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции (Казань — Лаишево). Казань, 2012. С. 18–22.
- ⁶ ГЭ ОР 47675–47698.
- ⁷ Автограф Н. П. Грот: РО ИРЛИ. Ф. 88 (Архив Я. К. Грота). Оп. 2. № 53.
- ⁸ О полемике вокруг рифмы и безрифменного стиха в итальянской литературной критике XVIII в. см.: *Феррацци М. А. Д.* Кантемир и его итальянское окружение в Лондоне: к вопросу о влиянии итальянской поэзии на теорию стихосложения А. Д. Кантемира / пер. с итал. А. О. Дёмина // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина.* СПб., 2010. С. 178–197.

Н. П. Морозова

«Ли́ра его золотая...»
(о посвящениях Державину)*

Гавриле Романовичу Державину благодарные современники и потомки посвятили около ста стихотворений, созданных с конца XVIII по начало XXI века и опубликованных в периодических изданиях, альманахах, сборниках, иногда в виде отдельных брошюр.

Так, в 1816 году самостоятельными изданиями вышли «Надгробный цветок знаменитому северному Барду, Гавриилу Романовичу Державину» Анны Волковой и «Горсть земли на могилу благодетителя» Семена Капниста.

Многие из адресованных Державину стихотворений сохранились в рукописном виде в его архиве¹.

Державинская тема волновала как именитых поэтов (В. В. Капниста, И. И. Дмитриева, В. И. Панаева, А. Майкова, Г. Шенгели, О. Мандельштама, Д. Самойлова, Б. Окуджаву, Б. Ахмадулину и др.), так и малоизвестных. Они солидарны в восторженном отношении к его поэзии. Б. Окуджава по этому поводу сказал в стихотворении «Державин» (1972):

Стоит на миг оглянуться,
встретиться взором с тобой —
слышно: поэты клянутся
кровью твоей голубой².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00181 «Державин: pro et contra. Личность и творчество Г. Р. Державина в оценках русских писателей, критиков и исследователей».

Разнообразен жанровый состав посвященных Державину произведений: дружеское послание, надпись к портрету, сонет, «песнь», воззвание, элегия, эпитафия, ода, дума.

Различны поводы их создания. Для современников — это отклик на появление оды «Фелица», поздравление с каким-либо событием (получением ордена, назначением на должность статс-секретаря, министра юстиции), встреча с поэтом (например, стихотворение А. Нестерова «Певцу Фелицы»³), участие в поэтическом диалоге с ним; печальным поводом для создания скорбных элегий и эпитафий стала кончина Державина, сделавшая одной из главных тем тему памяти.

По-своему ярко она прозвучала в стихотворении А. Майкова «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе», написанном во время Крымской войны:

Наш век велик, могуч и славен;
Но где ж, Россия, твой Державин?
О, где певец твоих побед?
И где кимвал его, литавры,
Которых гром внимал весь мир?..
Не полны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!⁴

И современников, и потомков, помимо мотива памяти, волновал мотив «передачи лиры». В творчестве самого Державина он прозвучал лишь однажды — в «Гимне лиро-эпическом» (1812):

...младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны,
Да черплют с них в свои сердца перуны
Толь чистых, ревностных огней,
Как пел я трех Царей (III, 164).

По мнению поэта «робким струнам» «младых певцов» еще не доставало «„чистых, ревностных огней“, которые всегда были <...> в его „ветхих струнах“»⁵. Под «младыми певцами» имелся в виду, прежде всего, автор «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуков-

ский, которому поэт хотел было адресовать, но неслучайно так и оставил в рукописи строки, впервые опубликованные Я. К. Гротом:

Тебе в наследие, Жуковский,
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою (III 449).

Следующим «этапом» в вопросе «передачи лиры», а точнее «места первого русского поэта»⁶, которым до конца своих дней оставался Державин, стала его встреча с юным Пушкиным на лицейском экзамене 8 января 1815 года.

Спустя несколько месяцев поэт скажет молодому С. Т. Аксакову: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перешагнул всех писателей»⁷.

В мемориальной традиции мотив «передачи лиры» впервые прозвучал в стихотворении А. Дельвига «На смерть Державина» (1816), прочитанном 31 января 1818 года на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»:

Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели,
счастливец

В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камены!
Любите младого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные персты!⁸

Не столь близок к ответу на волновавший потомков вопрос Н. Шатров в стихотворении «Праху Державина»:

Какой из современных гений
Оспорит у него венец?
Громами стройных песнопений
Какой сравнится с ним певец?

Тебя потомство не забудет,
И долго, долго здесь не будет
Тебе подобного певца⁹.

М. В. Милонов в элегии «На кончину Державина» вопрошал:

Кому, песнопевец, кому ты передал
Небесный твой пламень, другой Прометей?¹⁰

Вскоре ответ стал очевиден всем — юному Пушкину, который в лицейском стихотворении «К Жуковскому» (1816) сказал:

И славный старец наш, царей певец избранный, —
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, неизвестное мной¹¹.

Позднее в 8-й главе «Евгения Онегина» появились другие известные строки:

Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил¹².

Эта тема присутствует и в воспоминании Пушкина о лицейском экзамене («Державин») из «Table-talk», которое заканчивается словами: «Не помню, как я кончил свое чтение, не помню куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»¹³.

Старый поэт, взволнованный стихами юного лицеиста, с большой симпатией изображен в стихотворении Г. Шенгели «Державин» (1918):

Бессильный бард, вернувшийся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу и взял, было, рукой, —
Но так и не раскрыл тетради¹⁴.

Лицейский экзамен, дальнейшая судьба державинской лиры («венка») в творческой судьбе Пушкина стали лирическим сюжетом стихотворения Я. В. Смелякова «Лавровый венок» (1972), в котором о знаменательном событии замечательно сказано:

При ропоте молвы
сошел венок России
с поникшей головы
на кудри молодые¹⁵.

Любопытно, что первым о своей судьбоносной встрече с Державиным на экзамене в Юнкерском институте в 1803 году рассказал Н. И. Греч:

Но непреодолимая моя страсть к авторству и желание сблизиться с великими в литературе людьми нашли полное удовлетворение, когда я в первый раз увидел Державина. Он был тогда (в 1803 г.) министром юстиции и, в сем звании, главным начальником нашего училища. У нас был годовой экзамен. Лучшие из нас были уверены в своих знаниях и с самонадеянностью ожидали начала испытания. Вдруг услышали: «Министр приехал!» Все бросились по своим местам. Державин, в парадном сенаторском мундире и в ленте, сопровождаемый директором нашим, Алексеем Николаевичем Олениным, вступил в залу. По его желанию, начали экзамен с древней истории. Меня вызвали первого — надлежало показать место и разделение Древней Греции. Я знал это, как Отче наш; но, подошед к карте, очутившись в двух шагах от Державина, остолбенел, вперил в него глаза и не мог промолвить ни слова. Я не видел ни шитого мундира, ни звезд, ни ленты: я смотрел ему пристально в глаза, и в уме моем с быстротою сонных видений пролетали: Бог, Фелица, Водопад, Рождение Порфиородного.

— Скажите положение и разделение Древней Греции, — повторил учитель. Я посмотрел на него бессмысленно и опять обратил глаза на Поэта.

— Древняя Греция, — подсказывали мне шепотом товарищи, — лежала в Европе, между 36-м и 41-м градусом северной широты и 37-м...

— Знаю, — отвечал я тихо и все смотрел на Державина.

Выведенный из терпения, учитель вызвал другого ученика, а я отступил в сторону, ближе к Державину. Директор, зная меня по экзаменам частным, сказал ему что-то обо мне, и Державин обратился ко мне ласково.

— Это что? — спросил он, указав на тетрадку, которую я держал в руке.

— Мои сочинения, — сказал я с откровенным самолюбием юноши и подал ему. Он развернул тетрадку, прочитал несколько стихов (помнится, преглупых) и сказал, отдавая мне:

— Это очень хорошо — продолжайте!

Вообразите себе восторг мой! Державин говорил со мною, Державин читал мои стихи, Державин хвалил их!

Есть быстрые минуты, имеющие влияние на участь, дела и всю жизнь человека. Немногие слова Державина произвели во мне волшебное действие: мне казалось, что он, как первосвященник в храме русской словесности, посвятил меня в ее таинства и что долг повелевает мне в точности следовать его призыву¹⁶.

Несмотря на столь значимое событие, достичь в поэзии больших высот Николаю Гречу не удалось.

Земляк Гаврилы Романовича Л. Ибрагимов в стихотворении «Память великому Державину» (1839) сетовал:

И славу громкую, и лиру золотую
Наследия в удел ты мне не завещал.
И сколько я о том в час дум, в полночь глухую
Горячих слез с тоскою проливал!..¹⁷

По-своему созвучно этим строкам и давней истории «передачи лиры» Жуковскому стихотворение Давида Самойлова «Старик Державин» (1962), построенное на воспоминаниях военного времени и завершающее выводом:

Был старик Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!¹⁸

Стихотворение А. Городницкого «Державинская лира» (2004), не бесспорное в отношении пересказа событий лицейского экзамена, заканчивается убедительными строками:

Поэт свою единственную лиру
Передавать не может никому¹⁹.

В стихах младших современников Державина его лира была не только метафорическим, но и предметным образом из реального мира.

М. Д. Костогоров, побывавший на могиле поэта в Варлаамо-Хутыньском монастыре, рассказывал в стихотворении «Предание» (1830):

Ли́ра его́ золотая на камне могильном лежит,
Громкие струны затихли, звуки на небо умчались,
Потомки певца вспоминают, песням чудесным дивятся...
Но гордая ли́ра его́ безмолвно на камне лежит; --
Никто не дерзнет ударить в струны ее золотые²⁰.

На мемориальном памятнике Державина в XIX веке действительно была бронзовая золоченая ли́ра. Она находилась в нижней части постамента, ее корпус украшали цветочный орнамент и сюжетный барельеф, изображавший опечаленную Музу, облокотившуюся на гробницу поэта.

Своеобразной «программой» этого барельефа воспринимаются сегодня строки стихотворения Н. А. Нестерова «При гробе Державина» (1816):

При томном месяце мерцаньи
Я зрю — в печальном одеяньи
На хладном камне сем Поэзия грустит,
Среди безмолвия природа унывает;
Лишь надпись звездная на небесах блистает:
*«Благоговей земля! — здесь Бард бессмертный спит!»*²¹

Прежний вид памятника описан Я. Гротом в «Жизни Державина»: «...над высоким четверугольным пьедесталом, передняя сторона которого покрыта медной доской с надписью, возвышается мраморная же урна, а у подошвы, над ступенями, медная ли́ра»²². Описание сопровождает гравюра.

В Литературном музее Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) хранится акварель XIX века работы неизвестного художника (ПД-И-5885), на которой изображены могила Державина и памятник в его первоначальном виде: урна декорирована золоченым траурным покрывалом, наверху ее — бронзовая бабочка, символизирующая бессмертие души, на постаменте — бронзовая золоченая таблица

с мемориальной надписью и ниже золоченая лира — атрибут поэта и символ его бессмертия. «А я пиит и не умру», — сказал о себе Державин в оде «Вельможа» (1794).

Композиция мемориала была детально продумана и соответствовала сложившимся традициям. Памятник с урной помещен в нишу. Бронзовое золоченое покрывало, обрамлявшее урну, оттеняло камень, из которого она высечена. В свою очередь, контрастным фоном для золоченого покрывала служила пурпурная пелена с золотыми кистями, размещенная под иконой Спасителя. Цветовое решение поддерживали золоченые элементы решетки.

Памятник с лирой запечатлен также на старой фотографии из собрания Литературного музея Пушкинского Дома (ПД-И-26640), поступившей от К. Я. Грота.

К сожалению, мемориальная композиция претерпела изменения, по-видимому, еще в XIX веке: была демонтирована или утрачена золоченая лира.

Поэт К. Фофанов, побывавший на могиле Державина летом 1903 года, подробно описал ее в небольшой статье в газете «Волховский листок»:

Немногим известно, где поживает прах дедушки нашей поэзии, известного автора од и «Водопада» Г. Р. Державина.

Крылов, Жуковский, Гнедич, Фонвизин, Баратынский погребены в С.-Петербурге, в Александро-Невской лавре. И по моему-то многие, да и я некогда полагал, что там же, в Невской лавре, и прах поэта Державина. Но нет, Гавриил Романович погребен в Хутыньском монастыре св. Варлаамия, что на реке Волхове, в получасовой езде от Новгорода, если ехать на пароходе. С левой стороны главного храма, где почивают мощи преподобного Варлаамия, есть придел во имя архистратига Гавриила — маленькая церковь. В этой церкви на полу две плиты, под которыми погребены действ. тайн. советн., кавалер многих орденов Гавриил Романович Державин и его супруга Дарья Алексеевна, род. 8 Марта 1766 г., скончалась 16 Июня 1842 г., на 76 г. от рождения, урожденная Дьякова.

Около плит недалеко от иконостаса мавзолей, окруженный медной решеткой. На нем медная доска с гравированной надписью: «Гавриил Романович Державин. Д. т. с. и разных орденов кавалер, род. 1743 г. Июля 3, скончался 1809 г. Июля 9. Погребен в Храме сем против местного образа Пресвятой Богородицы». И ниже стихи, превосходно характеризующие мировоззрение поэта:

Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

Выше стоит гранитная урна с полуотброшенным медным покрывалом и на ней металлический мотылек, готовый к полету. Мавзолей осеняет икона Спасителя, принадлежавшая некогда самому поэту.

Странно, что ни одна лампадка не зажжена в церкви, также и надмогильная, хотя обедня едва кончилась, когда мы посетили славную могилу.

«И не один венок не говорит с тобою...» — вспомнился мне стих Надсона. Ни одного венка, ни металлического, ни из цветов, хотя бы полевых. Вероятно, для многих, я думаю: умер, или не жил славный поэт.

И «ничья благосклонная рука» не «потреплет лавры старика».

Но все-таки отрадно, что певец «Бога» лежит в сияющем храме, по соседству великих святых, под сенью монастырской²³.

Процитированные в заметке стихи из оды «Бог» были выгравированы на доске, размещенной на постаменте памятника вместо лиры. Они приведены и в «Провинциальном некрополе» при описании могилы поэта²⁴. Новый вид памятника запечатлен на фотографии, сделанной В. Федоровым в 1925 году и переданной в Пушкинский Дом (ПД-И-5425).

В годы войны Спасо-Преображенский собор и могила Державина пострадали. В 1959 году ее перенесли в Новгородский

кремль, а в 1993 вернули обратно в восстановленный Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря.

Остается сожалеть лишь о том, что мемориальный памятник не имеет прежних символических деталей, прежде всего, золоченой лиры. Конечно, и без них у пришедших на могилу поэта может возникнуть то состояние, о котором писал В. Н. Олин в «Элегии на смерть Державина» (1816):

Но и гробница твоя священна для граждан!
Придет унылый Поэт к местам, где ты почиваешь,
И обопрется едва он лирой о камень могильный —
Вспыхнет огонь на струнах, и струны невольно взиграют²⁵.

Однако, зная историю памятника, трудно преодолеть чувство, что великий Бард лишен своей лиры. Тем более, что с нею он представлен на знаменитом казанском памятнике, созданном по проекту академика А. Тона скульптором С. И. Гальбергом. Памятник был открыт летом 1847 года, в 1930 году уничтожен и в 2003 году воссоздан.

А. Родзянко, сетуя в стихотворении «Державин» (1816) на короткую память потомков и отсутствие «народа шумных волн» на могиле поэта, писал:

В пустынном храме тень твоя
Неуспокоенна блуждает,
И эхо стоны повторяет!²⁶

Сегодня «тень поэта» может быть спокойна: могила его не забыта, прах покоится в действующей обители. Недостает лишь «золотой лиры» на мемориальном памятнике.

С нею по-новому зазвучали бы строки оды В. Капниста «На тленность» (1816), которой он откликнулся на смерть Державина:

Пока светящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной,
Пока ось мира не падет, —
Времен над реющею бездной
Венок твой с лирою всплывет²⁷.

Примечания

- 1 См.: *Кукушкина Е. Д.* Стихотворные посвящения Державину (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 149–182.
- 2 *Окуджава Б.* Посвящается вам. М., 1988. С. 71–72.
- 3 Вестник Европы. 1814. Апрель. № 8. С. 279–281. Также: Москвитянин. 1843. № 12. С. 424 (в статье Нестерова «Первое и последнее свидание с Державиным»).
- 4 *Майков А. Н.* Избранные произведения / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы. Сост., подг. текста и примеч. Л. С. Гейро. Изд. 2-е. Л., 1977. С. 637–640. Впервые опубли.: Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1854. Т. 3. Стлб. 388.
- 5 *Коровин В. Л.* Как старик Державин лиру передавал (о «младых певцах» и «юном царс» в «Гимне лироэпическом») // Новгородский Державинский сб. (К 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород, 2016. С. 88.
- 6 Там же. С. 96.
- 7 *Аксаков С. Т.* Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 307.
- 8 *Дельвиг А. А.* Сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацура. Л., 1986. С. 105. Впервые опубли.: Отечественные записки. 1855. № 6. С. 48 (отрывок). Полностью: Сочинения Державина. Т. IX. С. 550.
- 9 Стихотворения Н. М. Шатрова. Ч. 1–3. СПб., 1831. Ч. 3. С. 107.
- 10 Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Подг. текста М. Г. Альгшуллера. Вступ. заметки и биографические справки и примеч. М. Г. Альгшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 535. Впервые опубли.: Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова. СПб., 1819. С. 127.
- 11 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1: Лицейские стихотворения. С. 194.
- 12 Там же. Т. 6: Евгений Онегин. С. 165.
- 13 Там же. Т. 12: Критика. Автобиография. С. 158. Впервые опубли.: Современник. 1837. Т. VIII. С. 242.
- 14 *Шенгели Г.* Раковина. М.; Пг., 1922. С. 85.

- 15 *Смеляков Я. В.* Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. В. П. Ланиной. Вступ. ст. Б. И. Соловьева Л., 1979. С. 452–453.
- 16 *Греч Н. И.* Записки о моей жизни / под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.-Л., 1930. С. 177. Впервые рассказ об экзамене в Юнкерском институте был напечатан в составе «Воспоминаний Федору Петровичу Толстому» (Новоселье. 1833. Ч. 1. С. 417–419).
- 17 *Ибрагимов Л. Н.* Стихотворения Льва Ибрагимова. Казань, 1841. С. 8. Впервые опублик.: Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXIV. С. 7–9.
- 18 *Самойлов Д. С.* Счастье ремесла. Избранные стихотворения / Сост. В. Тумаркин. М., 2010. С. 208.
- 19 *Городницкий А. М.* Легенда о доме: Избранные стихотворения и песни. СПб., 2010. С. 236. Детальный анализ этого стихотворения см.: *Биткина А. А.* Пушкинско-державинский миф в поэтическом мире А. Городницкого (мотив передачи лиры) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 106–111.
- 20 *К-в.* [Костогоров М. Д.] Предание (Посвящено Н. М. К[няжеви]чу) // Невский альманах на 1830 год. СПб., 1830. С. 465–471.
- 21 Вестник Европы. 1816. Ч. 90. № 21. С. 17.
- 22 Сочинения Державина. Т. 8. С. 1004.
- 23 *Фофанов К.* На могиле Гавриила Романовича Державина // Волховский листок. 1903. № 76. 27 июня.
- 24 *Шереметевский В. В.* Русский провинциальный некрополь. СПб., 1914. Т. 1. С. 247.
- 25 Сын Отечества. 1816. Ч. XXXI. № 29. С. 104–105.
- 26 Благонамеренный. 1819. № 4. С. 201–208.
- 27 *Капнист В. В.* Избранные произведения / Вступ. ст. Г. В. Ермаковой-Битнер. Подг. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л., 1973. С. 255–256. Впервые опублик.: Сын Отечества. 1816. Ч. XXXIV. № 4. С. 158. С пометой: 1816, сент. 22, Обуховка.

И. Ю. Фоменко

Книгопродавец В. В. Губкин:
«маленькие люди»
в окружении Державина

Во «Вступлении» к первому номеру журнала «Русский вестник», где излагалась его программа, С. Н. Глинка писал: «Истинная добродетель не требует похвал; но нужно напоминать о ней в наставление другим. Издатель и участвующие в Вестнике его весьма будут признательны за известия о благодеяниях, полезных заведениях, словом о всем том, что может услаждать сердца русские. Уведомления сии составят новую отечественную историю, историю о добродетельных деяниях и благотворных заведениях»¹.

Поражает массовый характер, масштаб публикаций на тему благотворительности в «Русском вестнике». В 1808–1824 годах в этом журнале было опубликовано более 100 сообщений разного объема о благотворительных акциях². В заглавиях этих заметок дается относительно подробная характеристика содержания, с именами благотворителя и «благотворяемого», описываются обстоятельства его бедственного положения, но нередко таких сведений в заглавии нет. Впечатляет разнообразие жанров, где присутствует эта тематика. Посвященные ей заметки печатались не только в разделе «Благотворительные известия», но и в других, нередко публиковались стихи, адресованные благотворителям. Неудивительно, что в 1817 году на страницах журнала даже развернулась дискуссия об уместности, тактичности такого рода активной рекламы благотворительных акций.

К магистральным темам журнала «Русский вестник» относится также тема Отечественной войны 1812 года в самом широком смысле. Многие публикации журнала 1813–1814 годов содержат

эпизоды жизни разоренной пожаром Москвы. В них находят место картины взаимопомощи жителей, в частности, в форме благотворительности.

В числе многих москвичей в пожаре пострадали книготорговцы, типографы, издатели. Уже в 1813 году на страницах журнала появилась заметка «Нешастия Гаврилы Иванова, комиссара московской сенатской типографии, во время злодеяний французов в Москве»³. Этот хорошо известный текст, раскрывающий судьбу Синодальной типографии при французах, в дальнейшем неоднократно переиздавался. Сообщая о людях, пострадавших в Московском пожаре 1812 года, журнал уделяет внимание как известным, так и недостаточно известным, недостаточно крупным литераторам и деятелям книжного рынка. Напечатанные материалы могут быть использованы как важный источник биографических сведений. Примером может служить публикация о В. В. Губкине.

В 1814 году была напечатана развернутая заметка «Благотворение: (В Москве)», подписанная «Любитель отечественных добродетелей»⁴, автор которой пока не установлен. Ее сюжет связан с разорившимся книгопродавцем В. В. Губкиным, долг которого простил Г. Р. Державин.

В. В. Губкин упоминается Я. К. Гротом в эпизоде, связанном с изданием «Сочинений» поэта в 1808 году. «Из одного письма Державина видно, — пишет ученый — что печатание должно было начаться в августе 1807 года. Оно производилось опять в типографии Шнора, на этот раз под главным распоряжением и надзором известного А. Ф. Лабзина <...>, который составил и смету издержек по изданию. Завод определен был в 3600 экземпляров, издержки же на все издание исчислены в 9980 рублей»⁵. Самое интересное сообщается в примечании к этому тексту:

Из всего количества экземпляров тотчас же отправлено было в Москву 2000 к комиссионеру, коллежскому секретарю С. К. Звереву, который потом заключил с книгопродавцем В. В. Губкиным формальное условие об отпуске ему, по мере надобности, книг на комиссию, с тем чтобы уплата производилась в конце каждой недели за проданные в течение этого срока экземпляры. В 1810 году, по затруднениям, которые делал Зверев,

Книгопродавец В. В. Губкин: «маленькие люди» в окружении Державина шла речь о передаче всех экземпляров Губкину; но по невыгодности условий, какие предлагал Губкин, это не состоялось. Книги были переданы жившему в Москве шурину Державина, Николаю Алексеевичу Дьякову, который с тех пор отпускал их книгопродавцам. Потом они перевезены были на квартиру Кат. Фед. Муравьевой в доме гр. Паниной (на Тверской). <...> в 4 года в Москве продано было не более 650 экземпляров. Незадолго до занятия города французами, 8 августа 1812 года, Зверев писал Державину: «Книг теперь никто не покупает, да и надеяться хорошей продажи оных по нынешним обстоятельствам невозможно...» и собирался переправить их обратно Державину или взять себе домой⁶.

По данным А. Зорина, со ссылкой на неопубликованные материалы Грота, в 1809 году «у Зверева оставалось 1850 экземпляров, из которых 1740 он сдал шурину Державина Н. А. Дьякову»⁷. За три года реализовали около 400 экземпляров, т. е. к началу военных действий остаток составлял порядка 1350 экземпляров, что соотносится с данными, опубликованными Гротом. Итак, тираж был задуман по тем временам гигантский, причем более половины экземпляров предполагалось реализовать в Москве. Но именно там он расходился особенно медленно. Неясна судьба без малого 1350 экземпляров, оставшихся непроданными незадолго до Московского пожара. В итоге «издание принесло Державину вместо ожидавшихся 13 тысяч прибыли одну-две тысячи убытка»⁸.

Благодаря публикации в «Русском вестнике» выясняется, что в результате действий Губкина потери усугубились и убыток от одной только московской торговли составил не менее 3400 рублей. Переходим к обстоятельствам, изложенным в «Русском вестнике». Мы узнаем не просто подробности биографии малоизученного деятеля книжного рынка, но получаем выразительную картину его жизни. Тексту предпослан эпиграф из «Фелицы» Державина:

Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Далее автор сообщает:

На сих днях, по обыкновению моему, бродя по Московским улицам, встретил я нечаянно бывшего книгопродавца Губкина. Года за три до французов ему удалось открыть порядочную книжную лавку, в которую Гавриил Романович Державин вверил продажу своих творений. Забыв, что *прибыль с убытком на одних санях ездят*, новый книгопродавец по опрометчивости вдруг упал, лавка заперлась, а долги остались. Губкин сам признается, что от распродажи сочинений Гавриила Романовича Державина было у него в выручке 3.400 руб. Сих денег не нашлось налицо; он пустил их в оборот. Дело началось судебным порядком. Прошедшего года Губкин осмелился отнестись письмом к Гавриилу Романовичу; он изобразил горестное состояние своего семейства, потерпевшего много зла от нашествия врагов. Письмо пришло в Петербург ко дню именин Гавриила Романовича; и он стал Ангелом-утешителем страждущего семейства!

Рассказывая мне о сем обстоятельстве, Губкин со слезами вынул из пазухи бумагу и продолжал: «Эта бумага всегда у меня возле сердца. Прочитайте ее». Я увидел объявление, подписанное от имени Гавриила Романовича в четвертый департамент Сената об «уничтожении 3.400 рублей, состоявших на Губкине». В оном сказано: «Как он, Губкин, должен и другим людям, но находится ныне к платежу долгов своих по несчастным происшествиям в Москве несостоятельным, то я снисходя к бедному его положению, означенную претензию мою на нем оставляю без взыскания и самое то дело предаю вечному забвению, а на имение учредить разрешение». «Знаете ли — сказал Губкин, утирая слезы: в каком я был жалостном состоянии до получения сей бумаги? Укрываясь от непогод в развалинах погоревшего моего дома, именем Божиим питаю жену и детей, я еще мучился от тягостных долгов»⁹.

Итак, у Державина, как он всегда и декларировал, слова с делами не расходились. Меценатство одна из сквозных его тем, раскрытая в ряде стихотворений («К Меценату» «На выздоровление мецената» и особенно «Монумент милосердию», посвященный Николаю Петровичу Румянцеву и его отцу полковнику Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому).

В. В. Губкин, о котором известно пока немного, в 1810 году «продал Санкт-петербургскому купцу и московскому гостю О. Л. Свешникову весь свой книжный товар в Москве и Калуге»¹⁰. За этими обрывочными сведениями просматривается склонность к авантюрам. Почему Губкин вдруг все продает — куда потратил деньги, что затевал? Хочется надеяться, что сохранились какие-то архивные материалы, которые позволят больше узнать о нем.

Тема «маленького человека» — одна из магистральных тем русской классической литературы XIX века. Как видим, освоение относительно нового для литературы материала по этой теме в начале XIX века происходит и в журналистике. При этом среди «маленьких людей» упоминаются книгоиздатели и книготорговцы, мелкие «предприниматели». Журналистика производит первичную литературную обработку жизненного материала. И если русская классическая литература демонстрирует безусловное сочувствие «маленьким людям», жизнь, нашедшая свое отражение на страницах журнала, оказывается богаче и разнообразнее.

Примечания

- ¹ Русский вестник. 1808. Кн. 1. С. 4.
- ² Для сравнения можно отметить, что в сериальных изданиях 1800–1825 гг. было напечатано 2070 сообщений на тему благотворительности.
- ³ Русский вестник. 1813. Кн. 12. С. 68–79.
- ⁴ Русский вестник. Кн. 4, С. 69–75.
- ⁵ Сочинения Державина. Т. I. С. XXII.
- ⁶ Там же. С. XXII–XXIII. Примеч. ***.
- ⁷ Зорин А. Глагол времен // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 14.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Русский вестник. 1813. Кн. 12. С. 68–79.
- ¹⁰ См. материалы о купце О. Л. Свешникове в интернет-ресурсе «Блестящий сын золотого века», посвященном Н. М. Карамзину / URL: <http://karamzin.rusarchives.ru/personalii/sveshnikov-osip-leontevich>

В. С. Трофимова

Анна Петровна Бунина и ее проекты женских училищ

Анну Петровну Бунину (1774–1829) нередко называют первой русской поэтессой. Это определение не совсем верно: до Буниной была уже целая плеяда русских женщин, которые сочиняли и публиковали стихи, в том числе и под своими именами. Ее можно охарактеризовать как первую профессиональную писательницу, которой была пожалована пенсия за заслуги на поприще словесности.

В отличие от своих предшественниц, она не получила основательного домашнего образования. Однако Бунина вспоминала, что, в возрасте двенадцати-тринадцати лет находясь в доме своей тетки, с упоением слушала споры о Боге, устройстве вселенной и размышляла о «системе мира, тяготении тел, бессмертии души и суетности церковных постановлений»¹. Возможно, эта тяга к знаниям проявилась и впоследствии, когда после приезда в Петербург Бунина решила там остаться и на полученное от отца наследство наняла себе учителей. Будучи к тому времени двадцати семи лет от роду, она уже не могла поступить в женское учебное заведение. В стихотворении «Хоть бедность не порок» она вспоминает об этом периоде своей жизни:

Душою люблю науки,
Лечу в Петров я град!
Заместо молодцов и франтов
Зову к себе педантов,
На их себя сострою лад.
Но ах! науки здесь сребролюбивы.
Мой малый кошелек стал пуст!²

Далее Бунина дает понять, что частное образование, которое она получила, не ограничивалось танцами, музыкой и основами стихосложения: «Остались у меня воздушные насосы»³. По всей видимости, она получила от учителей некоторые сведения по физике, и ее детский интерес к «тяготению тел» дал о себе знать таким образом.

Стихотворение «Хоть бедность не порок» было написано в 1813 году. Ранее, в 1808 году, Бунина пишет маленькое стихотворение «К портретам двух братьев Айю», посвященное естествоиспытателю и создателю кристаллографии Рене-Жюсту Гаюи и создателю системы обучения слепых Валентину Гаюи.

В «Песне свободе» 1810 года поэтесса развивает тему естественных наук:

Себя тобою ограждая,
Невтон, Коперник, Галилей,
Объяв вселенну в край из края,
Парят до вышних областей:
Из туч перуны исторгают,
Закон на тяжесть пишут сил,
Дают движению предел,
Мирам пути определяют;
И в веки светлы письма
Передают их имена⁴.

Помимо учений Ньютона, Коперника и Галилея, Анна Петровна, по всей видимости, была знакома и с идеями Декарта:

Тобою разум возмужалый
Природы в таинства проник;
Тобой, мужаяся, и малый
Нередко делался велик.
И самые тобой Декарты,
Умчавшись с вихрем средь планет,
Нам кажут истину сквозь бред⁵.

Бунина, не получившая ни основательного домашнего, ни систематического институтского образования, своей осведомленностью в естественных науках явно превосходила многих современниц.

Наконец, ее интерес к науке проявляется и в программном стихотворении «Разговор между мною и женщинами» (1811). Объясняя женщинам, кого она прославляет в своих произведениях, поэтесса говорит:

Подчас,
Почтением влекома,
Я пела физика, химиста, астронома⁶.

Сочинения и переводы Буниной неоднократно приобретало Главное правление училищ Российской империи. Им было куплено 225 экземпляров⁷ ее сокращенного перевода «Курса изящной словесности» аббата Баттё (Правила поэзии. СПб., 1808), напечатанного по «именному повелению» императрицы Марии Федоровны «в пользу девиц». Книга, дополненная Буниной «правилами русского стопосложения» и примечаниями, была адресована «начинающим упражняться в стихотворении» и имела целью «занять часы, оставшиеся от домашних трудов» тех женщин, «кои обременены хозяйственными попечениями», о чем говорится в предисловии.

В 1809 году вышел в свет поэтический сборник «Неопытная муза Анны Буниной», составленный из оригинальных и переводных сочинений, а в 1811 году — сборник «Сельские вечера». Главное правление училищ закупило по 500 экземпляров каждого из этих изданий⁸.

До недавнего времени ничего не было известно о ее педагогических сочинениях. С ними позволяют познакомиться обнаруженные в Российском государственном историческом архиве (ф. 733. Департамент народного просвещения и ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия) два проекта Буниной в области женского образования, до сих пор не привлекавшие внимание исследователей. Это проект училища для дочерей помещиков в Тамбовской губернии, который сохранился в трех вариантах в делах, относящихся к 1817, 1822 и 1824 годам, и проект училища для девиц низшего звания, сохранившийся лишь в деле 1822 года.

История их создания связана с поездкой Буниной на лечение в Англию в 1815–1817 годах. После недолгого пребывания в Лондоне поэтесса в январе 1816 года переезжает в Бат, город-курорт на юго-западе Англии, известный своими минеральными источниками. Вскоре по причине материальных трудностей она вынуждена была переселиться в благотворительный приют «Бейлбрукский дом», расположенный вблизи Бата. К этому периоду относятся отдельные ее стихотворения («Сон с корабля», «Призывание Мальвины из Брайтона в Бат», «Песня в народном вкусе, из местечка Вейл-Брук») и немногие сохранившиеся письма, в том числе восторженное письмо на французском языке Вальтеру Скотту по поводу его поэмы «Мармион».

Обнаруженные архивные материалы позволяют говорить о том, что в Англии Анна Петровна занималась не только поправкой здоровья и литературными сочинениями. Она разрабатывала проект училища для дочерей помещиков и перенимала британский опыт. В воззвании «К Благонамеренным сынам и Дщерям России» Бунина отмечает, что «в двухгодичное мое в Англии пребывание изыскивала жадным оком все способы учения, могущие быть приноровленными к нравам и пользам России»⁹. По возвращении она разрабатывает проект небольшого женского училища в деревне, принадлежавшей ее родственникам в Усманском уезде Тамбовской губернии.

В августе 1817 года Анна Петровна предлагает министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну проект училища для девиц в Усманском уезде Тамбовской губернии, который обсудила с ним при личной встрече, хотя «очень оробела, и половина слов замерли недоговоренные»¹⁰. К проекту, которым она хотела послужить «богатой способами России»¹¹, было приложено воззвание «К Благонамеренным сынам и Дщерям России». Оно начинается с панегирика Александру I, далее Анна Петровна излагает собственные взгляды на народное просвещение и необходимость его распространения по всей стране. «Те из европейских держав, — говорит Бунина в воззвании, — в коих просвещение есть повсеместное, достигали оногo, заводя училища в малых городках, в деревнях, — и так сказать, — местах темных, на

которые свет столицы не отражаем»¹². Она предлагает список предметов, которые должны изучать девочки. Проект Буниной не получил материальной поддержки — ее похвалили за благое начинание, но посоветовали организовать училище и начать работу на собственные средства. Ответ ей в 1817 году дал министр внутренних дел О. П. Козодавлев, занимавшийся в 1780–1790-е годы народными училищами и университетским образованием.

Анна Петровна отправляется, по ее собственным словам, на год и десять месяцев в «дальние замосковные губернии», то есть проводит там, как минимум, половину 1817-го и весь 1818 год¹³. Она безуспешно пытается собрать необходимую для открытия училища сумму. Не встретив поддержки своему начинанию, Бунина к 1820 году «от намерения своего отреклась»¹⁴. Она занимается изданием своего «Собрания стихотворений» (Ч. 1–3. СПб., 1819–1821), тираж которого, по оценке М. Амелина и М. Нестеренко, составил не менее 800 экземпляров¹⁵. Среди подписчиков были не только частные лица, но и учебные заведения, в частности, Московский университетский пансион. Одним из подписчиков стал двоюродный брат Анны Петровны — Николай Анатольевич Бунин, предводитель дворянства Усманского уезда, образцовый помещик, которого Н. П. Семенов-Тян-Шанский называл «идеалом лучшего хозяина при крепостном праве»¹⁶. Благодаря содействию Н. А. Бунина в Усмани 19 мая 1821 года было открыто уездное училище, средства на которое выделили еще осенью 1820 года¹⁷.

Возможно, пример двоюродного брата подвиг Анну Петровну вернуться к своему проекту. Она 12 мая 1822 года пишет письмо графу А. А. Аракчееву относительно проекта двух женских учебных заведений — народного училища и училища благородных девиц. Это самый полный вариант проекта Буниной: он включает копию Воззвания «К Благонамеренным сынам и Дщерям России», исправленную по сравнению с вариантом 1817 года, и отсутствующий в переписке с Голицыным проект Народного училища девиц низкого звания по образцу английских School of Charity. Известно, что Аракчеев питал некоторый интерес к проблемам образования. Еще в 1814 году он отправляет тогдашнему министру просвещения графу А. К. Разумовскому «две книжки о шко-

лах», поднесенные Александру I в Лондоне во время его визита в Великобританию в июне того же года. Возможно, это были книги о так называемой Белл-Ланкастерской системе взаимного обучения. Впоследствии Аракчеев поддерживал распространение Белл-Ланкастерской системы школьного образования в России. В военных поселениях он учреждал для детей школы кантонистов, а в 1826 году, после воцарения Николая I, отправил пожалованные ему 50 тысяч рублей на расходы на поездку в Карлсбад императрице Марии Федоровне на учреждение пяти стипендий имени императора Александра Благословенного при Павловском институте для воспитания дворянских дочерей из Новгородской губернии.

Программа обучения в Народном училище девиц низкого звания включала три класса. В первом классе учились читать и писать, во втором изучали Катехизис, в третьем — Библию и начальные правила арифметики¹⁸. Каждый класс имел свою начальницу — «подмастерье», избранную из самих учениц, и подразделялся на «десятки» («таким образом, что каждые 9 учениц имели свою <...> начальницу, которая называлась десятица»¹⁹). Помимо чтения, письма и арифметики, учениц должны были обучать «работам»: шитью белья, вязанию чулок, прядению на прялке, а в третьем классе — кройке платьев и «прачному искусству»²⁰. Проект училища девиц низшего звания — более «практический» по сравнению с проектом училища благородных девиц. Так, Бунина хотела обучать третий класс «деланию чепцов, шляп и прочих модных ubоров»²¹. «Весьма было бы приятно, — добавляет она, — сим способом сделать подрыв француженкам и другим иностранным магазейнам»²². Проект училища девиц низшего звания касался не столько Усманского уезда Тамбовской губернии, сколько столицы — Петербурга. В заключении она замечает, что одного «такового училища в столице достаточно быть не может. Каждая часть города должна иметь собственное свое училище, ибо невозможно ожидать, чтобы родители с Литейной, с Подневского или с Петербургской стороны согласились два раза в день отпускать своих дочерей в Коломенское училище и наоборот»²³. Бунина, по сути дела, хотела организовать училища в каждом районе столицы.

Вероятно, вмешательство всесильного Аракчеева возымело некоторое действие, так как 13 марта 1824 года, спустя почти семь лет, Анна Петровна снова отправляет князю А. Н. Голицыну план училища благородных девиц, на сей раз Тамбовской губернии. Князь отправляет 3 мая того же года запрос попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому, который 9 мая отвечает, что при соблюдении некоторых условий — наличия церкви и преподавания Закона Божия — можно сделать распоряжение об открытии этого училища.

В письме Аракчееву 1822 года Бунина называет Англию «просвещенным государством», в котором «каждый оного член спешествует цели Правительства, и где Тунеядство считается не только пороком, но даже преступлением»²⁴. Она с восхищением отзывается об англичанках, которые трудятся на ниве народного просвещения: «В Англии каждая порядочно воспитанная девица из дворянского, графского, купеческого или иного звания почитает за стыд не радеть о пользе отечественной. Она ходит раз или два раза в неделю преподавать уроки бедным девицам, в частных и государственных училищах обучающимся»²⁵. Однако, несмотря на все восхищение английскими успехами, Бунина предпочитает ориентироваться на российскую традицию женского образования, прежде всего, на Смольный институт (или Смольный монастырь). Программа обучения, которую предложила Анна Петровна для училища благородных девиц, включала следующие предметы:

1. Закон Божий.
2. Отечественный язык по строгим грамматическим правилам.
3. Арифметика.
4. История, география и топография отечественная.
5. История, география иностранная и повсеместная.
6. Логика и риторика.
7. Три иностранных языка.
8. Танцы, музыка, рисование и пение.
9. Рукоделие, и наипаче домоводство²⁶.

К этому списку в копии 1822 года были добавлены «Переводы с иностранных языков на отечественный»²⁷.

Большая часть перечисленных предметов преподавалась в Смольном и других институтах Ведомства императрицы Марии Федоровны. В этих учебных заведениях обычно ограничивались изучением двух иностранных языков — французского и немецкого. По всей видимости, Бунина хотела преподавать в своей школе еще и английский. Она также намеревалась пригласить «воспитанницу Смольного монастыря, поставя ей в обязанность вести их [учениц] точно таким порядком, в котором возросла она сама под милосердным и попечительным надзором Ея Императорского Величества»²⁸. Круг чтения воспитанниц, согласно плану Буниной, «состоять будет из нравоучительных светских повестей», а также «из проповедей Димитрия Ростовского, Митрополита Платона, Блэра, Массильона, Фенелона, Бурдалу и прочих благочестивых мужей»²⁹.

При жизни Анны Петровны в Тамбовской губернии так и не было открыто училище благородных девиц. Лишь в 1834 году дворянство Тамбовской губернии постановило учредить в Тамбове институт для воспитания двенадцати девиц, дочерей бедных дворян. Бунина также ограничивала в проекте 1824 года число учениц двенадцатью. Программа Тамбовского института благородных девиц имела общие черты с программой, предложенной Буниной, но в остальном Положение о Тамбовском Александринском институте, опубликованное в 1843 году, разительно отличается от проекта Буниной и, по-видимому, его составители не пользовались бунинскими текстами. Тамбовский институт благородных девиц был открыт лишь в августе 1843 года. Примечательно, что он находился в здании, в котором во второй половине 1780-х годов жил Гаврила Романович Державин. Если говорить об Усмани, то там женское приходское училище было открыто только в 1862 году.

После очередной неудачи с проектом женского училища в 1824 году и вследствие ухудшения здоровья Бунина после воцарения Николая I полностью сосредоточилась на переводе «Проповедей» шотландского проповедника Хью Блэра, произведения которого собиралась давать читать ученицам в своем училище.

Анна Петровна умерла в конце 1829 года, получив признание как писательница. Рассмотренные проекты женских училищ, едва

не затерявшиеся в недрах российских архивов, переписка с А. Н. Голицыным и А. А. Аракчеевым позволяют увидеть в Буниной теоретика женского образования в России.

Примечания

- 1 *Бунина А. П.* Неопытная муза: Собрание стихотворений / [Вступ. ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника и примеч. М. Амелина и М. Нестеренко]. М., 2016. С. 29.
- 2 Там же. С. 340.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 188.
- 5 Там же. С. 189.
- 6 Там же. С. 231.
- 7 См.: *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 32.
- 8 Там же. С. 32–33.
- 9 РГИА. Ф. 733. Департамент Народного Просвещения. Оп. 86. Д. 477. Записка А. П. Буниной с проектами учреждения училища для дочерей помещиков в принадлежавшей ее родственникам деревне Усманского уезда Тамбовской губернии. 5 августа 1817 г. — 16 ноября 1817 г. Л. 9 об.—10.
- 10 Там же. Л. 7. об.
- 11 Там же. Л. 8 об.
- 12 Там же. Л. 9 об.
- 13 РГИА. Ф. 1409. Собственная Е. И. В. канцелярия. Оп. 1. Д. 3937. Письмо Анны Буниной к графу Аракчееву с предположением учреждения народного училища для девиц низшего звания по образцу School of charity, приноравливаемого к русским нравам. Л. 5.
- 14 Там же.
- 15 *Бунина А. П.* Неопытная муза. С. 43. Примеч. 78.

- 16 *Елисеев В. В.* Марфинская экономия тамбовского дворянина Николая Анатольевича Бунина (1784–1857) // Вестник Тамбовского центра краеведения. 2013. № 25. С. 47.
- 17 РГИА. Ф 733. Оп. 39. Д. 341. Дело об ассигновании штатной суммы на уездное училище в городе Усмани Тамбовской губернии.
- 18 РГИА. Ф. 1409. Оп.1. Д. 3937. Письмо Анны Буниной к графу Аракчееву с предположением учреждения народного училища для девиц низшего звания по образцу School of charity, принаравливаемого к русским нравам. Л. 2.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 3.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 4.
- 24 Там же. Л. 5.
- 25 Там же. Л. 4.
- 26 РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 477. Записка А. П. Буниной с проектами учреждения училища для дочерей помещиков в принадлежавшей ее родственникам деревне Усманского уезда Тамбовской губернии. Л. 11 об.
- 27 РГИА. Ф. 1409. Оп.1. Д. 3937. Письмо Анны Буниной к графу Аракчееву с предположением учреждения народного училища для девиц низшего звания по образцу School of charity, принаравливаемого к русским нравам. Л. 6.
- 28 РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 137. Дело о разрешении А. Буниной открыть женский пансион в Тамбовской губернии. 29 марта 1824 г. — 30 мая 1824 г. Л. 2 об.–3.
- 29 Там же. Л. 4–4 об.

Д. М. Глушкова

Иллюстрированное издание
Сочинений: неосуществленный
проект Державина

В начале 1790-х годов Г. Р. Державин задумал издание своих стихотворений, особенностью которого должно было стать сопровождение каждого текста двумя рисунками (заставкой и концовкой). К 1795 году был подготовлен роскошный том, проиллюстрированный А. Н. Олениным, переплетенный в красный сафьян с золотым тиснением и поднесенный императрице Екатерине II. В настоящее время он хранится в Российской национальной библиотеке¹.

История появления «екатерининского» тома связана со службой Державина в должности статс-секретаря императрицы (с 12 декабря 1791 г. по 2 сентября 1793 г.), которая ожидала от «собственного автора» стихов в роде «Фелицы».

Поэт, вспоминая этот период, писал: «...не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями; сколько раз ни принимался, сидя по неделе до того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен. Все выходило холодное, натянутое, обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих слышны слова, но не мысли и чувства»².

Выход из сложившихся обстоятельств, по свидетельству Державина, был подсказан его супругой Екатериной Яковлевной, которая его стихи «...любя поэзию и имея к ней от природы вкус, тихонько от него копила и переписывала своею рукою в одну тетрадь: по некоторым обстоятельствам не имел он духа вновь чего-либо произвесть, то и схватился за собранные его женою»³.

Эта рукопись, к настоящему времени утраченная⁴, была взята за основу тома, поднесенного Екатерине II. Исследователи полагают, что с тетради Екатерины Яковлевны самим поэтом была сделана копия — так называемая рукопись 90-х годов, которая содержит ряд авторских правок и дополнений⁵. Тем не менее, сложно судить, был ли в «екатерининском томе» полностью сохранен первоначальный состав выбранных произведений и их последовательность; но поскольку «эстетическое чувство Екатерины Яковлевны не осталось без влияния на его [Державина] духовное развитие»⁶, не исключено, что поэт составил первый сборник своих сочинений, полагаясь на вкус жены.

В поднесенный императрице том было помещено 60 стихотворений, 99 рисунков, выполненных А. Н. Олениным, и им же написанные примечания. В составленных позднее «Объяснениях на свои сочинения» Державин отметил, что «программы картин изобретения и рисования Алексея Николаевича Оленина, кроме одной, которую изобретал Ник. Ал. Львов, а рисовал Егоров»⁷. Об этом же вспоминал в «Записках»: «Просил приятеля своего Алексея Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмке приличные картинки (виньеты) и, переплетя в одну книгу, с посвятительным письмом, поднес лично [императрице] в ноябре 1795 года»⁸.

«Екатерининский том», отвечая текущим намерениям Державина, поэта и статс-секретаря императрицы, одновременно стал важнейшим этапом работы над его собранием сочинений — «основой всех главных изданий Державина»⁹. Уже в 1790-х годах поэт тщательно продумывал не только состав будущего собрания сочинений, но и порядок расположения произведений. К этому времени относится письмо Державина к Екатерине Яковлевне, в котором он наметил первоначальный план будущей книги: «Зачать надобно, кажется, „Успокоенным неверием“, потом „Бог“, потом прочие псалмы» (V, 815). Но кончина первой жены Державина в 1794 году и переживание этой утраты заставили поэта пересмотреть композицию сборника: изначально том открывался посвящением Екатерине II («Монархине») и заключался стихотворением «Ласточка», написанным на смерть Екатерины Яков-

левны. В этом соположении, по мнению А. А. Левицкого, нашла отражение тема бессмертия, в дальнейшем ставшая определяющей для композиции собрания сочинений 1808–1816 годов¹⁰, а в 1790-е годы осознаваемая Державиным еще «в контексте задуманной им симметрии»¹¹. Исследователь писал об этом: «Две Екатерины смотрели из „бездны Ефира“ на его [Державина] лиру с противоположных концов рукописи. Они сошлись не случайно в этом первом собрании его сочинений: они обе его вдохновляли „эфирным бессмертием“ на сочинение стихов, создавших уже к 1795 г. новую эпоху в истории русской литературы»¹².

Однако в итоге поэт отказался и от такой композиции книги: «екатерининский том» завершается не «Ласточкой», а стихотворением «Флот», включенным по «вторичной воле» автора¹³. Необходимость добавления стихотворения, нарушающего изначально заданную структуру и созданного незадолго до преподнесения сборника Екатерине II, летом 1795 года была обусловлена актуальностью текста. Оно написано «по случаю отправленной эскадры (июня 2 дня) для крейсирования между Англией и Францией в охранение купеческих судов нейтральных держав»¹⁴. К стихотворению не нарисована заставка, что подтверждает его позднее появление в рукописи тома. Обычно отсутствовали конечные рисунки (например, к одам «Бог», «На присоединение Тавриды», «Решемыслу», «Памятник герою» и др.), относительно чего Державин оставил комментарии такого рода: «Надо сочинить программу и, ежели позволит место в новом издании, то нарисовать» (III, 617).

Сборник, посвященный императрице, отличается и тематической неоднородностью. Наряду с духовными и похвальными одами, «фелицейским циклом», поэт включил туда стихотворения «Евтерпе», «Амур и Психея», «Пчелка», «К грациям», «Мечта», заметно выбивающиеся из общего плана книги, поэтому вошедшие впоследствии в «Анакреонтические песни». Г. Н. Ионин писал, что в «екатерининском томе» «анакреонтика не составляла цикла»¹⁵, то есть еще не была выделена Державиным как особенное направление его творческих поисков. Поэтому поэт исключил упомянутые стихотворения из первой части своих сочинений: в рукописи они аккуратно зачеркнуты карандашом. Стоит отме-

тить, что других авторских правок в «екатерининском томе» нет, значит, в целом Державин был удовлетворен работой Оленина, и ни один его рисунок в дальнейшем не был переделан.

* * *

Среди обстоятельств, которые могли побудить Державина столь серьезно относиться к иллюстрированию своих сочинений, главным, пожалуй, было то влияние, которое оказывало на него окружение, и прежде всего Львов. Возобновив спустя почти два десятилетия активное сотрудничество и ощутив свою творческую зрелость, участники львовско-державинского сообщества «сосредоточились на издательских проектах»¹⁶, которые нередко носили отпечаток коллективной работы. В 1794 году вышел в свет главный переводческий труд Львова «Стихотворение Анакреона Тийского», а в 1796 году — «Лирические сочинения», первое издание произведений Капниста. Тогда же, в 1790-х годах, к львовско-державинскому кружку примкнул Оленин, который вернулся в Петербург, на некоторое время оставив службу. Первой его совместной с Львовым работой стала иллюстрация к I явлению III действия драматического сочинения Екатерины II «Начальное управление Олега» (поставлена в 1790 году, опубликована в 1791), позже Оленин выполнил по плану Львова фронтиспис к первой части перевода «Палладиевой архитектуры».

Но подлинное воплощение принципы издательской деятельности львовско-державинского кружка нашли в посмертном сборнике «Басен и сказок» И. И. Хемницера (1799)¹⁷. Известна внимательность, с которой Львов и Капнист редактировали тексты своего покойного друга, стараясь сохранить их художественное своеобразие. Для Оленина же этот труд оказался знаковым, поскольку стал единственным, над которым он работал одновременно и как художник, и как гравер: в книгу были помещены 11 сделанных им гравюр. Примечательно, что общая идея иллюстраций к «Басням и сказкам», выполненным в греко-этрусской стилистике¹⁸, созвучна замыслу некоторых рисунков, придуманных и исполненных Олениным ранее для «екатерининского тома».

Помимо единой стилистической направленности рисунков к басням Хемницера и стихотворениям Державина, существуют и отчетливые параллели между иллюстрациями, выполненными Олениным для двух книг: так, фронтиспис к «Басням и сказкам», представляющий собой изображение Амура с лирой в руках, является точным повторением иллюстрации к оде «Благодарность Фелице»¹⁹. Вместе с тем в процессе подготовки «Басен и сказок» формируется характерная для львовско-державинского кружка «символика»: одна из иллюстраций представляет собой изображение надгробия Хемницера, по сторонам от которого находятся лев и олень, — явное напоминание о трудившихся над изданием Львове и Оленине. Подобный прием впоследствии был использован в рукописном сборнике державинской анакреонтики (одной из иллюстрированных тетрадей 1800-х годов): концовка к стихотворению «К другу» изображает расположившегося под пальмой льва и рядом с ним — державу, атрибут власти монарха, и содержит намек на фамилии автора и адресата послания (Державина и Львова)²⁰.

Так два издания — осуществленное и неоконченное — объединены не только идеей художественного оформления, но и обнаруживают сходство в реализации этой идеи, поэтому с уверенностью можно утверждать, что в державинском окружении существовали устойчивые представления об облике поэтических сборников.

Иллюстрированное собрание сочинений Державина наряду с изданием басен Хемницера было едва ли не главным «проектом» львовского круга — и одним из неосуществленных. Дополненная рисунками Оленина книга, в которую Державин поместил лучшие свои стихотворения, созданные к тому времени, могла стать первым иллюстрированным поэтическим изданием в России. Но публикации ее препятствовали два обстоятельства. Об одном из них, имевшем непосредственное отношение к положению Державина при дворе Екатерины II и, по-видимому, им очень остро воспринятом, поэт рассказал дважды — в «Записках» и «Объяснениях».

Исследователи не раз отмечали, что Державин нередко по-разному интерпретировал одни и те же события собственной

жизни в автобиографической прозе²¹, представляющей собой «единый — пусть многосоставный и стилистически неоднородный — текст»²². Однако развернутое и обстоятельное изложение истории преподнесения императрице иллюстрированного тома в «Объяснениях» (III, 595–596) не претерпело существенных изменений в другом автобиографическом сочинении Державина — «Записках» (VI, 695–696).

Екатерина, получив посвященный ей том, увидела в некоторых стихотворениях революционные настроения, а наибольшие опасения у императрицы вызвало переложение 81-го псалма — «Властителем и судиям», — который «был якобинцами перефразирован и пет по улицам для подкрепления народного возмущения против Людовика XVI»²³. Конечно, о публикации подготовленного тома и дальнейшей работе над собранием сочинений речь не шла вплоть до смерти Екатерины II: возможность осуществить замысел появилась, когда взошедший на престол Павел вернул рукописный том автору. Реакция императрицы, оказавшаяся для Державина неожиданной, разрушила надежды поэта на ее благосклонность и разрешение опубликовать сборник. Так что события, сопровождавшие поднесение императрице иллюстрированного сборника стихотворений, оказались одинаково важными как для служебной деятельности Державина, так и для его дальнейшего творческого развития.

Другой трудностью, с которой Державину пришлось столкнуться при попытке издания подготовленного тома, стало отсутствие в России искусных граверов, способных выполнить заказ в соответствии с его ожиданиями. В начале 1790-х годов, когда предполагалось, что гравюры к державинскому собранию сочинений выполнит И. Х. Майр²⁴. Поэт заключил договор с гравером, обещавшем выполнить 55 гравюр за 600 рублей, приблизительно в 1793 году²⁵. Выбор мастера не стал случайным: Майр был близок львовско-державинскому кружку и, очевидно, знаком Львову, о чем можно судить по их весьма плодотворному сотрудничеству. В середине 1790-х годов Майр выполнил по заказу Державина и Львова два портрета Е. Я. Державиной, а также портрет М. А. Львовой. Думается, опыт сотрудничества с гравером, а так-

же вероятное знакомство с ним — все это могло позволить Державину быть уверенным в осуществлении задуманного издания. Но в 1796 году, когда иллюстрированная рукопись наконец была возвращена Державину, Майр был отстранен от службы в Академии за то, что отпечатал для себя часть тиража выполненных им портретов, поэтому его дальнейшая деятельность уже не могла быть настолько плодотворной, чтобы в полной мере осуществить державинский замысел.

Понимая, что в России нет мастеров, способных выполнить заказ в соответствии со всеми требованиями, Державин предпринял попытку выгравировать уже готовые рисунки в Европе и послал рукопись 1795 года в Англию. Произошло это не позднее лета 1802 года; 28 августа, не сообщая никаких подробностей, Державин писал Капнисту: «А сочинения мои, первая часть, в Лондоне» (VI, 139). Но в очередной раз ничего не получилось: граверы, продержав рукопись около двух лет, затребовали за выполнение всех рисунков слишком большую сумму. Двадцать первого марта 1804 года Державин сообщал Капнисту о причине неудачи: «Сочинения мои из Англии возвращены в первобытном состоянии, потому что к одному тому за виньеты просили там 12 000 руб.; то не по карману дорого» (VI, 148–149).

Кроме того, во время пересылки был утрачен лист с заставкой к стихотворению «На взятие Измаила»²⁶. Державин, убежденный, что английские художники намеренно, из чувства зависти «к славе российской или чрезвычайно живо изображенному рисунку»²⁷, выдернули страницу с его сочинением, не мог поверить в случайность потери. История эта послужила поводом к написанию стихотворения «Оленину», в котором Державин, обращаясь к другу-художнику в надежде восстановить пропавшую иллюстрацию, представил ее развернутую поэтическую программу:

Представь мне воина, идуща
С прямым бесстрашием души
На явну смерть и смерть несуща,
И, словом, росса напиши:

Как ржет пред ним Везувий ярый,
Над ним дождь искр, громов удары,
За ним — скрыл мрак его стопы —
Лежат Иракловы столпы!²⁸

Оленин медлил целый год, но все же исполнил потерянный рисунок повторно в более поздней иллюстрированной рукописи.

* * *

Несмотря на череду неудач, связанных с попытками опубликовать подготовленный в 1790-х годах иллюстрированный том, Державин не оставлял намерения издать свои стихотворения с рисунками. В 1798 году в Москве под надзором Н. М. Карамзина вышел первый том его сочинений, которым поэт был чрезвычайно недоволен, однако в предисловии выразил надежду на то, что «не замедлится второе издание в двух частях, лучше размещенное и исправленное с присовокуплением нарочитого количества новых пьес; а может быть, ежели искусные граверы найдутся, и с виньетами» (VII, 512). Вероятно, как раз в это время начинается второй этап подготовки иллюстрированного собрания сочинений, результатом которого стали три тетради в зеленом переплете, дополненные рисунками А. Е. Егорова, И. А. Иванова и С. Тончи²⁹.

Первая тетрадь часто упоминается как копия подносного сборника, и отчасти это действительно так. Состав «екатерининского тома» был повторен в новой рукописи, но с некоторыми исправлениями и дополнениями. Как и предполагалось, были исключены сочинения в анакреонтическом духе, вычеркнутые автором в рукописи 1795 года. Кроме того, в первую «зеленую тетрадь» были добавлены и новые произведения, помещенные после стихотворения «Флот»: «На покорение Дербента», «Приглашение к обеду», «Соловей», «Павлин», «Богиня здравия», «Горелки», «На рождение царицы Гремиславы», «Храповицкому», «На кончину Г. Орлова» и «Памятник», благодаря чему облик этого тома приобрел композиционную цельность.

Известно, что для первой «зеленой тетради» иллюстрации, выполненные в 1790-х годах, были перерисованы Ивановым, по всей вероятности, под руководством Оленина, которому поэт писал: «Сейчас ко мне Иванов доставил одиннадцать виньет на утверждение, как у в[аше]го в[ысоко]пр[евосходительства] с ним договоренось. Я признаюсь, что не имел стихов, мне судить об них, то есть о рисунках, очень мудрено, и потому прошу всепокорнейше с ним ко мне прислать ваши сочинения относительные к виньетам Ивановым изготовленным, — дабы я мог видеть пристойно ли действие или аллегория в виньетах представленная с содержанием стихов, ибо много можно сказать языком богов, — чего пером написать не можно» (VI, 372).

Иллюстрации к новым произведениям рисовал Егоров, вероятно, им же был выполнен начальный рисунок к стихотворению «Флот».

Привлечение к иллюстрированию рисовальщиков Егорова и Иванова вряд ли было связано со стремлением Державина к унификации всех рисунков по стилю и манере исполнения, скорее всего, обращение к молодым живописцам было продиктовано пониманием, что запланированное количество иллюстраций требует участия не одного, а нескольких художников. Следует отметить, что Иванов, создавая рисунки для первой «зеленой тетради» по образцам Оленина, позволял себе свободу в обращении с оригиналами. Оленин предпочитал работать черной или коричневой тушью и карандашом, Иванов же, сохраняя замысел рисунков, использовал акварель, вероятно, сознательно меняя цветовое решение изображений. Стоит признать, иллюстрации Оленина, в том числе и их копии, сделанные рукой Иванова, заметно отличаются от остальных: Иванов и Егоров, в будущем профессиональные иллюстраторы, к началу 1800-х годов еще не достигли поры своего творческого расцвета, поэтому их работы не превзошли рисунки Оленина по оригинальности и выразительности³⁰.

Первая тетрадь 1800-х годов, таким образом, является не копией первой рукописи и не расширенным ее вариантом, а итогом переосмысления Державиным композиционных принципов

«екатерининского тома»; обнаруживает намеченное поэтом тематическое разделение частей собрания сочинений, а также демонстрирует, что художники наряду с автором вносили поправки в художественное оформление книги.

Вторая «зеленая тетрадь» включает произведения, созданные в 1785–1805 годах, и представляет собой первоначальный вариант второго тома собрания сочинений 1808 года (см. Приложение)³¹. Работа над рисунками ко второй части была полностью доверена Иванову: большинство иллюстраций подписано его именем. Манера иллюстратора, по сравнению с первой частью, становится строже: художник уже не экспериментирует с цветом, но иногда отходит от аллегорической условности рисунков, надевая некоторые из них чертами реалистической живописи.

Третья «зеленая тетрадь», судя по времени ее создания и по составу, является одной из поздних редакций сборника «Анакреонтические песни». Все стихотворения, переписанные в эту тетрадь, за исключением одного, вошедшего в третий том собрания сочинений 1808 года («Чечотка»)³² составили державинский сборник 1804 года. Выполнением иллюстраций занимались Иванов и Егоров, причем иногда, очевидно, по желанию автора они исправляли работы друг друга. Любопытен в этом отношении процесс иллюстрирования стихотворения «К Музе». Эскиз одной из иллюстраций был выполнен Егоровым в соответствии с программой «Обыденная прелесть проходящей розы; и крыльями еще времени запаслася...»³³. Но первоначальный вариант рисунка, который задумывался в виде «узла», выражающего идею кратковременности весны, был исправлен Ивановым, изображившим солнце, восходящее из-за каменистого, усыпанного цветами холма³⁴.

Итак, содержание «зеленых тетрадей» свидетельствует о том, что к началу 1800-х годов Державин уже выработал подход к публикации своих сочинений. Дополненные рисунками рукописи стали основой первых трех томов державинского издания 1808 года, так что идея поэта сопроводить стихотворения иллюстрациями к началу 1800-х годов уже была теснейшим образом связана с мыслью о полном собрании сочинений. Судить о том,

как Державин представлял его, следует именно по «зеленым тетрадам».

* * *

Чрезвычайно важной и по-прежнему до конца не решенной остается проблема датировки поздних рукописей. Поэт датировал только первую часть, — на титульном ее листе обозначен 1795 год. Опираясь на авторское указание, Д. С. Бабкин ошибочно полагал, что появление первой «зеленой тетради» относится к 1790-м годам, и она представляет собой первоначальный вариант подносного экземпляра³⁵. Совершенно очевидно, что тетрадь была переписана гораздо позже; вероятнее всего, упоминанием 1795 года Державин стремился подчеркнуть непосредственное отношение новой рукописи к «екатерининскому тому», именно в этом году преподнесенном императрице. Более того, в создании «зеленых тетрадей» участвовали Егоров и Иванов, что исключает раннее происхождение рукописей, это подтверждают и водяные знаки на бумаге, которая была изготовлена в 1802 году, — значит, все три тетради были переписаны не ранее этого времени.

Рукописи были завершены, как писал Я. К. Грот, к 1806 году: «Судя по времени сочинения позднейших стихов, помещенных в этих тетрадях, они писаны в 1805 или 1806 г.»³⁶. Имеются в виду стихотворения «Зима», «Время», «Монумент милосердию», «Лето», «Четыре возраста» (все датируются 1805 годом), заключающие вторую тетрадь (см. Приложение), завершенную в последнюю очередь³⁷. Того же мнения относительно времени создания иллюстрированных томов придерживаются издатели «Анакреонтических песен» (1986) Г. Н. Ионин и Е. Н. Петрова. Более точную, на первый взгляд, датировку второго и третьего томов приводил Д. С. Бабкин: «Следующие два тома этого иллюстрированного собрания стихотворений, надо полагать, были выполнены в 1803–1804 гг. — писал он. — Об этом свидетельствует, например, стихотворение во втором томе „Память другу“, т. е. Н. А. Львову, умершему в 1803 г.»³⁸. Аргументируя свою позицию, исследователь не учитывал, что в «зеленых тетрадях», преимущественно во второй,

есть более поздние произведения, и поэтому в 1804 году годах работа над рукописными томами еще не закончилась.

Датировка «зеленых тетрадей», сделанная Я. К. Гротом и скорректированная учеными в дальнейшем, имеет бесспорные основания, но все же характеризует работу над собранием сочинений лишь в общих чертах и может быть уточнена. Существенно, что произведения — поэтические и графические — появлялись в тетрадях не одновременно: стихотворения, скорее всего, переписывались раньше, а рисунки создавались позднее, о чем свидетельствуют пропуски, предназначенные для иллюстраций к некоторым стихотворениям («Хариты», «Виша», «Пикники») и оставшиеся не выполненными³⁹. Примечательно, что Державин уже 3 сентября 1804 года сообщал Капнисту: «Кроме Анакреонтических, два тома у меня готовы, начисто переписаны» (VI, 162). К этому времени еще не все иллюстрации были готовы, поэтому вопрос их датировки следует обсуждать отдельно.

Поскольку рисунки создавались несколькими художниками по заранее подготовленным программам, которые могли быть написаны еще в конце 1790-х годов, непросто с точностью определить время их создания; тем более невозможно датировать каждую иллюстрацию (художники не ставили на ней год и далеко не всегда собственное имя)⁴⁰. Вместе с тем кажется, что в обозначенном временном отрезке (1802–1806), можно выделить период наиболее интенсивной работы над рисунками.

После смерти Львова, принимавшего самое деятельное участие в их создании, содружество поэтов и художников, в творческом диалоге которых и возник замысел иллюстрированного собрания сочинений, фактически перестало существовать. Тогда же, в 1803 году, на стажировку в Италию уехал Егоров (оставался до 1807 г.), а Оленин в начале 1800-х годов уже не работал над рисунками⁴¹. Значит, стихотворения, написанные после 1804 года (их в поздних рукописях всего 16), мог иллюстрировать только Иванов. Поэтому можно предполагать, что иллюстрации, сопровождающие более ранние стихотворения, были выполнены в 1802–1803 годах.

Несмотря на существование в «зеленых тетрадах» пропусков и исправлений они были почти готовы к публикации и не воспринимались Державиным как промежуточный этап в подготовке задуманного собрания сочинений, концепцию которого поэт к началу 1800-х годов ясно определил. Поэтому он с еще большим вниманием и усердием продолжил работу по изданию рукописных томов.

Неприятности, вызванные безответственностью английских граверов, стали причиной опасений Державина за состояние рукописей и заставили поэта отказаться от идеи гравировать рисунки в Европе. Решение это было принято сразу после возвращения ему «екатерининского тома»; сообщая об этом, Державин написал 21 марта 1804 года Капнисту: «...здесь теперь прилагаю старание о напечатании их: нанял для виньетов гравера, приезжего сюда англичанина и договорился уже за три тома заплатить 2000 руб.» (VI, 149). Речь в дружеском письме идет о Джозефе Сандерсе⁴², которому тоже не удалось в полной мере осуществить задуманное Державиным собрание сочинений. Итог сотрудничества Державина и Сандерса — сборник «Анакреонтические песни» (1804) — был издан «на пробу» (VI, 149) и дополнен лишь двумя гравюрами работы последнего (фронтиспис он рисовал сам, другую гравюру выполнил предположительно по оригиналу С. Тончи). Не будучи довольным книгой, содержащей множество ошибок, опечаток, а также лишенной иллюстраций, Державин писал Капнисту при отправлении ему экземпляра «Анакреонтических песен» (12 мая 1804 г.): «Что делать с такими бестиями, каковы наши художники? Бился целую зиму, что жизни не рад» (VI, 152).

Следующие попытки Державина издать собрание сочинений показывают, что из-за затянувшейся полосы неприятностей он все же пребывал в растерянности и не имел ясного представления о дальнейшем ходе публикации подготовленных сборников. Поэт хотел доверить издание Капнисту, единственному тогда его внимательному читателю и советчику, и в то же время вновь задумал

отправить рисунки для гравирования в Европу. Он писал Капнисту 3 сентября 1804 года: «...впредь не отдам ни под чье смотрение, кроме тебя, сего дела <...>. Но я не знаю, как это сделать: тебя со мною нет, а прислать к тебе, — что ты будешь с ними делать? Ибо у вас [в Полтавской губернии, где жил в то время Капнист] и типографии нет, не говоря уже о граверах. Хочу послать в Лейпциг (ибо в Англии уже были), но не знаю, как это сделать и кому поручить» (VI, 162).

Не сохранилось никаких подробностей об этих сбивчиво изложенных планах: очевидно, Державин так и не решился отправить свои рукописи.

В 1808 году были опубликованы первые четыре тома последнего прижизненного собрания сочинений Державина, которым он вновь был не вполне доволен — в первую очередь по причине отсутствия там иллюстраций и авторских примечаний, о чем он говорит в предисловии к первому тому: «Не мог я по желанию моему всех их [стихотворения] украсить картинками за недостатком художников, предоставляя то будущему времени» (VII, 513). Издание, не имевшее коммерческого успеха, вызвало у Державина противоречивые чувства. Очередная неудача заставила поэта задуматься о другом, идеальном собрании сочинений, но одновременно пришло осознание невозможности его публикации. Спустя некоторое время Державин, весьма трепетно относившийся к своим сочинениям, передал в коллекцию известного bibliофила П. П. Дубровского рукопись трагедии «Василий Темный» и том в красном переплете, иллюстрированный Олениным и подаренный поэтом Екатерине II⁴³. На первом листе «екатерининского тома» он написал: «Сей манускрипт, как охотнику до подобных редкостей подарен самим автором Петру Петровичу Дубровскому в Петербурге 1811 году января 11 числа и подписан — собственною моею рукою»⁴⁴. Державин осознавал художественную ценность книги, появившейся благодаря усилиям его «стихотворческого круга»⁴⁵ и побывавшей в руках императрицы, но вместе с тем ощущал, что его одическое творчество уже не вызывает интерес у младших современников. Поэт, по воспоминаниям С. Т. Аксакова, не высоко оценивал свои произведения, созданные

в годы правления Екатерины II, он говорил: «Ну да, это недурно, есть огонь, да ведь все пустяки; все это так, около себя, и важного значения для потомства не имеет; все это скоро забудут; но мои трагедии, но мои антологические пиесы будут оценены и будут жить»⁴⁶. Мечта о полноценном собрании сочинений не покидала Державина, и он предпринял еще одну попытку издать иллюстрированные рукописи 1800-х годов.

В период подготовки пятой части собрания сочинений, в 1815–1816 годах, Державин договорился о гравировании рисунков, помещенных в «зеленые тетради», с недавно вернувшимся из Парижа талантливым художником Н. И. Уткиным, надеясь довести начатую работу до завершения. Спустя много лет после смерти Державина воспоминаниями о разговоре с поэтом Уткин поделился с академиком Я. К. Гротом⁴⁷, который изложил их в державинской биографии: «...Державин возвратился к мысли, много раз его занимавшей: сделать роскошное иллюстрированное издание своих сочинений, к которому рисунки в его рукописях давно были готовы. После неудачных попыток найти к тому граверов за границей, он решился обратиться к известному уже в то время русскому художнику Н. И. Уткину и в начале 1816 года пригласил его к себе. В продолжение переговоров по этому предмету Уткин однажды обедал у Державина. <...> Пока они рассматривали рисунки в тетрадях его и толковали о задаче художника, Дарья Алексеевна подходила к дверям и заглядывала в кабинет, как будто с тем, чтобы удержать мужа от какой-нибудь невыгодной сделки. Однако на этот раз совещание кончилось только тем, что Уткин обещал составить смету издержек и занести ее лично, когда она будет готова»⁴⁸.

В записке Уткина, присланной Державину вскоре после их встречи в доме поэта, была обозначена стоимость всех гравюр для запланированного издания — 39 150 рублей (I, XXXIII). Сложно утверждать однозначно, что было основанием для запрошенной суммы: внушительное количество подготовленных рисунков, репутация мастера или же недостаточный уровень развития издательского дела в России. Державин, несмотря на возникшие у него в этот период финансовые проблемы⁴⁹, не отка-

зался от сотрудничества с Уткиным, напротив, — сообщил о намерении подробнее обсудить подготовку гравюр⁵⁰. Поэт писал из Званки 27 мая 1816 года: «...оставим сие дело до возвращения моего в Петербург, то есть до октября месяца»⁵¹. Понимая, что для осуществления задуманного требуется школа граверов, которой в России в то время не существовало, Державин просил Уткина «приготовлять учеников, чтобы с помощью их можно успешнее и в кратчайшее время кончить работу»⁵². Державин надеялся, что в будущем издатели исполнят его творческую волю; но со смертью поэта 8 июля 1816 года интерес к иллюстрированным тетрадам надолго угас.

* * *

Для русской литературной жизни конца XVIII столетия неоконченное собрание сочинений Державина оказалось явлением исключительным. Проследив историю осуществления этого оригинального замысла, можно заключить, что мечта поэта о книге, где каждое его произведение сопровождалось бы двумя иллюстрациями, не была временной и не явилась только следствием пристрастия к художественным экспериментам. Бесспорно, идея издания возникла под влиянием Львова, а первоначальные усилия по его осуществлению носили коллективный характер. Поэтому говорить только лишь о державинском замысле следует с некоторой условностью: Державин был, скорее, соавтором замысла неопубликованного издания, усвоившим эстетические взгляды своих друзей, художников и литераторов. После смерти Львова поэт не просто не оставил начатую работу, а даже наоборот — с поразительной настойчивостью продолжил поиск возможностей для издания рукописных тетрадей в художественном оформлении. С одной стороны, это желание Державина было связано с его стремлением укрепить свое положение в литературной жизни рубежа XVIII–XIX веков, а также вновь привлечь к себе читательский интерес, стремительно угасающий в 1800-е годы. Но с другой — мысль об издании, в котором стихотворный текст и рисунок составляли бы некое художественное целое, не поки-

давшая поэта на протяжении почти тридцати лет, свидетельствует и об особом восприятии им своей поэзии.

«Державин признает живописную реальность в качестве полноценного предмета искусства, — писал В. Г. Базанов. — Современники Державина с их привычкой к художественному иносказанию могли бы сетовать, что чистый смысл, чистая философия в его стихотворениях испорчены чересчур наглядными картинками»⁵³. В представлении Державина, однако, стихотворения, не дополненные «наглядными картинками», или «виньетами», как он чаще всего их называл, не были полноценными, самодостаточными. Поэт ощущал, что своеобразие его лирики состоит в изобразительности, а необходимость иллюстраций, вероятно, состояла в том, чтобы эту изобразительность подчеркнуть.

Приложение

Рукописные стихотворения Державина с рисунками. Часть II. (1785–1805). 201 л. 154 рис.

Арабскими цифрами обозначен порядок в источнике, римскими — порядок во втором томе «Сочинений Державина» 1808 года. В случае, если стихотворение имеет заглавие не в окончательной редакции, после косой черты приведено его заглавие в опубликованном томе. Знаки «+» и «-» означают наличие или отсутствие заставок и концовок соответственно.

1. Бессмертие души (1785) I. ++
2. Тщетна человеческая слава / На тщету земной славы (1796) II. ++
3. Желание в горяя (1797) III. ++
4. Радость о правосудии (1794) VI. ++
5. Введение Соломона в судилище (1799) V. ++
6. Братское согласие (1799) VI. ++
7. Доказательство творческого бытия (1796) ++ (вошло в 5 ч. Соч. Державина (1816). С. XII)
8. Утешение людям добрым / Утешение добрых (1804) VII. ++

9. На безбожников (1804) VIII. ++
10. На коронацию императора (1801) IX. ++
11. Молитва (1797) X. ++
12. На новый 1797 год (1796) XI. ++
13. На кончину императрицы Екатерины II и на восшествие на престол императора Павла I (1797) XII. ++
14. На рождение его императорского высочества великого князя Михаила Павловича / На рождение Великого Князя Михаила Павловича (1798) XIII. ++
15. На мальтийский орден (1798) XIV. ++
16. Урна (1797) XV. ++
17. На новый 1798 год (1797) XVI. ++
18. О удовольствии (1798) XVII. ++
19. На ворожбу (1798) XVIII. ++
20. Похвала сельской жизни (1798) XIX. ++
21. Похвала правосудию / Похвала за правосудие (1798) XX. ++
22. Афинейскому витязю (1796) XXI. ++
23. Надгробная песнь императрице Екатерине II / Надгробная императрице Екатерине II (1796) XXII. ++
24. На возвращение графа Зубова из Персии (1797) XXIII. ++
25. Капнисту (1797) XXIV. ++
26. Орел (1799) XXV. ++
27. На победы в Италии графа Суворова / На победы в Италии (1799) XXVI. ++
28. На переход Альпийских гор (1799) XXVII. ++
29. Снигирь (1800) XXVIII. ++
30. Правосудие (1797) XXIX. ++
31. Буря (1794) XXX. ++
32. Храповицкому (1797) XXXI. ++
33. На восшествие на престол императора Александра I (1801) XXXII. ++
34. Первая песнь Пиндара пифическая (1800) XXXIII. ++
35. Гимн к кротости / Гимн кротости (1801) XXXVI. ++
36. Послание к Хлору / К царевичу Хлору (1802) XXXV. ++
37. Гимн Солнцу (1802) XXXVI. ++

38. На кончину благотворителя (1795) XXXVII. ++
39. На смерть Нарышкина (1799) XXXVIII. ++
40. Колесница (1793) XXXIX. ++
41. Фонарь (1804) XL. ++
42. Мужество (1797) XLI. ++
43. Пирре (1804) ++ (вошло в 3 ч. Соч. Державина (1808). XLV).
44. Кубре / Волхов Кубре (1804) XLII. ++
45. Пиндарова Олимпийская первая песнь / Пиндарова Олимпийская первая песнь (1805) LXXVI. ++
46. Цирцея (1805) XLIII. ++
47. Дева за клавесином / Дева за арфою (1805) XLIV. ++
48. Оленину (1804) XLV. ++
49. К Скопихину (1803) XLVI. ++
50. Ко второму соседу (1792) XLVII. ++
51. Маневры (1804) XLVIII. ++
52. Зима (1805) XLIX. ++
53. Время (1805) L. ++
54. Весна (1804) LI. + –
55. Память другу (1803) LII. ++
56. Монумент милосердия / Монумент милосердию (1805) LIII. ++
57. Утро (1800) LIV. ++
58. Гимн Богу (1800) LV. ++
59. Лето (1805) LVI. ++
60. Осень (1805) LVII. + –
61. Четыре возраста (1805) LVIII. ++
62. Лебедь (1804) LXXIX. ++

Примечания

- ¹ ОР РНБ. Ф. XIV. Ед. хр. 16. 212 л. Также: URL: <http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?prgm=1725D796-850D-4A3D-B31F-05E295CA2F27>
- ² Державин Г. Р. Записки. М., 2000. С. 182.
- ³ Цит. по: Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 84.

- 4 В автобиографии Державин писал, что тетрадь Екатерины Яковлевны находится в коллекции А. И. Мусина-Пушкина (Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812 с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. М., 1860. С. 379). О дальнейшей судьбе ее упоминал позднее Я. К. Грот: «Эта первоначальная рукопись была передана графу А. И. Мусину-Пушкину и сгорела в 1812 г. вместе с его московской библиотекой» (I, XIII).
- 5 См. об этом: 1) Рукописи Державина и Н. А. Львова (Отчет Я. К. Грота 2-му Отделению Акад. наук). СПб., 1859. С. 5. 2) *Ионин Г. Н.* Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. Л., 1986. С. 297–298.
- 6 *Грот Я. К.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 189.
- 7 РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 16. Л. 81. Упомянув рисовальщика А. Е. Егорова, Державин, по-видимому, имел в виду более позднюю иллюстрированную тетрадь, созданную после «екатерининского тома» (в работе над рисунками, помещенными туда, А. Н. Оленин почти не участвовал, большая их часть создана рукой Иванова). Кроме того, есть предположение, что рисунок к стихотворению «На умеренность» из тома 1795 года был выполнен Н. А. Львовым (об атрибуции этого рисунка см.: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверь, 2008. С. 89).
- 8 *Державин Г. Р.* Записки. С. 182.
- 9 *Замостьянов А. А.* Гаврила Державин: Падал я, вставал в мой век... М., 2013. С. 215.
- 10 О композиции последнего прижизненного собрания сочинений Державина см.: *Пономарева М. В.* 1) Поэтика Г. Р. Державина: проблемы композиции. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 14–17. 2) От канона к автору: композиционные принципы «Сочинений» Г. Р. Державина 1808–1816 гг. // Миргород, 2015. № 1 (5). С. 51–64.
- 11 *Левцкий А. А.* Вместо послесловия // Derzhavin G. R. Poetic works: a bilingual album. P. 586.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 589.
- 14 *Остолопов Н. Ф.* Ключ к сочинениям Державина: С кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб., 1822. С. 64.
- 15 *Ионин Г. Н.* Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. Л., 1986. С. 318.
- 16 *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 71.

- 17 Об обстоятельствах, связанных с подготовкой издания, см.: *Морозова Н. П.* «Эзоп лампадой освещал...» (об издании «Басен и сказок» И.И. Хемницера 1799 г.) // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 82–91.
- 18 По предположению Н. П. Морозовой, интерес Оленина к греко-этруским мотивам в графике мог быть «следствием его археологических увлечений, в связи с которыми он обращался к книге "Collection of Etruscan, Grecand roman antiquities from the Cabinet of the Hor. W. Hamilton his Britanick maistys envoü extraordinary and plenipotentiary at the court of Naples"» (см.: *Морозова Н. П.* «Эзоп лампадой освещал...». С. 85).
- 19 *Державин Г. Р.* Сочинения. 1795. ОР РНБ. Ф. XIV. Ед. хр. 16. Л. 38 об.
- 20 Рукопись с рисунками. Факсимильное воспроизведение (Альбом-вкладыш) // *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. 1986. С. 97.
- 21 См., например: 1) *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 143–164. 2) *Панин С. В.* Автобиографическая диалогия Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 201–215.
- 22 *Смолярова Т.* Державин. Зримая лирика. Державин. М., 2011. С. 19.
- 23 *Державин Г. Р.* Записки. С. 183.
- 24 Майр Иоганн-Христоф (Maug Johann-Christoph, 1764–1812) — гравер, иллюстратор. В 1785 приехал в Петербург по вызову Академии наук и стал мастером гравировальной палаты. Исполнил портрет Е. Р. Дашковой, фронтисписы к изданию «Зрелище природы и художеств» (СПб., 1784–1790).
- 25 *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания // *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. 1986. С. 382.
- 26 Утраченный лист в «екатерининском томе» (см. примеч. 1) находился между страницами 106 и 109.
- 27 *Державин Г. Р.* Объяснения на сочинения Державина // *Derzhavin G. R.* Poetic works... P. 459.
- 28 Цит. по: *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 302.
- 29 Согласно исследованию Е. Н. Петровой, С. Тончи принадлежит только одна иллюстрация — заставка к стихотворению «Бессмертие души» (см. об этом: *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания. С. 385).
- 30 Интересно, что в своих мемуарах младшая дочь Оленина, Анна Алексеевна (в замужестве Андро) среди множества талантов отца выделила именно способность к рисованию (возможно, подразумевая работу над иллюстрациями

к державинским стихотворениям): «В Дрездене же развилась в нем [А. Н. Оленине] любовь ко всему изящному; он выучился прекрасно рисовать, и рисунки его пером в самом деле замечательны верностью и бойкостью» (*Оленина А. А. Воспоминания 1881 года // Ай да Пушкин... Музы о поэте. М., 2016. С. 148*).

- 31 Исследователи никогда не писали о второй «зеленой тетради» отдельно, поэтому содержание рукописи воспроизведено в приложении к статье.
- 32 Рукопись с рисунками. Факсимильное воспроизведение (Альбом-вкладыш) // *Анакреонтические песни. 1986. С. 189–190.*
- 33 РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10 об.
- 34 Рукопись с рисунками... С. 18.
- 35 *Бабкин Д. С. Архив Г. Р. Державина в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1952. Вып. 3. С. 74.*
- 36 Рукописи Державина и Н. А. Львова... С. 7–8.
- 37 Номера «зеленых тетрадей» соответствуют номерам томов Собрания сочинений Державина (1808) и не отражают последовательность создания.
- 38 *Бабкин Д. С. Архив Г. Р. Державина. С. 74.*
- 39 Рукопись с рисунками... С. 13, 104, 131.
- 40 Отметки о своем авторстве чаще всего оставлял Оленин — в «екатерининском томе». Ивановым, подписано большинство рисунков второй «зеленой тетради». В третьей части ни один рисунок не подписан.
- 41 Единственным рисунком, выполненным рукой Оленина и помещенным в рукописи 1800-х гг., а именно в первую «зеленую тетрадь», является уже упомянутая заставка к стихотворению «На взятие Измаила».
- 42 *Сандерс Джозеф (Saunders Joseph, 1773–1845) — гравер, портретист, иллюстратор. В 1794–1810 гг. работал в Петербурге, где числился придворным гравером. Участвовал в работе над «Эрмитажной галереей» (1805–1809). Подготовил гравюры для «Анакреонтических песен» Г. Р. Державина, «Литрических сочинений» В. В. Капниста (1806) и «Неопытной музыки» А. П. Буниной (1809).*
- 43 См. об этом: *Луизова Т. В. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 151.*
- 44 *Державин Г. Р. Сочинения. 1795. Л. 1.*

- 45 Так назвал свое дружеское общество Державин в письме Капнисту вскоре после смерти Львова (VI, 144–145).
- 46 Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 325–326.
- 47 См. об этом подробнее: Ровинский Д. А. Николай Иванович Уткин, его жизнь и произведения. СПб., 1884. С. 56.
- 48 Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 367–368.
- 49 См. об этом: Дзюбанов С. Д. «Зачали уже описывать дома и деревни...» (о финансовых проблемах Г. Р. Державина) // Державин и его время: сб. научн. ст. СПб., 2016. Вып. 11. С. 51.
- 50 В 1916 году было обнаружено и издано письмо Державина, датированное 27 мая 1816 года, которое содержало ответ на запрос гравера. См.: Гер А. Неизданное письмо Г. Р. Державина к Н. И. Уткину // Русский библиофил. 1916. № 3. С. 86–87.
- 51 Там же. С. 87.
- 52 Там же. С. 86.
- 53 Базанов В. Г. Оглядываясь на пройденный путь (К спорам о Державине и Карамзине) // XVIII век: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969. Сб. 8. С. 21.

Письма А. А. Капнист Д. А. Державиной

Александра Алексеевна Капнист (урожденная Дьякова), сестра супруги Г. Р. Державина Дарьи Алексеевны, родилась в Санкт-Петербурге 29 ноября 1759 года, крещена 4 декабря 1760 года¹ в Благовещенской церкви на Васильевском острове.

В апреле 1767 года она была принята в Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт), из которого выпущена весной 1779 года. В доме родителей она познакомилась с Василием Васильевичем Капнистом, другом Н. А Львова, жениха ее сестры Марии Алексеевны. Вероятно, в это время Д. Г. Левицкий пишет портрет Александры².

Вскоре В. В. Капнист делает ей предложение, и 9 ноября 1780 года состоялось венчание в той же Благовещенской церкви на Васильевском острове³.

Весной следующего 1781 года (не позднее марта) Капнист увозит молодую жену в свое имение Обуховка (Миргородский уезд Полтавской губернии). С ними едет друг Василия Васильевича И. И. Хемницер. Александра никогда больше не возвращалась в Петербург. Уже осенью 1781 года, возможно, в начале следующего 1782 года, у нее рождается первый ребенок. Дети рождались часто, но многие умирали в младенческом возрасте⁴. В живых осталось четыре сына и две дочери.

Александра Алексеевна сама обучала детей языкам, музыке и даже математике. Иногда в ее доме проживали девушки из семей соседей. Так, одно время у нее обучалась родная сестра М. И. Гоголь Катерина Ивановна (Косаревская).

В соседних с Обуховкой имениях жили братья Капниста — Николай Васильевич и Петр Васильевич. Ближайшими соседями были Родзянки, Муравьевы-Апостолы, Д. П. Троцинский. Все они часто съезжались на семейные праздники. Из Петербурга иногда приезжали родственники. Так, в 1788 году Капнистов посетили родители Александры Алексеевны, с дочерью Дашей и внучкой Надеждой.

Отец Александры Алексей Афанасьевич Дьяков последние годы жизни провел в Обуховке, где скончался в 1791 году и был похоронен на семейном кладбище.

Весной 1803 года посетить Малороссию планировали Державины, но этому помешала какая-то, неизвестная нам, семейная ссора. Отношения были восстановлены только в августе 1812 года примирительным письмом В. В. Капниста⁵.

С этого времени начинается активная переписка. Самым значительным событием становится приезд Державиных в Обуховку в июле 1813 года. После этого Державины берут на себя заботу о судьбе сыновей Капнистов. Дарья Алексеевна еще раз встречается с сестрой в июне 1819 года.

Скончалась Александра Алексеевна Капнист 17 марта 1831 года (ранее во всех источниках ошибочно указывался 1830 год), о чем узнаем из неопубликованного письма Семена Васильевича Капниста Д. А. Державиной от 22 марта 1831 года: «К крайнему прискорбию моему должен я вам сообщить горестное известие, милая и любезная тетинька! Добрая наша маминька, которая уже более двух месяцев не вставала с постели после того, как она упала в своей комнате на гладком полу и ушибла ногу, видимо, всякий день теряла силы и ослабевала. Наконец, болезнь сия обратилась в горячку, которая в течение трех дней свела ее во гроб. Богу угодно было призвать ее к Себе сего марта 17 числа. Вы можете судить, сколь велика наша потеря; вы ее любили и вполне разделите скорбь нашу»⁶.

Во время работы над академическим изданием Сочинений Г. Р. Державина Я. К. Грот получил от сыновей А. А. Капнист — Ивана Васильевича (в 1859 году) и Алексея Васильевича (в 1863 году) — автографы ее писем 1813–1829 годов. Сегодня

они хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (19 писем), куда поступили в 1931 году из Архива Академии наук (в составе части собрания Я. К. Грота), и в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (20 писем)⁷, куда были переданы в 1924 году К. Я. Гротом.

Большинство писем отправлено из Обуховки, лишь 3 написаны в Трубайцах, имении П. В. Капниста. Эти эпистолярные документы позволяют создать более полное представление о нелегкой, наполненной заботами о детях жизни Александры Алексеевны Капнист.

Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением отдельных орфоэпических особенностей оригиналов.

Письма А. А. Капнист

1

8 марта 1813 г.

Любезная сестрица Дарья Алексеевна! Слава Богу, наконец, мы сколько-нибудь успокоены. В России немного утишилось. Надолго ли? Сего знать не можно. Но Бог чудесным образом нас оборонил и от злодея избавил, следственно, всю надежду на Его нам полагать должно. Страх от французов и ополчение, и проч. всех вообще, а моего Васиньку особенно, так озаботил, что не имели почти часа свободного на дружескую переписку, при том почта надолго и совершенно прервалась с Петербургом. Наконец, письмо любезного Гаврыла Романовича¹ от 20 генваря мы получили, при том и его Сочинение, то есть Прогнание французов из отечества², на которое надо дать время, чтобы прочесть, а я только что получила. Ты ничего не пишешь, верно ожидаешь моего к тебе письма, но я тебе причины все описала, и ты довольна должна быть. Ты видишь, что это не за тем, чтобы мы не хотели к вам писать, а невозможность тому была. Слава Богу, что вы здоровы,

кланяюсь Гаврылу Романовичу. Пишите к нам почаще и приятельски, нас много это будет радовать. Верьте, что я всегда к вам истинную привязанность имею. Остаюсь искренно любящая вас
Александра Капнистова.

2

11 июня 1813 г.

Сей молодой человек гос. Родзянка¹, который письмо мое тебе, любезная сестрица, вручит, просил меня рекомендовать его брату Гаврылу Романовичу и тебе. По близкому нашему знакомству, а можно сказать, дружбе с его матерью², я это охотно исполняю, желавши искренно, чтобы вы его полюбили. Прими его ласково; ему там никто незнаком. Следственно, надежда вся его на вас останется по моей к вам просьбе. Он немного застенчив в рассуждении его выговора, но он не менее тем умен, а притом и сочинитель изрядный. Мы его матери очень обязаны. Хотелось бы и ей чем ни на есть возблагодарить и воспользоваться случаем. Я очень довольна буду, когда вы его примете как сына моего, и ободрите его застенчивость, так что он забудет, что он не с нами вместе. Васиньки дома нет, он так теперь озабочен, что и дома очень редко бывает, а все в поездке. Он в Житомире был, теперь, я думаю, в Слоними³ в рассуждении подряда хлеба, куда его Дмитрием Прокофьевичем⁴ и всем дворянством послано⁵. Не знаю, чем это кончится, но дай Бог, чтобы исправно и благополучно все было. Мы послали нарочного в вашу деревню⁶, где он должен прожить несколько месяцев, чтобы узнать все обстоятельства, откуда он нам должен репорты посылать обо всем. А потом вам отосланы будут. Всякую почту мы должны оттуда известия иметь. В прочем пожелавши вам наилучшего здоровья, остаюсь любящая вас

Александра Капнистова.

Пришли, милая сестрица, для моей Катиньки⁷ шелков тамбурных с фунт, разного цвету подмен. Здесь никаким образом сыскать нигде

не можно. Ты меня много тем одолжишь. Что тебе нужно будет с наших мест, отпиши, я с удовольствием исполню.

3

9 августа 1813 г.

Вы от нас уже очень далеко, любезные мои родные, которых обнимаю и еще раз с стесненным сердцем прощаюсь. Милую Пашиньку¹ целую, целую глаза ее, рот и все личико ее приятное. Может быть, это уж навеки! Ах! Вы летите от нас и летите так далеко, что и видеться вряд ли будем. Едьте с помощью Божией, да поможет Он вам; а мне одна тоска и скука остается и овладела совсем мною. Вчера, любезная сестрица, мы получили с Киева ваше письмо. Благодарю Бога от всего моего сердца, что вы здоровы и благополучно доехали. Дай Бог, чтобы путь ваш кончился счастливо. Ах, вы летите от нас, а душа наша за вами. Вовек то приятное время не забуду, которое с вами я провела, и благодарю Бога, что Он мне доставил случай вас видеть. Теперь вы еще далее от нас, горы, леса, реки все более и более нас заграждают, и, наконец, совсем удалитесь! Одно приятное воображение мне остается, которое никто отнять от меня не может! Помни ты нас, мой друг, меня, детей моих, которые к вам так привязались; вы виновны тому, следовательно, и надеюсь, что любить меня и их не престанете. Не могу кончить эту матерью, она наполняет мою душу, и не кончила бы, ежели бы не боялась тебе не навести тем грусти.

Васиньки моего по сие время дома нет. Он был в Полтаве, теперь в Кибинцах², через неделю приедет. Мы сами недавно возвратились домой. Я нарочно не спешила сюда, чтобы более себя рассеять от моей потери, от грусти, что с вами рассталась! Но ничто не помогло, и тоска везде меня преследует. Пишите, и пишите чаще, хотя по одной строчке, они одни могут меня утешить. Прощай, милая сестра и любезный Гаврыл Романович, обнимаю вас, Пашиньку еще раз целую, кланяйтесь всем родным, дай Бог вам благополучно доехать, дай Бог, чтобы вы все здоровы были. Остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

18 августа 1813 г.

Что мне вам говорить, любезные мои родные, как не то же и самое то, что мой Васинька вам пишет. Поверьте, что грусть великая нам всем, а особливо мне без вас! Мы уж два письма от вас получили: одно из Лубен¹, и тогда вы еще близко нас были; другое из Киева, на которое я ответ к вам написала. Теперь где вы, друзья мои? Все далее да далее от нас, может быть, уж за Москву. Ах, дай Бог, чтобы счастливо и скоро возвратились к себе, хотя очень грустно, что вы все далее от нас становитесь. Увидимся мы с вами когда-нибудь? Кажется, навсегда простились мы с вами! Какая мысль! Какая горесть! Одни вы, которые об нас вспомнили, нас посетили, несмотря на дальность, на все неприятности и беспокойствия, чтобы на нас посмотреть, обрадовать и успокоить. Эту жертву я век не забуду. Пишите к нам, одно это утешение теперь нам остается. Пиши, милая сестра, как вы доехали? Здоровы ли вы? Здоров ли любезный Гаврыл Романович? Я покойна не буду, пока не получу от вас известия, что все благополучно кончилось с вами. Не забывайте нас, Обуховку², которая вам так понравилась. Ах, ежели бы она вам так много показалась, может быть, вы бы захотели еще в ней побывать. Но я слишком много желаю, слишком во зло употребляю любовь вашу к нам. Любезная сестра, позволь, по крайней мере, надеяться и себя питать этою приятностью, которая меня восхищает. Но знаю, что тому более не бывать, одним воображением, одною мыслию об вас, одними вашими письмами надобно тешиться, все прочее забыть надобно. Перестаю об этом говорить, зная вашу чувствительность. Новости, о которых, милая сестра, ты с Киева к нам писала, нас очень обрадовали касательно Бонапарта. Несмотря, как говорят, что это давние вести, для нас они новые. Не оставляй нас уведомлять, что в Петербурге услышите, что там говорят и что делается. Мы здесь ничего не слышим, как будто на краю света живем. Мне все нехорошее предчувствуется. Дай Бог, чтобы эти предчувствования были несправедливы. И да отвратил бы Он от нас все зло, которое мы уже во всю меру чувствуем, и долго не оправимся. Но так видно Богу угодно!

Прошу Бога, чтобы вы были здоровы, с нетерпением ожидать буду ваших писем с Петербурга; еще повторяю, что тогда только буду довольна. Обнимаю вас от всего моего сердца, целую милую Пашиньку и всех родных. Остаюсь любящая вас сестра
Александра Капнистова.

5

1–9 сентября 1813 г.

Это правда, милая сестрица Дашинька, что мы не надеялись получить с местечка Дмитривск¹ от вас письма, но ты хотела нас обрадовать, за что очень тебя благодарю, и прошу впредь, и как можно чаще, удовольствия нам сии доставлять. Одно только что утешение нам теперь осталось. Благодарю Бога, что вы счастливо туда доехали и что вы уже теперь в Москве. Мы и оттуда письмо от вас получили. Поезжайте, милые родные, да сохранит Бог вас от всякой неприятности, и да будет ваш путь до самого места благополучен. Дай Бог слышать, что вы все в совершенном здоровье, чтобы сия дорога укрепила любезного Гаврыла Романовича, о котором я несказанно беспокоюсь, но надеюсь на Его, что он мою молитву услышит. Вы чрезвычайно скоро от нас едете, поспешаете, а наши чувства за вами летят, и всегда вами наполнены. Но что нам в том, ежели должны надежду терять, чтобы когда-нибудь вас видеть! Это несносно! Но должно покориться Судьбе и терпеть.

Щеточки и очки я получила, за которые очень тебя благодарю, милая сестрица. Последние для моих глаз очень хороши, особенно те, которые тобою были ниточкой назначены; стекла отменные и редкие. И признаюсь, что боюсь их опять в такую даль отправлять, чтобы они на дороге где не пропали. Я их сама стараться буду здесь где отделать, когда можно будет, а за твое предложение очень тебя благодарю. Эта память всегда в глазах моих будет, которая мне великое удовольствие доставит.

Теперь скажу тебе, милая Даша, что очень мне досадно было читать в твоём письме с Москвы, что вам так дурно было ехать, что дожди вас столь много беспокоили; ах, когда бы вы только не

простудились, когда бы любезный Гаврыл Романович свое здоровье не расстроил. Как бы я Бога благодарила! Мы имели после дождей недели две хорошие, а сию минуту, как к вам пишу, опять льет ведром. Надолго ли продолжаться будет, не знаю, но молим Бога, чтобы нас он помиловал, а то без сена, без хлеба останемся; от сильных сих дождей нашу плотину на пруду, которая, как ты видела, раскопана была, прорвало. Благодарим Бога, что винокурню не снесло, а вода почти вся ушла, и когда дождей сильных не будет, [что] для всего другого нанести великий вред может, то и винокурня вряд ли куриться станет, где тонко — там и рвется. Что делать, нечем помочь. — А без винокурни худо.

За новости благодарим тебя, желательно только, чтобы они справедливы были. Верить трудно, после столь многого несправедливого, в разные перемены, которые так часто слышны.

О себе скажу, что мы, благодарение Богу, по сие время все здоровы, Васинька мой был с Катинькой в Ахтырке² на богомолии, где за вас, милые, молились. Возвратившись, Васинька поехал в Кибинцы на праздник Александра Невского с Сенюшкой³ и Ванинькой⁴. Ожидаем их скоро домой, когда что не помешает.

Обнимаю тебя, милая сестрица, и любезного Гаврыла Романовича, милую Папиньку целую. Здорова ли она? Каковы ее зубы, которыми она столь много мучилась здесь. Клянюсь всем родным. Сестре Катиньке⁵ кланяйся от меня. Как бы я счастлива была, ежели бы могла когда-нибудь с ней видеться. Но это дело невозможное, мне кажется. Целую тебя еще раз, остаюсь, любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Ежели Васинька сегодня или завтра придет, то он припишет к вам. Я ему ваше письмо отдам, и он касательно Гаврыловки о ревизии душ, о которых Гаврыл Романович к нему пишет для залога в банк их, отвечать будет, когда не теперь, то по первой почте верно.

Прошу тебя, милая сестрица, прислать мне, когда можно, узоров разных для ковров, чем много меня одолжишь. Но чтобы по канве они были. Моя Катинька целует твои ручки и просит ей прислать для вышиванья сученой бумаги³ пунцового цвету и го-

лубого, и зеленого, и я за нее тебя прошу, когда можно, пожалуйста, пришли.

Письма Е. В. Капнист: По этому вы можете судить, бесценная тетенька, как маминька меня балует. Лишь только пожалела о том я, что не могу достать здесь цветной бумаги, как они сейчас решились вас об оной беспокоить, дабы и этот мой каприз исполнить. Уверьте, пожалуйста, их, тетенька, что нехорошо так баловать дочь свою. Целую бессчетно раз ручки ваши, также и почтеннейшего дядиньки. Дай Бог, чтобы вы были здоровы. Ваша покорная племянница Катерина Капнистова.

Окончание письма А. А. Капнист: Сентября 9 числа.

Не хотела я тебя, милая сестрица, озабочивать моими очками (которые от тебя я получила), чтобы их ты велела отделать. Думала здесь таких мастеров сыскать, но не могла сего я сделать, и уверяют меня, что сего здесь не сумеют сделать так хорошо. Итак, посылаю их тебе, прошу их велеть оправить; те, что с ниточкою, очень для меня хороши, а другие разве со временем будут мне годиться.

Васиньки по сие время с нами нет. Завтра, я думаю, что к нам будет, но почта отходит, следственно, надо спешить. Обнимаю еще раз вас, любезных моих родных. Где-то вы теперь? Дай Бог, чтобы уж на месте были и совершенно здоровы. Желаю очень завтра получить от вас письмо.

6

октябрь 1813 г.

Я только что написала к тебе, милая сестрица Даша, о нашем беспокойстве как вы до Званки доехали, как получаем от вас письма, что вы благополучно туда прибыли; за что я благодарю Всевышнего Творца. Слава Богу, что вы все здоровы; признаюсь, что я очень беспокоилась о слабом положении любезного Гаврыла Романовича. Мне очень лестно было читать его строки ко мне, я не менее, а то же чувство к нему питаю. Моя привязанность несказанная к вам была, есть и всегда будет. Теперь вы на месте, покой-

ны, здоровы, чему я очень довольна. Не хочу более вас раздражать моими печальными чувствами, знаю действия их над добрыми сердцами и наполненными любовью. Ты пишешь, милая сестра, что никакое расстояние нас отдалить не может, что истинная правда. Но для меня столь ненасытной, как я сотворена, для меня сего мало. Хотела бы вас беспрестанно видеть, вечно быть с вами. Это ваша вина: вы меня так настроили; это ваша работа. Но со всем тем, мне только остается следовать твоим советам, милая Даша, пользоваться тем способом, который один нас приблизить может; буду хоть письмами утешаться. Но дай слово, что ты нас лишать сего удовольствия, можно сказать, единственного, не будешь.

Касательно детей моих, которые искренно вас почитают и любят, и благодарят со мною вместе, о попечении, которое ты иметь о них хочешь, я ничего теперь сказать не могу, оставляю на волю их отца. Он лучше меня все обстоятельства знает, и кто как ни отец желает более добра своим детям. Буду просить вас, любезные родные, что как время придет, тогда их не оставить вашей помощью, сколько возможно вам будет. Одна надежда на вас. Я Васиньке эти строки прочитала, он с горестью сказал, что и сам не знает, что с ними делать. Полагается как во всем, так наипаче в том, на Бога, что, может быть, он им откроет путь, которого теперь совсем не видно. Он искренно благодарит вас за участие ваше, и помощь ваша будет ему и утешительна, и полезна. Любезная сестра, скажу тебе от сердца, что разлука с детьми будет мне при старости моей еще новая горесть, которую я не ощущала. Безвестность о их будущей судьбе, тягчит несказанно сердце мое. Дай Бог, чтобы мы исполнили в рассуждении их долг наш. Милая сестрица, тяжело быть матерью; может статься ты счастливее меня. Целую тебя, сестрица, обнимаю любезного Гаврыла Романовича, дай Бог, чтобы вы были здоровы. Остаюсь покорная и любящая вас сестра Александра Капнистова.

Милая моя Пашинька, как мне твоя приписка была приятна, с удовольствием оную читала. Знаю, что это от любви твоей ко мне происходит и что ты бы желала твое доброе сердце излить в мое, которое к тебе такую же силую стремится. Люблю тебя,

Паша, по чувствам, которые я всегда имела к сестре моей, а к твоей матери, по собственным твоим, любезная моя и добрая Пашинька. Не забывай ты только ту, которая от всего своего сердца тебя и всех вас любит. Любезную Вериньку¹ целую, жаль, что это заочно, какое бы для меня удовольствие было лично ее видеть и целовать. Поблагодари ее за приписку, которая мне очень приятна была. Ты меня любишь, милая, внуши и ей ты ко мне ту любовь, поцелуй ее за меня и любезную Лизиньку², вы все мне по сестре моей дороги, которая память для меня навсегда драгоценная останется. Еще раз тебя целую, и целую как любезную мою Пашу.

7

4 октября 1813 г.

Наконец, милая сестра Даша, получили сию минуту ваши письма с Званки, которые с нетерпением мы ожидали и были в превеликом беспокойстве, ибо два почти месяца как от вас писем не имеем. Я хотела сказать с месяц, но мне кажется, что уж очень давно. Но слава Богу и благодарим Его, что вы все здоровы и доехали благополучно до вашей деревни Званки, что любезный Гаврыл Романович мог сию дальнюю и беспокойную дорогу выдержать, и что Бог его укрепил, и здоров прибыл к своей цели, или, лучше сказать, в свое место. Как я рада, милая сестрица, и не могу довольно возблагодарить Бога, что он вас так счастливо перенес! Ты поверить тому не можешь. Я так была все это время вами занята, что и не писала к тетушке Любви Петровне¹ ни слова. Я себе это не прощу. Что ты, милая, обо мне сказала? Извинила ли ты меня перед нею и перед всеми ими? Как мне это досадно, изъяснить тебе не могу. Признаюсь, что совершенно позабыла обо всех, ты меня одна занимала с Гаврылом Романовичем и любезной Пашинькой. Ах, какое это время для меня было, никогда того не забуду. Мы к тебе три письма писали, почему вы их не получили, того не знаю, но уверяю тебя, что для меня очень приятно с вами заниматься, и буду к вам писать, сколько силы мои позволят, видеться с вами нельзя уж мне будет и вторичного такого для меня

чуда и счастья надеяться нету возможности, следственно, остается одно удовольствие — это то, чтобы хотя на бумаге с вами говорить. Я надеюсь, что после твоего сего письма ты, верно, получила, или получишь скоро и наши. Не думаю, чтобы мои одни только пропали письма, это бы очень странно; но прошу тебя не иметь первобытные об этом подозрения². Поверь, мой друг, что ты в том ошибалась. Ты, верно, знаешь, о чем говорить я хочу. Остается мне только повторить к тебе мою просьбу касательно сего.

Мы недавно домой приехали. Были на именинах у брата Николая Васильевича³, у которого всех четырех дочерей день праздновали 17 сентября — Софьи, Веры, Надежды и Любви; пробыли две недели, и я с нетерпением возвращалась домой, думая письма ваши застать, но очень обманулась, ибо только что сей день получила. Но слава Богу, что их теперь имеем. Пишите к нам, не лишайте нас последнего сего удовольствия и радости. Между тем не забудь, милая сестрица, и о новостях нас уведомлять.

Я послала к тебе обратно очки и просила их оправить, как ты хотела. Не знаю, получила ли ты их. Жаль будет, ежели они пропадут. Стекло одно ни с какими очками сравнить не можно.

Любезному Гаврылу Романовичу кланяюсь, желаю, чтобы он и ты, милая сестра, здоровы были. Пашиньку в мыслях целую. Остаюсь покорная и любящая вас сестра

Александра Капнистова.

8

4 ноября 1813 г.

Где вы, любезная сестрица Дашенька, в Званке ли или в Петербурге? Где бы вы ни были, я уверена, что нас помнить будете, любить и писать не перестанете, что меня утешает. Не могу забыть, что вы у нас были, и как я была тогда довольна! Но это как сон исчез, одно удовольствие остается — это чтоб читать ваши письма. Не лишай нас последней сей отрады, воображаю живо тебя, любезного Гаврыла Романовича и всех вас, когда оные я читаю. Но что, однако, все не то, как была с вами вместе, видела вас глазами своими, говорила с вами, а не писала. Ходи-

ла вместе, а не воображала, сидела близ тебя, милая сестра, и казалось, что никто нас разлучить не может. Поверь, что и теперь голос твой в ушах моих, разговор любезного Гаврыла Романовича и всех вас, все мне напоминает это приятное время. Погода у нас прекрасная, как бы то август месяц, везде зелено, и даже и цветы находим, по горам ходивши. По следам вашим мы теперь прохаживаемся, но одни, без тебя, без вас всех очень грустно. Не могу освободиться от сих приятных для меня мыслей, которые меня как будто дразнят и тревожат. Но со всем тем как ни тяжело, перестану об этом писать, но не думать и не воображать.

Васиньки дома нет, он остался в Кибинцах на несколько дней, где и мы на именины Дмитрия Прокофьевича были. Он спрашивал, получаем ли мы от вас письма, и велел вам усерднейше кланяться. Ах, как бы я желала хотя бы еще раз вас видеть, но кажется, что я желаю невозможного, и эта мысль очень огорчительна. Да будет воля Божия!

Кланяюсь любезному Гаврылу Романовичу, Пашиньку милую в мыслях целую, равно, как и Вериньку, и Лизиньку, и всех родных. Сестру Катиньку когда увидишь, скажи ей, что я ее всегда люблю и помню. Грустно вспомнить, что нас так мало осталось! Да будет над нами благословение Божие, и да утвердит Он нашу связь навсегда. Между тем будьте все здоровы. Остаюсь покорная и любящая вас сестра

Александра Капнистова.

9

11 ноября 1813 г.

Я очень довольна, любезная сестра Даша, что ты наши письма так аккуратно получаешь, но несказанно довольна, что и твои я имею. Видно, что в твое отсутствие много накопилось дел в Званке, которые тебя так долго там задержали. Но я бы желала, чтобы они тебе досад не причиняли, что для меня бы было очень чувствительно. Итак, Пашинька уже не с вами. Надолго ли она оставила своих благодетелей, свою комнатку и окошечко, в кото-

рое она на Волхов смотрела. За известия о французах благодарю. Дай Бог, чтобы это только было правда, но боюсь, чтобы они опять не восторжествовали; что-то предчувствуется это, но Боже сохрани!

Я бы тебя не беспокоила моими очками, но признаюсь, что боялась здесь их велеть оправлять, чтобы стекла, которые так хороши, не попеременяли, на это здесь мастера. Пожалуйста, вели обои оправить, одни для меня теперь хороши, и другие пригодятся вперед, притом и Васиньке те, которые с ниточкой обвязаны были, будут хороши, ибо и он скоро их наденет. Благодарю, что ты обо всех моих помнишь, мы так много все тебя обременили, что мне уже и досадно. Милая сестра, я знаю, что ты нас любишь, следственно, и не сердись на меня за это, но признаюсь, что никогда не надобно во зло употреблять добро, это немного похоже на то, как говорят, забываться.

Это правда, что я хлопочу о разных податях и таких частых, но мне помнится, матинька, что я к тебе об оных не писала, или ежели и писала, то это будучи очень расстроенная и в досаде.

Как бы я желала сама у вас побывать, где бы я и сестру Катиньку видела бы, но мне только остается это воображать, или хотя бы во сне это видеть, и то бы утешило. Перед этим письмом я тебя просила сестре Катиньке кланяться, а теперь, как увидишь ее, то поцелуй ее за меня столько раз, сколько дней я ее не видала. Вот комиссия, которую нелегко исполнить, но я бы ее, кажется, так бы расцеловала, а тебе, матинька сестрица, не препоручила. Одно воображение страшило б, вспомнивши, как это давно, не только дней, и лет сочесть нельзя.

Любезных Гаврыла Романовича, графа Штенбока¹ обнимаю. это правда, что ты пишешь, что всем сестрам по серьгам, но для меня чем дешевле и легче, тем бы лучше и сходней было в этом случае.

Прощай, милая сестра, целую тебя и всех. Васиньки дома нет. Я за него вам кланяюсь. Остаюсь покорная сестра ваша

Александра Капнистова.

28 ноября 1813 г.

Благодарю Бога, что вы счастливо в Петербург приехали, любезные мои родные. Дай Бог, чтобы вы после столь многого претерпения нашли здесь покой и удовольствие, а более всего здоровья за вашу к нам доказанную любовь, которую я во всей мере чувствую! Благодарю любезного Гаврыла Романовича и тебя, милая сестра Даша, дай Бог вам за это всякого блага. Признаюсь, что я страшилась, воображая опасности и неудобства, в которые вы себя ввергали. Но слава Богу, все кончено, и вы благополучно до места вашего прибыли. Теперь остается нам желать, чтобы вы нас любили и помнили, как мы вас, всегда речь наша об вас, и всегда мыслями я с вами.

По просьбе моего Васиньки к Гаврылу Романовичу и к тебе, Дашенька, моя присоединяется, одолжите нас в этом и помогите, когда можно. Тебе известно, что то, что я имела от вас на покупку хлеба для винокурни, употребила. Не имеем никаких способов мы теперь, чтобы себя оправить, не поможет ли нам Бог вперед в чем-нибудь, то с благодарностью вам возвратим. Срок уж прошел, чтобы платить проценты, и с нас вновь, как прошлого году, втрое процент на процент требовали и даже и содрали. Я и пословицу мою обыкновенную в том случае забываю, то есть, что добро во зло не употреблять, а прошу только: помогите, ратуйте, кто в Бога верует.

Прошу кланяться от меня Гаврылу Романовичу и благодарю за новости, которые мы аккуратно получаем.

Пашиньку милую, Лизиньку, Вериньку от всего моего сердца обнимаю, воображая всегда мне любезную сестру мою.

Остаюсь ваша покорная и любящая вас сестра Александра Капнистова.

Не могу удержаться, чтобы тебе не послать оду моего Сенюшки¹ ко мне в день моего рождения. Как ты ее найдешь, отпиши ко мне.

16 декабря 1813 г.

Милая сестра Даша, я и мы все никак не досадуем, что ты к нам давно не писала, представляя твои суеты и беспокойства, которые неизбежны в таком городе, как Петербург. Я беспокоилась о тебе, здорова ли ты? Гаврыла Романовича письмо мы получили, где ни слова тобою не было написано. Это меня потревожило, признаюсь, но последнее твое письмо меня успокоило. Я знаю, что ты нас любишь и не перестанешь к нам писать, как скоро тебе время позволит. Ты не поверишь, сколь много письма ваши нас утешают, с нетерпением всегда их ожидаем, и дабы не лишать нас сего удовольствия, пиши к нам, милая сестра, сколько можно более и чаще — одно для нас всех утешение.

Читая [сие] последнее твое письмо, я с Васинькой были очень растроганы. Участие, которое ты с любезным Гаврылом Романовичем о детях наших и вообще нас всех принимаете, много нас успокаивает, так что возблагодарить не в силах. Да наградит Бог вас за это.

Васинька мой писал к вам касательно детей наших, ожидает ответа. Это истинная правда, что разлука детей моих со мною много мне будет стоить, но чего для их блага жертвовать не можно и не должно. Все, лишь бы они были счастливы. Ты пишешь, милая сестрица, что ежели Бог на нас прогневется и вместо ожидаемых хороших для их успехов какая будет неудача, то чтобы мы на вас тогда не сетовали никогда. Я уверена в добром к нам расположении, равно как и Гаврыла Романовича, что вы все то сделаете, что в ваших силах будет. Следственно, что и не удастся, то будем видеть в том руку Божию и что так Ему в том угодно, и никто другой без Его воли делать ничего не может. А вам навеки признательны будем.

За полученную от вас посылку много тебя благодарим. Ты мне зрение доставила очками, которые ты прислала, следственно, и удовольствия тем много мне прибавила. За капли, канву и бумагу Катиньки моей вместе тебя благодарим.

Васинька мой сегодня поехал опять в Кибинцы, получа оттуда вновь неприятные известия от князя Лобанова¹, который прика-

зал, чтобы непременно собирали со всех нас тот хлеб, который мы должны были готовить для ополчения, и который теперь совсем не нужен. Сего недовольно. Собравши сей хлеб, который нам стоить будет более трехсот тысяч, приказал, чтобы оный хлеб был продан, и деньги в Казначейство внести. Для чего? Никто не знает. Не имевши на это никакого права и повеления. Сего еще недовольно. Велел собирать наистрожайше сей хлеб, тогда, когда во многих местах великий неурожай был; а где и было, то и по сие время в поле стоит, за дождями, а потом снегами вывезти не успели, между которыми и мы находимся. Для сего дворянство будет собираться в Полтаву, где и Дмитрий Прокофьевич² с Васинькой должны быть. Как это решится, Бог один знает. Словом, всякие притеснения и разорения сему краю он наносит. Это между нами, милая сестрица, надеюсь, что останется. До времени молчать должно.

За новости благодарим тебя, дай Бог успеть против общего нашего врага. Можно сказать, что не менее наш генерал-губернатор на его похож своею властью и необузданностью. Словом, ежели бы не Дмитрий Прокофьевич, который еще нас кой-как поддерживает, пропали бы совсем.

Кланяюсь любезному Гаврылу Романовичу. Пашиньку, Лизиньку, Верочку в мыслях целую. Ах, ежели бы можно было тебя, милая Даша, еще видеть, и всех вас, как бы меня Бог тем обрадовал. Но я надеждою буду питаться, которая меня поддерживать будет. А между тем обнимаю тебя от всего моего сердца. Дай Бог, чтобы вы были все здоровы. Остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

А я, милая и бесценная моя тетенька, благодарю и целую бесчисленно раз ручки ваши за присланную бумагу и канву. Ах, Боже мой, когда будем мы опять так счастливы и увидим вас, добрую нашу тетеньку? Неужели Всевышний не позволит нам хоть еще раз в жизни иметь сию радость? Как я завидую этой бумаге, она счастливее меня, через недели три она будет в руках милой тетеньки моей. А я — я так далеко от нее. По крайней мере, прошу вас, тетенька, не оставляйте нас частыми вашими письмами. Вы

не поверите, какую вы оными делаете отраду любезной нашей маминьке. Целую еще раз ваши милые ручки, также и почтеннейшего дядиньки. Прошу вас помнить и любить вас душевно почитающую и любящую племянницу

Катерину Капнистову.

Сестра и брат целуют ручки ваши.

12

29 декабря 1813 г.

Ты не поверишь, милая сестрица Дашинька, как нам всем грустно было, когда узнали, что любезный Гаврыл Романович был нездоров. Благодарю Бога, что болезнь его не так сильна была, как в Обуховке. Надеяться должно, что это к его облегчению клонится. Видно, что для его здоровья в Петербурге лучше, нежели здесь, что для нас немного и обидно. Но где бы то ни было, когда облегчение есть, то слава Богу! Я не успела в последнем моем письме вас поблагодарить за оказанную вашу истинно родственную любовь в споможении к нам. Вы нас обязали и успокоили много, за что еще раз благодарю очень. Крайне приходило нам невольготу, через что могли бы и имения последнего лишиться, не имея, право, ни копейки, как и всегда с нами так бывает. Благодарю Бога, благодарю и вас, наших родных, что в этом нас облегчили. Одно только, что мы можем, [это] чувствовать все ваши одолжения и молить Всевышнего за вас!

Васинька мой также был болен и теперь еще не совсем здоров от всех беспокойств, которые он беспрестанно имеет в рассуждении общественных дел, от которых чем далее, тем больше мы все терпим. Но так как Бог справедлив, надеяться должно, что он нам и поможет. Эта одна надежда, которая должна нам казаться не обманчивой. Впрочем, все у нас, слава Богу, здоровы, только я часто стражду биением сердца и судорогами в ногах, тем несчастнее, что помощи здесь ниоткуда иметь не можно; следовательно, должны терпеть, а наконец, может быть, и прежде времени умирать. У нас такая перемена в погоде, что верить почти

не можно, сделавшись совершенно зима. Снегу так много было, что не проехать, а пройти совсем невозможно было. Потом такая оттепель, что все вновь залило, как весной, плотины прорвало, между которыми и нашу также снесло. После снегу, который весь сошел, сделался мороз так велик, что все осушило, а между тем ни на санях, ни на колесах выехать невозможно.

Кланяюсь любезному Гаврылу Романовичу, Пашиньку милую целую. Она опять с тобою вместе, я тому довольна. Воображаю, что иногда вы и об нас словцо какое скажете, вспоминая нашу бытность вместе в Обуховке. Ах, это время никогда я не забуду. Эта приятность и удовольствие как сон для нас, особливо для меня, исчез. Но надобно быть признательным и благодарным перед Богом. Он нас несказанно тем обрадовал, что доставил нам вас, наших любезных родных, видеть.

Пашиньку, Лизиньку, Верочку и братьев, а моих племянников, когда они с вами, мысленно целую.

Ах, когда бы еще увидеться с вами, какое бы это блаженство было, мы в этом случае ненасытные люди. Прошу Бога, чтобы ты, милая сестра, Гаврыл Романович и все вы были здоровы и благополучны. Остаюсь покорная и любящая вас, сестра

Александра Капнистова.

13

11 февраля 1814 г.

Милая сестра Даша, ты от меня ничего кроме просьб не имеешь, но я знаю, что ты добро охотно делаешь, следственно, и решаюсь на это. Господа Родзянки, которые письмо сие тебе вручат, есть сыновья нашей самой лучшей приятельницы¹ и которой мы очень много обязаны. Не в состоянии будучи ей сами отблагодарить, прошу, как любезного Гаврыла Романовича, так и тебя, сестрица, помочь им в их просьбе сколько возможно вам будет; вы нас через то много обяжете. Ты, милая сестра, видела как мать их, так и всю семью в Трубайцах, то есть, Марфу Михайловну и детей ее всех. Она есть самая ближайшая наша приятельница, которая

искренно к нам привязана. Пожалуйте, постарайтесь за нас ей отблагодарить, вашим о них попечением

Меня очень беспокоит, что от вас так давно писем не имеем; тем более, что причины тому не знаем, дай Бог только, чтобы вы были здоровы и нас любили. Принуждена кончить сие письмо, ибо они спешат от нас ехать, чтобы отправляться в дорогу, а я остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

Пашиньку и всех в мыслях целую.

14

10 января – 14 февраля 1814 г.

Пришла, наконец, и мне пора отправлять сына к вам, милая сестра Даша и любезный Гаврыл Романович, которого сам отец везет, несмотря на свое слабое здоровье. Зная участие, которое вы во мне принимаете, не хочу говорить о моем беспокойстве, которое чрезмерно, но прошу Бога их благословить в пути сем. В пути и жизни сей трудной и по всем нынешним обстоятельствам весьма мало добра обещающим. Да не оставит Он сына моего Своею милостью. Прошу вас, любезные родные, принять его в свое покровительство, наставить его вашими наставлениями, как малосведущего и неопытного молодого человека, прошу всех вас, моих родных, любить его; его слабости, неосновательность его, как свойственную его лет человеку, исправлять. Ах, я чувствую всю тяжесть сего бремя, которую на вас налагаю, будучи и без того столь много вам обязанной. Я благодарю от всей души Бога, что Он дает способ Сенюшке моему с своим отцом ехать, и такого путеводителя, можно сказать настоящего ментора, редкий сын который имеет, но без вашей там помощи и попечения он обойтись не может. И за тем еще раз молю и прошу вас, моих родных, принять его как сына той несчастной матери, которая со страхом и трепетом его отпускает, и которой он, может быть, никогда уж не увидит. Мысль сия меня снестать будет. Так грустно,

так грустно, что не в силах более писать. Остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

Милых всех Пашиньку, Лизиньку, Верочку и братьев их всех в мыслях целую. Ах, когда бы мой Сенюшка умел бы сыскать и заслужить как вашу, так и всех родных к себе любовь, как бы я Бога благодарила за такое счастье.

Образчики посылаю, которые ты хотела от меня иметь, хотя оные и не достойны примечания. Но с шелку они совсем другой вид могут принять.

14 февраля.

Бог испытывает наше терпение. Я тебе сказала, что Васинька был нездоров. Это приуговляло ему великую болезнь, которая нас всех в великий страх приводила. Боюсь похвалиться, что ему, благодарение Богу, теперь лучше. Мне все кажется, что его слабое здоровье не допустит меня окончить сего письма. Несмотря на это, на опасность, в которую он вдается, вырывается, чтобы в дорогу пуститься, и на этих днях, когда Богу угодно будет, он выедет.

Между тем, милая сестра, ни от вас, ни про вас ни слова не имеем. Во все это время одно только письмо было от Пашиньки, которое нас много утешило и уверило, что вы, слава Богу, здоровы, в противном бы случае она бы нам верно отписала бы. Но что значило ваше молчание, мы понять не можем. Не лишайте нас последней сей отрады и не приводите нас в беспокойство, которое и так никогда не оставляет.

Я получила с вашей Гаврыловки от Ивана Ивановича Сулецкого¹ 20 декабря 1000 рублей. Теперь мы вам кругом должны, и немалой суммой мы вам обязаны, ибо слишком 3300 рублей с банковыми мы от вас получили. Когда мы их вам заплатим, не могу теперь сказать. Уверена, что вы, наши родные, снидите нам на некоторое время — в хозяйстве нашем мы ничего успеть не можем. Все лето так дождливое было, что все, как хлеба так и сена, потопило. Осень все совершило к разорению, ибо от сильных дождей прудовую плотину прорвало, не стало совсем воды. Следственно, и лишило нас винокурением. Исправивши оную плоти-

ну, ждали вновь воды, которая с силою своею не только плотину залила, но все мельницы, все сена совершенно потопила, и это все пропало, ибо по сие время нигде молоть нельзя. Следственно, и заготовить муки невозможно. Словом, такого несчастного году никто не запомнит. Теперь ни дров, ни хлеба, хотя бы и купить хотела, вывезти никоим образом за гололедицей нельзя. Совестно очень перед вами, но не в силах ни в чем себе помочь. Надежда одна на Бога, когда Он поможет, тогда с благодарностью возвратим вам ваши деньги.

Сию минуту получила письмо от Гаврыла Романовича, которое нас несказанно как обрадовало, но ты, милая сестрица, ни слова не пишешь, что меня совершенно в недоумение приводит. Ты меня много тем огорчаешь. Мне кажется, что ты чем-то на нас негодуешь. Но Васинька своим приездом к вам, надеюсь, что все поправит по участию, которое вы в нас берете. А между тем я много терплю, по моей к вам привязанности.

15

23 февраля—10 марта 1814 г.

Дней пять как Васинька с моим Сенюшкой от нас уехал, милая сестрица Даша. Нас оставил в превеличайшем беспокойстве, как подумаем о его слабом здоровье, которое наполнило сердца наши печалью. Судя по теперешнему холоду, они не далее Харькова должны доехать, а как вообразу себе дальний путь сей, то страх мною овладевает. Да будет воля Божия, молю Его, да сохранит Он их от всякого несчастья, и да поможет им прибыть к вам благополучно. Вас, любезные родные, об одном и о том же просить стану, любите моего Сеничку, не оставьте его вашими советами, наставлениями и будьте ему покровителями в его неопытной малосведующей жизни, которая просит вспоможения и попечения. Мне известно, сколь многого труда это требует и сколь тяжело исполнить долг сей; но я одну надежду имею, которая еще на вас, что одно все извиняет.

Они теперь, может быть, с вами, следственно, видят вас, слышат вас, говорят с вами и близ вас преисполнены радости.

Тогда, когда мы грустим, тоскуем, сомневаемся, боимся и мучимся нашим воображением. Но такова участь человека, которую переменить нельзя, когда она уж раз назначена.

Ты перестала ко мне писать, любезная сестра. Более двух месяцев как от тебя ни строчки не вижу. Ты недовольна, ты досадуеться, может статься, но когда Васиньку и Сенюшку перед собою увидишь, надеюсь перемены, надеюсь, что винить меня не станешь, узнавши все на то причины, в чем ты, может статься, сомневаешься.

Любезный Гаврыл Романович к Васиньке писал и обо мне вспомнил. Пашинька к моей Катиньке писала и обо мне не забыла. Ты, милая сестра, ни в том, ни в другом письме ко мне не написала. Что думать? Но я не хочу себя неприятными мыслями занимать, не хочу верить, чтобы ты перестала меня и нас всех любить. Хочу оставить себя в прежних моих мыслях и тем себя успокаивать. Между тем остаюсь искренно любящая вас сестра

Александра Капнистова.

Вас всех, милых племянниц, целую, так как мы уверены, что вы нас любите, и любите как истинные родные, то рекомендовать вам не стану моего беглеца, который как во сне вам представится и немало удивит вас своим явлением. Ах, Пашет! Когда бы он умел заслужить вашу к нему истинную дружбу, тогда бы он мою старость облегчил, облегчил бы тягость, которая ей преследует, умерла бы я тогда спокойна! Не допускайте его, его молодость вдаваться в житейские обманчивые веселости, удерживайте его стремление вашей к нему любовью. Иного друга ему бы не желала, как вас, моих родных. Твои братья ему в том, верно, не откажут, ежели он будет уметь сам их дружбу сыскать и заслужит вашу к нему обязанность.

Прекрасные ваши подарки я видела к моей Катиньке. Все, что в альбоме она сыскала¹, сохранно в сердце ее будет, я в том уверена. Не похвала, которую она еще не заслужила, но чувство ваше к ней, милой сестре, любезного Гаврыла Романовича стишки как для нее, так и для меня, очень лестны; дай Бог, чтобы она в том успела. Благодарю вас всех за воспоминание. Лизу благодарю за

ее уверение к ней в любви; твою, Пашет, к ней доказанную привязанность. Это меня несказанно тешит, желательно очень, подобное расположение и от Верочки к ней, но они не видали ее еще, не знают. Следовательно, требовать мне до случая сего не можно, а желать позволительно. Уведомите нас поскорее, с вами ли наши путешественники, здоров ли мой Васинька? Благополучно ли они к вам прибыли. Поспешите нас успокоить.

10-го марта

Вот уж месяц почти, как письмо это мы не отправляли, не будучи уверенными, что Васинька мой и Сенюшка уже с вами, милая сестрица Даша. Я надеюсь на Бога, что они уж там, вместе наше письмо это читают. Как много буду Бога благодарить, ежели они здоровы и благополучно прибыли, хотела бы все видеть и вас всех обнимать и целовать. Как я себе представляю и воображаю всех вас.

От тебя, сестрица, писем все нет как нет! Это меня очень огорчает. Любезного Гаврыла Романовича и тебя, милая сестра, еще раз обнимаю. Прощайте. Будьте все здоровы.

16

1 июля 1814 г.

Наконец пришлось и других моих недорослей отправлять в Петербург, и это очень скоро должно быть. Милая сестра Даша, любезный Гаврыл Романович, не оставьте и их своим попечением и наставлениями. За Сенюшку не знаю, как вас, моих родных, благодарить. Ваше старание и ходатайство о нем несказанно для меня чувствительно. Одно только что могу — это благодарить вас от всего моего сердца. Жаль, что ничем другим изъяснить вам не могу, кроме чувствами, которые навеки впечатленными в моей душе останутся. Еще раз не оставьте их, вся моя надежда на вас, истинных друзей, которые для нас столь много во всем помогли и еще, уверена, что помогать станете, по вашему доброму к нам расположению и чувствительности. Я воображаю, как ты, милая сестра, занимаешься в своей деревне. Ах, ежели бы я могла хотя на несколько часов с тобою и со всеми вами там быть. Неужели я навсегда с вами

рассталась и видеть вас больше не буду! Какая печальная мысль, как это мучительно для меня, ты себе представить это не можешь.

Иван Иванович Сулецкий ко мне пишет во вчерашнем его письме, что девочек с Гаврыловки ко мне посылать не может, ибо от тебя на это ему никакого приказа не было. Это жаль, что столь долгое время потеряли. Письмо это я отправляю к моему Васиньке, по его просьбе. Видно, что по его слабому здоровью он оставаться там не может. Он предлагает вам эту дачу¹ продать. Как ты увидишь сама в письме этом, говорит, что хорошие деньги за нее взять можно. А для вас она неспособна и много требует денег для ее поправки, без которых сделать ничего не можно. Мне самой кажется, что она для вас совсем невыгодна по такой отдаленности и за глазами. Эти дачи совсем не прибыльны. Более потерять на их можно, нежели получить. А так как находятся покупщики, то и не упустить бы этот случай, означивши цену.

Прощайте, мои милые родные, дай Бог вам совершенного здоровья. Пашиньку в мыслях целую. Остаюсь истинно любящая вас сестра

Александра Капнистова.

17

24 июля 1814 г. Трубайцы

Любезные мои родные! Я к вам писала, что мы готовимся отправлять детей к вам в Петербург теперь, но только что они уж выехали. Они должны с помощью Божией на половине дороги уж быть, и может статься скоро в ваших объятиях будут. Ах, милая сестра. душа моя, которая тут же присутствовать будет, будет наслаждаться искреннею родственною вашею любовью и вручать вам станет тех, которых, может статься, с собою вовеки иметь более не будет! Но Бог милостив, Он меня навеки сетовать не оставит, надеюсь на Его, что Он милость надо мною будет иметь и облегчит мою горесть. Препоручаю вам равным образом сына Петра Васильевича¹, который довольно вам известен; который с тех пор, как стала его знать, сколько себя помню, служил нам отцом, не только детям нашим, которых он столь нежно любит и совершен-

но равняет любовь свою с своим сыном. Всю жизнь свою он для нас всех жертвовал, беспокоился, хлопотал и, можно сказать, мучился для нас. Я всегда это очень чувствовала, но теперь ценить того не в силах и не в силах возблагодарить. Одна ваша любовь и старание о его сыне может его сколько ни на есть вознаградить за все его попечения как о нас, так и о детях моих, которые ему столь много должны быть признательными! Препоручаю еще раз вам, моим родным, и не перестану просить о вашем покровительстве, о вашей любви к ним. Они требуют многого поправления и более стократ еще Сенюшки моего, который немало труда стоил вам, любезным моим родным, его исправить. До конца жизни вам останусь я благодарною. Но с чувством матери ничто сравниться не может, когда оно не в силах объяснить то, что сердце в себе пишет! Правда, что они от одного отца к другому едут, но без вашего покровительства и старания не могут они обойтись. За все оказанные вами Сенюшке моему одолжения и старание несказанно вас благодарю, желаю и прошу Бога, чтобы они заслужить могли вашу к ним любовь и доверенность. Вот мои искренние в чем желания. Остаюсь истинно любящая вас, сестра

Александра Капнистова

Пашиньку, Лизиньку и Вериньку в мыслях целую, равно как и братьев их. Дай Бог вам всем наилучшего здоровья и совершенного благополучия.

18

28 сентября 1814 г.

Твое письмо, милая сестра Даша, я с великой радостью получила, ты, любя меня, принимаешь участие в моих, ты меня уведомляешь, что они все здоровы. Слава Богу! А тебя, мой друг и любезная сестрица, как я должна тебя возблагодарить! Научи меня, право, слов на это не нахожу, Бог вам воздаст за неоставление их! А больше ничего сказать не умею. Ты, зная мои чувства к тебе, внуши их любезному Гаврылу Романовичу, скажи ему все, что

я бы сказать могла, за все благодеяния к детям моим! Не знаю более, что сказать и как изъяснить все мои чувства к вам! Вы делом доказываете родственную любовь вашу ко мне, а я только словами слабыми изъясняю, сколь мне только возможно! Но вы понимаете силу оных!

Ты не поверишь, как я боюсь о моем Васиньке, хлопоты о своих детях, как ты говоришь, чрезвычайны! А кроме того, другими делами голова его должна быть наполнена, и как он это все выдержит, одному Богу известно! Да поможет Он ему!

Ты пишешь, что вы живете как цыгане, беспрестанно то в городе, то в деревне, хозяйство ваше то требует и дороговизна. Я это все знаю и наслышалась довольно. Я думаю, что не только вы, но и те, которые богаче вас, не в состоянии там жить. Я это знаю, и до глубины сердца моего прорезано! Воспоминаю ваши одолжения к нам ко всем, и в какое время! Но ты нас любишь, и оно все превозмогает, а я что должна на это сказать...

Целую вас мысленно от всего моего сердца. Дай Бог, чтобы вы были здоровы. Остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

Милую Пашу также целую, она ко мне перестала писать, что для меня очень прискорбно.

19

8 ноября 1814 г.

Я получила, милая сестрица, твое письмо от 24 Октября. Жалею несказанно на себя, и даже досаую, что я моею к вам просьбою нанесла, может статься, неудовольствие, и когда? Тогда как ты, милая, и любезный Гаврыл Романович изливали столь много на детей моих благодеяния. Тогда, когда должны мы все чувствовать вашу к нам любовь за одолжения и за помощь, которые всегда в моей памяти останутся. Жаль мне, милая Даша, что я тебя заставила представлять мне причины, почему вы не можете исполнить моего прошения. Я бы сама должна бы все это знать и не прибавлять, и не налагать на вас, моих добрых родных, тя-

жесть. Но ежели бы все причины можно бы было написать на бумаге, вы бы меня, любезные родные, извинили и, верно, пожалели б! Не думайте теперь обо мне, а продолжайте детей моих не оставлять и не переставайте их любить за меня, ибо я того заслужила нарушением вашего драгоценного для меня покоя. Не думайте обо мне, как бы мне помочь, а одну цель прошу иметь — это к детям! Прошу их не оставить и любить! Вот единственная моя просьба, хотя чувствую во всей мере, сколь много тяжести на вас, моих родных, я возлагаю, и вечно возлагаю! Не в силах более продолжать. Прости, милая Даша, кланяюсь Гаврылу Романовичу, скажи ему, что его одолжение к нам никогда не забуду. Обнимая вас и прижимая к моему сердцу, остаюсь любящая вас сестра
Александра Капнистова.

Милую Пашу в мыслях целую, Лизу и Верочку, когда они с вами. Также и всех милых моему сердцу всех родных. Ах, как бы я желала с вами со всеми хотя на короткое время повидаться. Но это невозможное дело!

20

17 ноября 1814 г.

Я очень рада и благодарю Бога, что ты, милая сестрица Даша и любезный Гаврыл Романович, наконец, возвратились в столицу и обрадуете всех моих вашим приездом. Благодарю Бога, что вы здоровы! То, что в последнем моем к вам письме я писала, то и теперь тоже повторяю: не зирая на мои вам беспокойствия, прошу о детях, их так любить, как и любили, их не оставить. Милая сестра, совестно перед вами мне несказанно! Ты меня, верно, винить не станешь, но что Гаврыл Романович обо мне думать будет, эта мысль для меня мучительна! Я тогда вас потревожила, когда вы ваши попечения о них имели, когда вы все труды на себя и тяжесть взяли о их надзирании, о их нуждах. Это непростительно, и я во всей мере себя в том виню и оправдаться ни в чем не могу. Не хочу ничего более о себе вам говорить, а прошу обратить ваше внимание к детям моим, которые всю доверенность или горяч-

ность через кого — через мать свою потерять могут! Как это для меня прискорбно, этого я вам изъяснить не могу!

Не в силах более писать, перестаю и прошу Бога вам наилучшего здоровья. Остаюсь любящая вас сестра

Александра Капнистова.

Всем кланяюсь; Пашу, Лизу, Верочку, когда она там, в мыслях целую.

21

2 июня 1816 г. Трубайцы

Я твое письмо к Васиньке отправила, где ты писала, милая сестра Даша, о несчастном нашем сыне Владимире¹. Будь уверена, что когда Бог его избавит от столь тягостных дел, которые на душе его лежат и от которых все счастье зависит множества сирот, за которых он в противном случае должен будет Богу отчет отдать, он будет стараться о нем, будет стараться вас, наших истинных родных и благодетелей детей наших и наших собственных, облегчить ваше страдание и беспокойства над сим несчастным, который столь многочувствительную душу вашу терзает! Я слов сыскиваю изъяснить вам мою благодарность! Но что сердце мое чувствует к вам, того и совсем выразить не умею! Бог, да воздаст Он вам все то за нас, что вы только пожелаете и всякого благополучия!

По твоему старанию, по твоей к нам любви, милая Даша, Ванинька² у нас был и прожил с нами почти месяц. И в какое время! Тогда, когда мы одни, с моею Сонинькою³ глаз на глаз оставались. Мне кажется, что ваши благие сии намерения для нас, его отправление, случились в самое то время, когда мы были в великой грусти и прощались с Васинькой и моей Катинькой как будто навсегда, зная почти наверно, что на долгое время мы с ними разлучаемся. Ты, милая сестра, отгадала, отгадала время, дабы меня обрадовать и наградить мое терпение и избавить меня и Сонюшку мою от несносной скуки, которая столь много нас тяготила, в самое то время ты к нам Ваниньку прислала, который обра-

довал, облегчил и спокойными нас соделал. Я Бога за то благодарю! Благодарю и тебя, милая сестра, твоя чувствительная душа как будто чувствовала наше несносное положение и ответила на самое то время нас обрадовать и видеть перед собою Ваниньку. Как ни чувствовать вашу к нам любовь?

Десять дней как мы его отправили в Киев, и я покойна остаюсь, что мы его здоровым отсюда отправили, дай Бог, чтобы и там он был здоров! Васинька и Катинька его не видали, и будут ли его видеть, Бог весть! Я не уверена, чтобы он был отпущен к ним без отменного благоволения начальника его к нему, тем боле, что он мало, или почти совсем незнаком Васиньке. Но надеяться, однако, можно. Я говорю и повторяю, что это нарочито для меня и Сонюшки моей случилось! Жалею очень, что он с отцом видеться не мог. Но и не могу довольно возблагодарить Бога, что Он мне дал случай его видеть и прижать его к моему сердцу!

Любезному Гаврылу Романовичу кланяюсь и обнимаю вас от всего моего сердца, дай Бог вам наилучшего здоровья, остаюсь покорная сестра ваша

Александра Капнистова.

Пашиньку и Сашиньку⁴, когда они с вами, в мыслях целую.

Прошу тебя, милая сестра, помочь гос[подину] Спаскому, который если не есть, то скоро прибудет в Петербург, ты нас много и тем обяжешь, если этому доброму человеку, в чем ему надобно будет, поможешь. Я с ним к тебе отправила немного варенья, а детям немного белья, столько, сколько он мог с собою взять.

22

22 августа 1816 г.

Не в силах, милая сестра Даша, ни утешать, ни уговаривать тебя о потере, столь для меня самой неутешной! Эта потеря не только для нас, но для всех чувствительна и для всех будет незабвенною! Я придти по сей день в себя не могу! Делю и сливаю чувства свои с твоими, милая сестра! Оплакиваю вместе с тобою невозвратную нашу потерю! Сердце мое с твоим сжимается и рану

тягчайшую во мне производит! Я чувствую сама нужду в утешении, но никто не в состоянии оную во мне произвести! И я остаюсь одна с мрачными моими мыслями. Как ни размышляю и ни представляю себе, что готовить мы себя на все здешние превраты, на все здешние печали должны, не могла себе представить поразительного и неожиданного такого удара, которой как бы пробудил всех нас, дабы восчувствовать во всей мере невозвратную эту потерю!!! Неизъяснима сия для нас печаль — для него есть блаженством! Вообразить должно его теперь без страданий освобождением от всех превратностей, с чистою совестью, с чистейшею и добрейшею душою у ног Христа, который милостиво и с умилением на него, как на достойнейшего и любимого человека взирает! Какое восхищение для него! Какой восторг, это непостижимое для человека! Это сравнить ни с чем невозможно!!! Нас это радовать должно и благодарить Бога, что печаль без отрады Он нам не посылает, дабы нас более и более укрепить и утвердить в Нем!

Обнимаю и целую тебя мысленно, остаюсь любящая сестра твоя —

Александра Капнистова.

Притиска В. В. Катниста: Что мне сказать тебе, добрая сестра Дашенька! Сердце растерзано, слов недостает. Что ни скажу, не объяснит ни горести нашей, и не облегчит твоей. Бог один может милосердием своим облегчить ее. Бог да подкрепит тебе сей жесточайший удар! Мне напоминает он, что скоро увижусь и я с сорокалетним лучшим и любезнейшим другом моим.

Прощай, любезная сестра! Бог милостивый да прольет отраду в сердце твое! Прощай, обнимаю тебя, и горести мои и слезы смешиваю с твоими.

23

Сентябрь 1816 г.

Ответа на письмо, на просьбу мою к тебе, любезная сестра Даша, я по сие время не имею. Хотя бы ты мне обещала, что ты к нам приедешь, я бы нетерпеливо сие время ожидала и не пере-

ставала бы надеждой себя питать видеть любезную мне сестру, обнять от всего моего сердца и устно с нею говорить. Эта радость была бы для меня несказанная! С милыми мне племянницами, с Пашинькой и с Сашей, я бы также виделась и целовалась бы, прижав их к груди моей. Но нет, мне такое благополучие не назначено, судьба моя не такова, чтобы я могла надеяться, а только предоставлено мне моими воображениями утешаться и радовать себя тем, что, может статься, Бог меня обрадует, внуша вам благовую сию для нас мысль, которое меня бы в восторг привело (sic!), видя себя в кругу мне столь любезных родных! Я еще повторяю, что и для тебя, милая сестра, эта дорога полезна могла бы быть, разные предметы тебя бы развлекали, и много бы здоровье твое поправила, и укрепила бы тебя. Я это к тебе уж писала, и теперь то же говорю, ибо ничто для человека так не здорово, как в движении быть и видеть столь много перемен, которые мысли рассеивать могут. А приближаясь к нам, меня бы предчувствие, столь для меня радостное, сердце мое восхищало от радости! И я бы только и мыслила, что скоро тебя и всех вас увижу, увижу тех, которые столь близки моему сердцу! Мы поедем с тобою вместе куда угодно тебе будет для развлечения тебя, в Киев, в Крым — куда только ты благорассудишь, по всем здешним местам будем разъезжать, пока весна не настанет, которая у нас всегда в марте в первых числах настаёт, а иногда и в апреле бывает уже прекрасное время. Вообрази, милая сестра, что и по сию пору у нас цветы растут, деревья все еще во всей своей зелени, и хотя частые дожди, но вдруг, как бы весною, просыхает и приятный воздух нам доставляет удовольствие прогуливаться, проезживаться, как бы весною это было. Признаться должно, что климат здешний бесподобен, здесь для здоровья должно жить, а не в петербургском болоте, которое столь много вредит человеку. Притом приятное здешнее уединение доставляет покой и жизнь тихую, которую если бы с вами вместе проводили, то уподобить ни с чем бы невозможно было! Притом здесь продается деревня одна, которая от нас в 15-ти верстах, с публичного торгова, в которой наверно 550 душ. Когда бы вы поспешили, то можно бы ее недорого купить для милой Паши, которая, как я слышу, того желала. Васинька мой об этом к тебе, любезная

сестра, писал и еще напомнит тебе об этом, и скажет наверно, что за нее дать можно. В наше соседство приехала дочь Федора Марковича¹ и живет 50 верст от нас, что для нас также очень приятно. В 50-ти верстах Захар Яковлевич Карнеев² от нас живет, которой также недавно приехал, и мы с ним еще не видались. Со всех мест нам приятность готовится. Дай Бог, чтобы это удовольствие, особливо чтобы с тобою сердце к сердцу, которое к вам столь много привязано и столь много любит. Остаюсь, любящая сестра твоя
Александра Капнистова.

Приписка В. В. Капниста: Что мне сказать тебе, милая сестра Дашенька! Грустно и помыслить о тебе. Бога ради, дружбы и родственной любви ради, послушай нас, приезжай к нам. Дорога, перемена мест может несколько рассеять горесть твою, а мы ее здесь разделим и, наверно, она облегчится. Целую твои руки. Прощай. Бог да подкрепит тебя.

24

23 декабря 1816 г.

Итак, милая сестра Даша, Сенюшка с больным и бедным моим Валанушкой¹, как слышу, выезжают с Петербурга. Может статься, что уже и выехали. Не могу, чтобы тебя, любезная сестра, от всего моего сердца не поблагодарить за Владимира, благодарю за все материнские твои о нем попеченья. Слов не имею оные изъяснить, но сердце мое преисполнено к тебе моею обязанностью, оно чувствует во всей мере, как к ним так и к нам твое благодеяние! Да пошлет мне Бог, в чем бы то ни было, возблагодарить так, как сердце мое желает! Да пошлет Он тебе наилучшего здоровья, спокойствия и благополучия.

Когда дети еще не выехали, то благослови их, милая сестра! Я уверена, что оное благословение весьма действовать над ними будет! Желала бы, чтобы мой Владимир, прощаясь с тобою, чувства мои к тебе имел и изъяснил тебе всю свою благодарность, запечатлел бы в душе своей то, чем он тебе одолжен. Прости ему, ежели он не одарен такою душою, которая предана тебе должна

быть: молодость, неопытность тому должно быть причиной. Сколько я его знаю, кажется мне, что он таков должен быть, какой желаю! Дай Бог! У меня такие черные мысли касательно его рождаются, что не в силах о нем ничего более сказать. Мне кажется, что он тебя, свою покровительницу, благодетельницу, более не увидит! Не будет уж он никогда более с тобою! Мысль огорчительная! Прощай, милая сестра, дай Бог, чтобы ты была здорова. Остаюсь истинно любящая тебя

Александра Капнистова.

Пашу, Сашу в мыслях много раз целую! Не буду говорит о Владимире, он душу мою раздирает. Но прошу всех вас не забывать его и любить.

Приписка В. В. Капниста: Хотя я и весьма желал, чтоб бедного Валанушку ко мне Сенюшка привез, но теперь, получа стороною известие, что они полагали выехать 8. сего месяца, так расстроен мыслями и страхом, как он перенесет толь трудную дорогу, что не соберусь с умом и не могу ничего тебе, мой добрый друг, Дашенька, написать, как только от всего сердца благодарить за все твои истинной матери попечения о детях моих, а наипаче о бедном Валанушке. Бог да воздаст тебе всем, чего ты желаешь. Слов не нахожу изъяснить тебе, что чувствую. Ты только доброю душою твоею понять это можешь. Целую руки твои, истинный, добрый друг наш. Ах, зачем ты не хочешь приехать к нам? Какая радость была бы Сашеньке и мне обнять тебя. Но видно Богу неугодно ничем нас обрадовать.

25

13 февраля 1817 г.

Не буду тебе, милая сестра Даша, описывать о нашей потере, которую ты сама живо себе представить можешь, но Ванинька, который дней через два-три от нас к тебе отъезжает, устно перескажет печальное для нас это происшествие. Но я благодарю моего Бога, что Он избавил его от мученья, которое неизречимо. Он всех нас теперь счастливее!

Ванинька отправляется, скоро вслед за ним и Сенюшка поедет, и мы останемся опять одни горе мыкать! Но они будут с тобою, и меня это облегчает и радует! Прошу Бога, чтобы они оба застали тебя здоровой и спокойнее, нежели как они тебя оставили. Дай Бог, чтобы любезные Паша и Саша также были здоровы, равно как и все приближающие (sic!) к тебе. Тебя, милая сестра, не могу, чтобы еще не поблагодарить за все твои материнские попеченья о моем Владимире. На устах его было видно повторение о сем, которое он произнести не в силах был, но перед тем очень много всеми вами, особливо тобою, милая сестра, и любезной Пашею хвалился. Я за него тебя благодарю, а за себя и слов столько нет. Но чувствительное твое сердце меня верно понимает! Прощай, мой друг, обнимаю тебя от всей души моей, пожелавши наилучшего тебе здоровья, и остаюсь истинно любящая тебя сестра твоя

Александра Капнистова.

Милую Пашу и Сашу в мыслях несколько раз целую!

Посылается с Ванею тебе, милая, вишневка, водка и варенье — всего столько, сколько он мог с собою взять.

26

18 февраля 1817 г.

Мы к тебе, милая сестра, писали с Ванинькою, который уже отправился четвертый день от нас. Но он не скоро к вам приедет, потому что дорога совсем испортилась. Он доехал только до Полтавы и чуть не утонул, провалившись, едуци через одну речку. Принужден был, для облегчения своих саней, выбросить почти всю поклажу и посылку мою к тебе назад возвратить. Он тебе расскажет нашу скорбь о потере бедного страдальца Валанушки, а я сил не имею говорить о том, что так живо в моей памяти и столь изобразительно. Но Богу так угодно было. Что делать!

Это письмо ты получишь через гос. Скосира, который сейчас к нам с Полтавы нарочито приехал, чтобы у нас взять письма, и сейчас же едет от страха, дороги чтобы последней не потерять. Следовательно, я должна спешить, дабы его не остановить. Только

скажу еще тебе, что и Сенюшка должен будет очень скоро отправиться. Дай Бог только, чтобы Он ему послал лучшую дорогу, а не такую, как Ваниньке, которая меня в страх приводит. Прощай, милая сестра, дай Бог, чтобы ты здорова была, равно как и Пашенька, и Саша, и все наши родные, которых в мыслях целую. Остаюсь любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Алешу¹ и Илиньку² также много раз целую. Что-то о их офицерстве совсем ничего не слышно, или уж их такое счастье, что они скоро произведены не будут. Я не успеваю ни словечка к нашим написать.

От Васиньки, милая сестра, тебе кланяюсь, писать не успевает, детей целует.

27

22 марта 1817 г.

Надеюсь, любезная сестра Даша, что получа сие письмо, Сенюшка наш с тобою уже будет. Он выехал 14 сего месяца, и в малое это время много с ним приключений случилось. Дай Бог, чтобы более подобных и никаких других не было. Он должен быть эту пору уж в Могилеве, и так как надеяться должно, что дорога туда далее должна быть лучше, то и думаю, что скоро и в столице он будет. Они нас надолго теперь оставили, надолго мы их не увидим. А наш Валанушка совсем и навсегда нас оставил!

Ты не поверишь, какое великое желание мое тебя, милая сестра, видеть! Если бы Бог тебе внушил и желание тебе послал побывать еще в Малороссии, с нами повидаться, с нами пожить, попользоваться здешним климатом, воздухом, который, можно сказать, что целительный для человека. Здесь совершенная весна теперь, нигде почти снежинки нет и везде сухо. От первых чисел февраля, как начало растаивать, такая весна начала наставать. Ты бы не раскаивалась, когда бы ты это исполнила, и здоровье, и покой тебе это доставило. Трудно только на это решиться, а выехавши, все бы тебя занимало, и чем ближе к Малороссии ты была,

тем более приятностей тебе представилось. Подумай, милая сестра, и последуй моим советам и моим истинным желаниям.

Мы собираемся ехать на праздник к Петру Васильевичу в Трубайцы, воскресным сим днем. Тебя поздравляю, и всех окружающих и любезных тебе. Желаю от всей души моей, чтобы вы провели оный в наилучшем здоровье, в веселии и в спокойствии. Остаюсь истинно любящая тебя Александра Капнистова.

Милых моих Папу, Сашу, Лизу в мыслях много раз целую.

28

30 июля 1817 г.

Не могу собраться с мыслями к тебе писать, любезная сестра Даша! Нечаянная и совсем неожиданная поездка Васиньки в Петербург нас изумила и несказанно опечалила. Он, который совсем сего не ожидал, а готовился заняться хозяйством, и, как говорится, сидеть спокойно в деревне и садить капусту, только что начал покоем наслаждаться, как вдруг его отправляют, беспокоят разрушением всех его планов для поправления нашей и очень нужной экономии. Я не в состоянии всего того сделать, что бы он мог, не имея ни малейшего капитала, а он хотел занять и надеялся получить для своих оборотов. Но это, как я уж сказала, все рушилось, и совсем другой оборот взяло, не знаю, к лучшему ли или к худшему. Я думаю, больше к последнему! Но что Бог даст, то и будет! Меня страшит его слабое здоровье, дальний и несносный сей путь, а наипаче, беспокойства, которые он будет принужден претерпевать, как обыкновенно это всегда бывает со всеми, а для него еще больше. Еще повторю: да будет воля Божия и да примет Он его в Свое сохранение! Я надеюсь, что Сенюшка тебе сказал причину приезда Ваниньки к нам, который приездом своим нас много обрадовал. А опечалил несказанно письмами, где прописано все, что только может быть для нас неприятнее и разорительнее, и которое очень трудно будет согласить. Но у Бога все готово!

Вообрази, милая сестра, как Ванинька скоро к нам приехал, он не ехал, а летел, ибо в 7 дней редко кто может сюда приехать. Яв-

ление его нас столь удивило, что мы в себя долго придти не могли. И он, к радости Петра Вас. и нас всех, на самый день Ильи здесь очутился, которого, как мы в Трубайцы приехали, долго скрывали, дабы не вдруг нас обрадовать, а некоторых так он перепугал, что чуть в обмар [обморок] не упали. Можешь представить, как мы мало его надеялись. Я так спешу, да притом голова так тяжела и полна, что письма моего ты верно с трудом прочтешь, ибо не в силах тебе изъяснить все то, что бы хотела сказать! Обнимаю тебя мысленно. Остаюсь истинно любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Милых племянниц мысленно целую. Прощайте, дай Бог, чтобы все были здоровы!

29

26 сентября 1817 г.

Слава Богу, что ты, милая сестра Даша, возвратилась. Васинька мой пишет, что он тому очень рад. Несказанно жалею слышать, что сестра Катинька все не очень здорова и что она принуждена в море купаться для укрепления себя, что также и граф часто бывает болен. Это все очень грустно для меня знать.

Слышно, что Дм. Прок.¹ к весне к нам будет. Будет ли к нам Васинька хотя бы тогда, ибо я не надеюсь, чтобы он скоро оттуда возвратился! Ежели он скоро сюда приедет, я надеюсь иметь счастье и удовольствие тебя у нас видеть. Ты обещалась, твое слово свято. И уверена, что ничто тебя не заставит слово твое переменить. Какая для нас радость будет! Спешу, письма моего ожидают. Пославши тебе наилучшего здоровья, остаюсь искренно любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Милых племянниц в мыслях много раз обнимаю!

6 апреля 1818 г.

Сенюшка мой к нам писал, что дело твое¹, любезная сестрица Даша, почти кончено и зависит теперь от конфирмации Государя. Дай Бог хорошего и скорейшего оному конца. Тогда, милая сестра, тогда мы надежду возымеем, что ты твое обещание приехать к нам исполнишь. Доставить мне и всем нам радость видеть тебя еще в Обуховке, обнять тебя и прижать к своему сердцу! Если бы ты могла видеть прекрасную теперешнюю нашу погоду, которою мы почти два месяца пользуемся, ты бы в восхищении была. И была бы, я уверена, здоровее и совершенно спокойна. Я тебе одно и то же все твержу, дабы и тебе внушить те же желанья, которыми я наполнена и которое мое блаженство составит! Видеть и обнять ту, которой я всем обязана, есть единственные мои желанья.

Сенюшка к нам также писал, что граф и сестра Катинька скоро думали выезжать с Петербурга. Следственно, их уж там, наверно, нет. Жалею несказанно, что я их не видала и видеть никогда не буду! Эта мысль меня много огорчает.

Я тебя, милая сестрица, благодарила и теперь еще благодарю за присланную мне сперва пуховую шляпку и за капот прекрасный, который я теперь с Васиньком моим получила. Тем более я им довольна, что буду всегда воображать вас, видя его. Пожелавши тебе наилучшего здоровья, и твоего приезда к нам, остаюсь истинно любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Милую Пашу в мыслях много раз обнимаю и надеюсь лично ее и Сашу скоро лично и от всей моей души расцеловать! Дай Бог, чтобы не пустая моя эта надежда была.

16 июня 1818 г.

Правда ли, милая сестрица Даша, что ты намерена ехать в Одессу? Нет, не в Одессу, а, наверное, в Обуховку, а потом туда. Не могу тебе описать мою радость, как я это слышала! Приезжай, любезная сестра, хотя бы это было и туда, все не на Званку, все к нам ближе. Не верю, чтобы мимоездом к нам ты не заехала. Радость моя несказанная будет, если я тебя увижу! Если Бог мне позволит обнять тебя и прижать к своему сердцу! Все и все тебя здесь с восхищением и с нетерпением ожидают! Ожидают как благодетельницу свою и любезную мне сестру. Я все воображала, что ты в эту пору на Званке. Приезжай, милая сестрица, сего одного только желаю, это одно и успеваю к тебе написать, почта отходит, моего письма ждут. Прощай, дай Бог тебе наилучшего здоровья и совершенного успеха в твоих намерениях, а нам, просим Бога, тебя скоро видеть и обнять! Остаюсь любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Милую Пашу и Сашу обнимаю. Ах, когда бы это истина была, а не заочно и не мысленно!

Приписка В. В. Капниста: Не успеваю, любезная сестра Дашенька, как только поцеловать твои руки. Обрадуй нас, приезжай, мимоездом в Одессу, к нам; мы тебя проводим туда и покупаемся вместе в Черном море, чтоб хоть на старости немного побелеть. Прощай. Целую милых Пашеньку, Сашеньку и всех родных дамского пола, а прочим усердно кланяюсь.

20 июля 1818 г. Трубайцы

Как грустно, милая сестрица Даша, слышать, что ты озабочена столь много твоими делами и которым по сю пору конца не видно. Прошу Бога, да укрепит Он твое здоровье и силы перенести все

сии неприятности и да подаст оным благой конец, и совершенно по твоему желанию. Желая от всей души моей, чтобы в скором времени все эти дела окончены были. Мы тогда, и по твоему обещанию, надежду будем иметь тебя скоро видеть в Обуховке и насладиться твоим присутствием. Дай Бог, чтобы я и все мы дождались сего приятнейшего для нас времени!

Теперь скажу тебе, что мы все находимся вместе у Петра Вас.¹ для празднованья именин нашего Илиньки²; теперь все веселимся, а завтра, отправляючи их назад, слез будет нам стоить! Может статься надолго, или еще и навсегда с ними распрощаемся! Как тяжела для меня эта мысль о разлуке, ты себе того представить не можешь! Алеша мой едет, может быть, для того, чтобы оставить свою службу, по недостаткам нашим. Он потеряет все с оной, ибо нигде служить лучше не можно, как в Гвардии, как бы сия служба ни трудна и ни выгодна была. После сего можно судить о других службах, как оные еще более невыгодны для производства и для всего прочего. Что меня много беспокоит. Беспокоит меня и положение моего Ваниньки, который уж год как в отставке, теряет свои лета и время. Приятность и удовольствие наше велико быть с ним вместе! Навсегда сему быть не может, он нас сам после укорять будет и будет иметь на то право. Вот в каких обстоятельствах мы находимся, милая сестра. Они к тебе опять возвращаются, в объятия в твои, материнское к ним благорасположение! Люби их, любезная сестрица, и не оставь добрыми твоими наставлениями, которыми они имели счастье по сие время пользоваться! Я не могу довольно Бога и тебя благодарить за милость к ним! Ему предоставляю всю тебе награду, а я ничтожеством своим по несчастью ничего не могу, кроме во всей мере чувствовать и желать тебе всякого блага от Всевышнего нашего Творца! Остаюсь искренно любящая тебя сестра

Александра Капнистова.

Приписка В. В. Капниста: Целую твои руки, любезная сестра Дашенька! Возвращаю тебе Илиньку и Алешу. Продолжай любить их и быть им второю матерью. Рады были мы видеть их после так долгой разлуки; грустно, очень грустно опять расставаться

с ними после так короткого их у нас гощения. И Бог знает, на как долгое время расстанемся с ними, может быть, и навсегда. Мы уже стары с Сашенькой, да будет как Богу угодно! Странная участь наша: иметь детей и как будто во сне видеть их. Грустно, лучше и не говорить. Целую твои руки. Дай Бог, чтоб ты была здорова и скоро успокоилась от хлопот твоих. Приезжай тогда к нам, мой друг! Какую нам радость привезешь! Но эта надежда еще очень вдали. Прощай, Бог с тобою!

Целую милую Пашеньку и Сашеньку и всех родных.

33

30 апреля 1819 г.

Сейчас почтарь привозит к нам твое, милая сестра Даша, письмо, Алеша где и Сенюшка несколько строк приписывают, спешат всячески, чтобы сейчас писала и поспешала. С какою радостью я читала твое письмо, милая сестра. Теперь я уверена, что ты думаешь об Обуховке, о нас, и серьезно думаешь в Малороссию пуститься. Поверь, что я той минуты с нетерпением ожидаю, дабы тебя обнять от всей души моей, пожить с тобою, и с тобою везде, куда тебе угодно ехать, хотя бы на край света это было, лишь бы Бог то позволил. Дал бы Бог тебе, милая сестра, здоровья и исполнить во всей точности твои обещанья, и мне также силы во всем тебе последовать и ни на шаг от тебя не отставать. Так что, то должна сказать, а не ты как пишешь, что я-то буду бояться тебе наскучить. Ни на миг тебя не оставлять — это истинное мое желание, а, впрочем, как Бог даст! Помоги тебе Бог все твои дела поскорее поисправить и к нам поспешить приехать! Да благословит Он путь твой до самой Обуховки благополучно и с наилучшим здоровьем! Покорная сестра твоя

Александра Капнистова.

Не успеваю ни к кому писать из детей, а только скажу, что я благодарю Бога, что Алеша здоров и благополучно прибыл в Петербург, и желала бы его скоро опять видеть в Малороссии. Сенюшку я ожидаю также с великим удовольствием, и видеть его

с тобою вместе, милая сестра. Ничего для меня так приятно не будет, как это. Одного Ваниньки с нами не будет, что грустно. Но что делать, не все радости вместе бывают, и очень редко это случается. Илинька теперь уже давно должен быть у вас. Желательно очень, чтобы начальник его на него не досадовал.

Милых племянниц в мыслях целую, дай Боже, чтобы лично скоро можно бы мне было это сделать.

Приписка В. В. Капниста: Благодарю тебя, любезная сестра Дарья Алексеевна, что ты обрадовала нас письмом твоим и обещанием непременно быть у нас. Поспеши скорее, чтоб воспользоваться здесь еще летом, чтоб оно тебе полюбилось у нас и чтобы ты как можно подольше гостила у нас. Какая это нам радость! Прощай. Целую твои руки.

34

19 ноября 1819 г.

Сейчас, любезная сестра Даша, мы получили от Саши письмо с Москвы. Благодарю Бога, что вы благополучно до сего места доехали. Дай Бог, чтобы до Петербурга вам Он помог счастливо прибыть! Мне очень грустно было не получать так долго известия от вас, и в великом беспокойствии все это время я была. Можешь представить мою радость, получивши Сашино письмо! Теперь более ничего не успеваю писать, нарочный, который оное привез, ожидает и спешит. Скажу тебе только, что мы благополучно также домой прибыли и что все мы, слава Богу, здоровы. Сенюшка отправился в Харьков, и что меня беспокоит, — это дурная теперешняя дорога, особливо для него, который не очень здоров. Приехавши оттуда к нам, спешить будет в Петербург к тебе, милая сестра, к тебе! Не оставь его!

Сашу милую в мыслях много раз обнимаю и целую. Письмо ее много мне удовольствия доставило! Видя в оном воспоминание твое о Сенюшке, люби его и Алешу, который так долго без тебя сиротою оставался.

Приписка В. В. Капниста: Целую твои руки, любезная сестра Дашенька! Слава Богу, что ты счастливо прибыла в Москву. Дай Бог, чтоб также счастливо возвратилась в Петербург. Представь себе, что мы во всю крымскую экспедицию с тобою не имели такой трудной дороги, как въезжая ночью в Обуховку. Мужиков 20 несли наши повозки на руках, ибо падали в глубокие рытвины, и въехали с иллюминацією, ибо несли перед каждою повозкою фонари. Я думал, что путешествие наше в Крым и оттуда тебе представляется сновидением, как и нам. Сашенька и все, слава Богу, здоровы. Сенюшка в Харькове, с чем-то приедет. У нас еще вовсе снега нет, но морозы большие. Псел вчера покрылся льдом, а мы в саду гуляем. Скоро, однако ж, снега ожидать надобно, и Сенюшка тот час к тебе отправится. Много к тебе полученных писем есть, но кажется, все не весьма важные. Теперь отправить их не успеваю, да и пакет стоил бы эстафета. Прощай. Пиши к нам чаще. Будь здорова. Целую тебя еще в мыслях и милую Сашеньку.

35

11 марта 1820 г.

Сергей Иванович Муравьев¹ едет к вам в Петербург, и я с ним к тебе, милая сестра, пишу и посылаю с этой оказией семена цветные и огородные, какие только у меня были. А данные тебе Елисаветой Тимофеевной², не знаю, где подевались. Приехавши домой с Крыму, никак не могла сыскать оных, равно и пшенички красной крымской только четыре и сыскала, с которых и тебе несколько зернышек посылаю, и простой нашей также пшенички.

Бедная Елисавета Тимофеевна все в одном положении, и не знаем, какой конец с нею будет. Да поможет Бог восстановить ее здоровье!

У нас все это время настоящая зима и почти так, как бы в крещенские морозы. Снегу столь много, что, я думаю, потопит и нижний наш домик, как растаивать станет, что и похоже на это теперь. Начало очень таять, вода везде, как ручьи льются, и снег весь в воду превращается. Васиньки моего дома нет, он по сие время у графа Алексея Кирилловича Разумовского³. Боюсь и подумать,

как он к нам возвращаться будет в это время, когда реки откроются, и боюсь, чтобы его где на есть не остановило, и нас тем в большее беспокойство не привело, не зная, где он находится.

Сенюшка к нам писал и хвалился тобою, милая сестра, как ты его ласково встретила. Спасибо тебе, дай Бог тебе здоровья!

Моя Фармакопая, а твоя пермакопая, нам твердит, что надобно очень беречься этого времени для здоровья. Не знаю, как у вас, а у нас много людей хворают. Скот весь почти переболел и много пропадало, овцы во многих местах истребились от сильных и страшных холодов, которые у нас эту зиму были, и столь долго продолжались. Сена почти ни у кого недостает, и за очень дорогую цену оное покупают. Я сама буду принуждена купить хотя маленькую скирду, и то за 600 р.

Жалею, что репяхов⁴ я вовремя не собрала, а то бы не преминула бы к тебе оных послать и припомнить тебе о себе хотя бы ими, и тем тебя развеселить на мой счет. А мы все-таки будем кушать прекрасные соты от них, чего и тебе бы желала. Но кроме, как в твоей Гаврыловке, нигде там ты таких не будешь кушать и никогда таких иметь не можешь. Прощай, милая сестра, обнимаю тебя от всей души моей и остаюсь покорная сестра твоя

Александра Капнистова.

36

16 октября 1820 г.

Уведомляю тебя, милая сестра, как вторую мать и общую нашу благодетельницу, что моей Катиньке сыскивается жених Александр Иванович Полетика, человек предостойный и любезный, добрый и умный. Чин имеет коллежского советника, около трехсот душ. Он вдовец и имеет двух очень добрых замужних дочерей, которым он отдал все материнское имение. Кажется, что Бог тем благословляет Катиньку и что все соответствует к ее благополучию! Он имеет мать, которая в Петербурге, брата Михайла Ивановича, который был секретарем при императрице Марье Федоровне, и сестру фрейлину. Жительство его в Ромнах, где он имения

около себя имеет. Все, кажется, хорошо и по нашим мыслям. Да будет Богу угодно! Для меня тем это приятнее, что недалеко от нас, и видеться чаще можем.

Благослови их! Благослови Катиньку, как дочь свою, которая столь много тебе обязана за твою к ней любовь, за своих братьев, которых ты никогда не оставляла. Я с нетерпением буду ожидать твоего на это ответа. Остаюсь, покорная сестра твоя Александра Капнистова.

Приписка В. В. Капниста: Не запела ли ты, любезная сестра Дарья Алексеевна, после Покрова свадебной песенки? Вот как Бог располагает. Да будет Его милостивое благословение над нами и над нашей Катенькою. Пришли ей твое, как второй матери, благословение и нам согласие. Я ничего не прибавляю к сашенькиному о сем письму, она все подробно сказала. Истинно, мы имеем всю надежду, что Бог осчастливит нашу Катиньку в супружестве сем, на Него вся надежда. Прощай, мой друг! Целую твои руки. С нетерпением ожидаем ответа твоего. Дай Бог! Дай Бог! Хороша надежда, а все грустно, грустно расставаться с доброю дочерью. Будущее, будущее! — и самую лучшую надежду подающее — все-таки будущее! Бог — одна надежда. Я думаю: я во многом виноват, но Бог заставлял меня много крестов носить, неужли и на невинных положит вину мою? Где ж будет Его справедливость? Но та беда, что нет к кому бы апелляцию вносить. Прощай, мой друг! Еще раз целую твои руки. Всем родным кланяюсь.

37

28 января 1822 г.

Я имела удовольствие получить письмо твое, любезная сестра Дарья Алексеевна, и вместе кружевные нитки и булавки, за которые много тебя благодарю.

Что для меня прискорбно, это то, что ты ни слова ни полслова не пишешь о твоём обещании ехать в Киев. Не оставляй, сестрица, благую эту мысль! А между тем и со мною повидаться. Может

статься, что и я удостоюсь приложиться к мощам и буду иметь утешение с тобой вместе поехать, видеть, говорить с тобою и время несколько попроводить! Верь, что это удовольствие самое большое для меня в моем теперешнем быту!

Жалею несказанно о болезненном состоянии сестры Катерины Алексеевны. Что, ежели бы она согласилась посетить сей край, воспользоваться сим теплым и прекрасным климатом, который ей много бы пользы в ее слабом здоровье принес. Но я не надеюсь, чтобы она на это была бы согласна. Следовательно, и питать себя этою надеждой не хочу. Каков граф? О нем ты ни слова не говоришь. Дай Бог слышать, что и сестра, и он в лучшем здоровье находятся, чтобы они в совершенном здоровье находились!

Я вновь имею к тебе просьбу, милая сестра, это то, чтобы ты мне позволила опять послать в Гаврыловку за рыбою, и послать две подводы, потому что волы не очень надежны. Поспеши прислать твой приказ на это, в котором напомнить и приказать приготовить нам вяленой всякой рыбы, особливо стерлядей, и чтобы она готова была, когда за оною мы посылать будем. Много ты нас сим обяжешь, особливо моего Васиньку, который превеликий охотник до такой рыбы. Мы прошлый год оной не получили, потому что нам неизвестно было, что она заготавливается весною, а осенью она никогда не ловится и ее совсем тогда не имеется. А мы вместо этой соленой рыбы получили, спасибо тамошним твоим людям, что хотя твой приказ был еще позапрошедшего года, но они, несмотря на это, хоть соленой прислали. Прошу, ежели тебе это не противно и ты на то согласна, то поспешить присланием твоего ко мне приказа со всею точностью, дабы я успеть могла бы его туда заранее отправить, и заранее могли бы там приготовить, как водится, в мае, до половины июня, а не позже. А между тем приказать, что, ежели паче чаяния такой рыбы за неимением приготовить не было возможности, то тогда хотя бы соленой прислали б. Но за вяленую я тебя много прошу велеть изготовить, чем ты меня много обяжешь. Пожелавши тебе наилучшего здоровья, остаюсь покорная сестра твоя

Александра Капнистова.

Васиньки моего дома нет, он у Катиньки в Ромнах, ожидает ее разрешения от бремени, которое на этих днях должно ожидать. Я по болезни своей и боясь холоду и вновь простуды, осталась дома, но по ее разрешении и я, может статься, туда же отправлюсь, несмотря ни на что. Дай Бог, чтобы только Бог дал благополучно!

Всем родным кланяюсь.

38

25 апреля 1826 г.

Сенюшка мой едет к вам в Петербург, милая сестрица Дария Алексеевна. Нас оставляет в беспокойстве в рассуждении себя касательно его нездоровья. Оставит нас всех в скуке, наипаче милую Елену¹ свою, которая еще не привыкла быть с ним в разлуке, и на столь долго. Желательно, чтобы он не был надолго там задержан. И кажется, что и дел ему важных не будет, чтобы оставаться там понапрасну. Но в Петербург широки ворота въезжать, а узки выезжать. Это меня много беспокоит. И за тем прошу тебя, милая сестрица, не оставить его вспоможением своим, дабы он мог к нам в скорости возвратиться.

Он тебе живое от нас письмо, и устно наше житье расскажет. Как я ему завидую! Как много жалею, что лететь сама не могу, чтобы тебя, любезная сестра, обнять и прижать к своему сердцу!

Я к тебе несколько писала писем и ни на одно ответа не имею. Надобно думать, что письма пропадают, и тем себя облегчать, что не ты в том виновна. В противном случае, я уверена, что ты бы меня не оставила без ответа, зная, сколь приятны мне твои письма! Теперь остаюсь в приятной для меня надежде и уверена, что по возвращении Сенюшки к нам, что и письмо от тебя ко мне будет, и с превеликим удовольствием буду слушать, что он говорить о тебе нам будет. Дай Бог, чтобы это письмо тебя в совершенном здоровье нашло, чего я тебе от всей души моей желаю. Остаюсь, с истинной моей к тебе любовью и покорная ко услугам

Александра Капнистова.

Я к тебе также два раза писала про твоих девушек, находящихся у нас, и спрашивала, позволишь ты их отдать здесь замуж, которым и находятся хорошие люди. Тебе известен какой сей народ, и сберечь себя не хотят, и грех на нас падет. Впрочем, если угодно тебе, можешь и с мужьями к себе возвратить.

О несчастной Анне Кирилловне Пороховниковой, которой дело находится теперь в Сенате, она тебя просит взять участие, попросить, если возможно, об ней в третьем департаменте, втором отделе знакомого тебе о ее деле, чем много она благодарна будет.

39

3 ноября 1829 г.

Я очень давних два письма твоих, милая сестрица Дария Алексеевна, получила, и ты в обоих писала о расстройстве твоего здоровья, что для меня было более всего прискорбно. И ни чему другому я это не приписываю, как от тягостных случившихся дел твоих, которые не стоят того, чтобы здоровье терять, и потом невозможность его возвратить. Без него ничто не мило, все опостынет и грусть наводит, так что всего человека в расслабление приводит. Береги, милая сестра, свое здоровье, которое для всех нас столь дорого. Я во всей мере чувствую и принимаю великое участие в твоём положении. Но надежду полагаю на Бога! Он во всем да будет тебе помощник. Я прошу также Его о помощи моему Алеши в препорученных делах ему. Да подаст Он ему способ успокоить тебя, милая сестра!

Скажу тебе, что если бы ты у нас была, я бы тебе такое лекарство давала бы, от которого тебя оживляло, веселило и укрепляло. Я сама всякий день оно употребляю, и видимо силы во мне оно много прибавляет и поддерживает меня. Доктора все против оно, но я им не верю и продолжаю свое. И так как они не благоприятствуют сему спасительному лекарству, называемому «Элексырь долгой жизни», то они, я думаю, в аптеках своих его и не держат. Жалею, что не могу по дальности снабдить тебя. Оно каплями употребляется, перед обедом и ужином по 7-ми капель, в вине, белом или красном, но хорошем, или в чаю, или

в бульоне, в чем кому нужнее, или желание имеют, и некоторое время, шесть или восемь дней по чайной ложке, также поутру и ввечеру, в вине или в чем выше сказано. У меня, благодарение Богу, никогда голова не болит, ни лихорадки, ни горячки не имею. Ты видишь, какая малость и столь много помогает. Если там можно будет достать под сим сказанным именем и настоящих, а не шарлатанских, то я бы тебе советовала их употреблять. Я многим оными каплями помогла, особливо пожилых лет людям. Они очень полезны, лишь бы другое что и какая иная болезнь тому не препятствовало. Я советую с разумным доктором и без всяких предрассудков поговорить об оных каплях. Я сама их делаю, выписавши из аптеки все специи, какие для сего нужны, и их настаиваю в спирту. Здесь много разносчиков продают под сим имнем, но я у них никогда их не покупаю по не доверенности к ним моей и даже опасуюсь. Вот уже пять лет я их употребляю, то есть, после смерти мужа моего, в противном случае не знаю, что бы со мною было. Я так было ослабела, что перейти комнаты не могла, и этим укрепилась. Я бы совсем здорова была, если бы не судороги в ногах, которыми я давно стражду, но и оные у меня меньше и реже становятся, одни холода мне вредят.

Я наскучаю тебе об описании оного, но они того стоят, чтобы их хвалить. И хвалить всем, судя по себе.

Еще тебе скажу, что у нас странное время — зима пресильная, снегу премного и с сильными морозами, а деревья почти все в листу так, как бы летом. Не знаю я, что бы это значило, и чему приписать, не думаю, чтобы для их не вредно это было.

Прощай, милая сестрица, пожелавши тебе наилучшего здоровья остаюсь покорная сестра твоя

Александра Капнистова.

Маминька вам много пишет, бесценная, тетенька, но забыла, или лучше сказать, не хотела похвалиться вам детьми своими, то есть, братьями, которые недавно утешили ее до слез тем, что были удостоены все три быть избранными всем дворянством Полтавской губернии в маршала. Брат Иван — губернским маршалом,

Семен — маршалом Кременчугского повета, а Алексей заочно избран маршалом Миргородского повета. Вы можете сие представить, милая тетенька, утешение маминьки и радость нашу. И, конечно, радость папенькину, который верно свыше утешается. Я пишу вам это, бесценная тетенька, будучи уверена, что и вас это порадует как вторую мать нашу. Целую со всею искренностью ручки ваши и поручаюсь в любовь и расположение ваше. Пребуду навсегда преданная и покорная племянница ваша София Капнистова.

Целую мысленно ручки Ваши, любезная тетенька, а также и жена моя. Я уверен, что вы порадуетесь известию, что я избран губернским маршалом. По-видимому, судьба назначила мне идти по стезям моего отца. Дай Бог мне оправдать доброе обо мне мнение дворянства. Целую еще раз ручки ваши и пребуду навсегда ваш покорный племянник Иван Капнист.

Примечания

- ¹ Метрическую запись см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. № 48. Л. 332. Выражаю признательность С. Д. Дзюбанову за сообщение этих сведений, уточняющих дату рождения А. А. Дьяковой.
- ² О нем упоминает В. В. Капнист в письме из Петербурга 21 февраля 1788 г. // *Капнист В. В. Собр. соч.*: в 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2 С. 314–315.
- ³ *Дзюбанов С. Д.* «Верует в Резон, как во Единого бога». (Подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова // Г. Р. Державин и его время. Сб. научн. статей. Вып. 4. 2008. С. 37.
- ⁴ О жизни А. А. Капнист см. воспоминания ее дочери Софьи: *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / общ. ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова: в 2 т. М., 1931–1933. Т. 1. С. 297–428; Также: *Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век.* М., 1988. С. 457–485; *Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг.* М., 1989. С. 329–351.
- ⁵ Письмо В. В. Капниста Державиным с предложением примириться от 18 июля 1812 г. опублик.: *Сочинения Державина.* Т. VI. С. 236–238.
- ⁶ Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. № 161. 2 л.

- ⁷ См.: Павлова Е. С. Материалы фонда «Г. Р. Державин» (ф. 247) в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Опись 2) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 5. СПб., 2013. С. 102–179.

1

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 2. Ед. хр. 88. В. В. Капнист, А. А. Капнист. Письма Г. Р. и Д. А. Державиным (9).

- ¹ Державина.
- ² Имеется в виду «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (1812) Г. Р. Державина.

2

Автограф: Там же. Ед. хр. 159. А. А. Капнист. Письма Д. А. Державиной (18).

- ¹ Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846) — поэт, сын соседей Капнистов. О нем см.: Вацуро В. Э., Розин Н. П., Супронюк О. К. Родзянко Аркадий Гаврилович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: в 7 т. М.: 1992–... Т. 5: П–С. С. 309–312.
- ² Марфа Михайловна Родзянко (урожденная Шрамченко, 1772–?) — соседка Капнистов.
- ³ Слоним — уездный город Гродненской губернии.
- ⁴ Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1749–1829) — государственный деятель, Полтавский губернский маршал, владелец имения Кибинцы.
- ⁵ В это время В. В. Капнист был кандидатом (заместителем) предводителя дворянства Полтавской губернии, с 1817 по 1823 (до конца жизни) — предводителем.
- ⁶ Державин владел имением Гавриловка в Екатеринославской губернии.
- ⁷ Старшая дочь Капнистов Екатерина Васильевна (в замужестве Полетика, 1784–1837).

3

Автограф: Там же.

- ¹ Прасковья Николаевна Львова (1793–1839) — племянница А. А. Капнист и Д. А. Державиной, дочь их сестры М. А. Львовой (1755–1807).

- ² Кибинцы — имение Д. П. Трошинского в Полтавской губернии.

4

Автограф: Там же. Ед. хр. 88. Приписка А. А. Капнист к письму В. В. Капниста (опубл.: Соч. Державина. Т. 6. С. 269–271; *Капнист В. В.* Собр. соч.: в 2 т. / Ред., вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 481–482). Фрагмент приписки А. А. Капнист опубл.: Соч. Державина. Т. 6. С. 271, примеч. 6.

- ¹ Лубны — уездный город в Полтавской губернии.
² Имение Капнистов в Полтавской губернии.

5

Автограф: Там же. Ед. хр. 159.

- ¹ Дмитровск — уездный город в Орловском наместничестве (ныне административный центр Дмитровского района Орловской области).
² Ахтырка — город в Киевской губернии (ныне в Сумской области). В расположенном там Покровском соборе находилась Ахтырская чудотворная икона Богоматери.
³ Семен Васильевич Капнист (1791–1843) — старший сын Капнистов.
⁴ Иван Васильевич Капнист (1794–1860) — сын Капнистов.
⁵ Екатерина Алексеевна Стенбок (Стейнбок, урожденная Дьякова, 1759–1823) — старшая сестра А. А. Капнист.

6

Автограф: Там же.

- ¹ Вера Николаевна Львова (1792–1874) — дочь Марии Алексеевны Львовой, сестры А. А. Капнист.
² Елизавета Николаевна Львова (1788–1864) — дочь Марии Алексеевны Львовой, сестры А. А. Капнист.

7

Автограф: Там же. Ед. хр. 88. Не публикуется 2-я часть письма, написанная В. В. Капнистом (опубл.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 483).

- ¹ Любовь Петровна Бакунина (урожденная княжна Мышецкая, 1739–1814) — сестра матери А. А. Капнист.
- ² Вероятно, речь идет о давней ссоре, из-за которой был большой перерыв в переписке.
- ³ Николай Васильевич Капнист (?–1822) — старший брат В. В. Капниста.

8

Автограф: Там же. Ед. хр. 159.

9

Автограф: Там же.

- ¹ Граф Штенбок (Стенбок, Стейнбок) Яков Федорович (1744–1824) — муж сестры А. А. Капнист Екатерины Алексеевны (урожденной Дьяковой).

10

Автограф: Там же. Л. 3–4 об.

- ¹ См.: *Шаталина Н. Н.* С. В. Капнист — автор анонимных малотиражных печатных и рукописных изданий // Книга в России. Сб. 1. СПб., 2006. С. 168–175.

11

Автограф: Там же.

- ¹ Князь Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760–1831), с 1808 г. по 1816 г. занимал должность малороссийского генерал-губернатора.
- ² Трошинский Д. П. был в это время был предводителем дворянства Полтавской губернии.

12

Автограф: Там же.

13

Автограф: Там же.

- ¹ Марфы Михайловны Родзянко. См. примеч. к письму 1.

14

Автограф: Там же.

- ¹ Управляющий имением Державина Гавриловка.

15

Автограф: Там же.

- ¹ См.: *Градова Б. А. Г. Р. Державин и русская альбомная традиция // Г. Р. Державин и его время: сб. научн. статей. Вып. 2. СПб., 2005. С. 97–98.*

16

Автограф: Там же.

- ¹ Т. е. имение Гавриловку.

17

Автограф: Там же.

- ¹ Петр Васильевич Капнист (1750/1755–1826) — брат В. В. Капниста, владелец имения Трубайцы в Хорольском уезде Полтавской губернии.

18

Автограф: Там же.

19

Автограф: Там же.

20

Автограф: Там же.

21

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 96. Г. Р. Державин. Оп. 11. Ед. хр. 206. Л. 1–2 об. Приписка впервые опублик.: *Капнист В. В. Собр. соч. Т. 2. С. 494–495.*

- ¹ Владимир Капнист (сентябрь 1794 — январь 1817) в это время был тяжело болен.
- ² Сын Капнистов Иван Васильевич (1795–1860).
- ³ Дочь Капнистов Софья Васильевна (в замужестве Скалон, 1796–1888).
- ⁴ Александра Николаевна Дьякова (1795 — после 1829) — дочь брата А. А. Капнист Николая Алексеевича Дьякова (1757–1831).

22

Автограф: Там же. Л. 3–3 об.

23

Автограф: Там же. Л. 5–6 об. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 495.

- ¹ Полторацкого. Речь идет о его дочери Елизавете Федоровне Бухариной (1789–1828)
- ² Карнеев Захар Яковлевич (1748–1828) — известный масон, с 1817 г. попечитель Харьковского учебного округа, сенатор и член Гос. Совета.

24

Автограф: Там же. Л. 7–7 об. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 497.

- ¹ Сын Капнистов Владимир. См. примеч. к письму № 21.

25

Автограф: Там же. Л. 9.

26

Автограф: Там же. Л. 11–11 об.

- ¹ Алексей Васильевич Капнист (1798–1869) — младший сын Капнистов.
- ² Илья Петрович Капнист (1795–1867) — племянник В. В. Капниста.

27

Автограф: Там же. Л. 13–13 об.

28

Автограф: Там же. Л. 15–15 об.

29

Автограф: Там же. Л. 17, 18 об.

- ¹ Трошинский. См. примеч. к письму 2.

30

Автограф: Там же. Л. 19–20 об. Цит.: *Мартынов Г. Г.* Переписка двух помещиков: (Д. А. Державина и А. А. Аракчеев) // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 164–165.

- ¹ Вероятно, речь идет о финансовых проблемах, связанных с винными откупам. См.: *Дзюбанов С. Д.* «Зачали уже описывать дома и деревни...» (о финансовых проблемах Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. научн. статей. Вып. 11. СПб., 2016. С. 33–71.

31

Автограф: Там же. Л. 20–20 об. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 508.

32

Автограф: Там же. Л. 23–24 об. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 510.

- ¹ Капниста.

- ² Сын П. В. Капниста.

33

Автограф: Там же. Л. 25–26. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 522.

34

Автограф: Там же. Л. 27–28 об. Приписка впервые опубли.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 526.

35

Автограф: Там же. Л. 29–30.

- ¹ С. М. Муравьев-Апостол (1796–1826) — сосед Капнистов, будущий декабрист.
- ² Е. Т. Гаусман — супруга П. В. Капниста.
- ³ А. К. Разумовский (1748–1822) жил в это время в местечке Почеп Мглинского уезда Черниговской губернии, которым владел.

⁴ Цветов репейника.

36

Автограф: Там же. Л. 31–32. Приписка впервые опубл.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 530.

37

Автограф: Там же. Л. 33–34.

38

Автограф: Там же. Л. 37–38.

¹ Елена Ивановна Муравьева-Апостол (?–1855) — супруга Семена Капниста.

39

Автограф: Там же. Л. 39–40.

Ю. В. Дульцева

Оды Горация
в переводе А. Котельницкого

(публикация Кн. I)

В фонде Г. Р. Державина в Российской национальной библиотеке хранится рукопись, озаглавленная «К. Горация Флакка, знаменитейшего римского лирика, оды. Перевод с латинского»¹. Это тетрадь объемом 48 листов в 4^о, на бумаге голландского производства конца XVIII — начала XIX века (филигрань: почтовый рожок под короной с вензелем WR и обозначением изготовителя в правой части: J. Honig & Zoonen). Исследователю творчества Горация Г. В. Морозовой удалось установить, что переводы сделаны Александром Котельницким (род. в 1770-х гг.), рукопись является беловым автографом (ранее приписывалась В. В. Калнисту)². Она содержит полный стихотворный перевод кн. 1–2 «Горациевых од», выполненный рифмованным ямбом.

Прозаический их перевод³ (вероятно, предшествовал стихотворному) Котельницкий преподнес Державину 8 января 1801 года. В процессе работы переводчиком были также составлены таблицы «Мера стихов горацианских с назначением, как в древности каждый род стихов назывался», которую Державин собирался включить в «Рассуждение о лирической поэзии», и «Меры горацианских стихов»⁴ (по кн. 1 и 2 од Горация).

Детальный обзор творчества Котельницкого сделан в статье В. П. Степанова в «Словаре русских писателей XVIII века»⁵.

Будущий переводчик Горация обучался в Московском университете, куда был зачислен в 1796 году. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» публиковал переводы с итальянского, французского и немецкого. Здесь же в 1796 году напечатал стихотворные переводы шести од Горация: II, III, IV,

XII, XXXV (кн. I); XVI (кн. II). Ода «Сексту Публию» (IV, кн. I) была опубликована в новой редакции под заглавием «Весна» в 1806 году в журнале «Любитель словесности»⁶.

В 1797 году Котельницкий переезжает в Петербург, где сближается с Державиным, под началом которого, по-видимому, служит в Министерстве юстиции (учреждено в 1802 г.). Об этом свидетельствуют несколько его стихотворений, посвященных поэту⁷. Котельницкому оказывал покровительство любитель искусств, меценат граф Н. П. Шереметев, которому он также адресовал ряд сочинений. Переводчик Горация писал и официальные подносные оды: «Похвальная песнь императору Павлу I» (СПб., 1801), «Стихи императору Александру I» (СПб., 1801) и «Песнь Петру Великому. На торжество 100-летия С.-Петербурга, 1803 года мая 16 дня» (1803).

В 1801 году в Петербурге вышла книга «Оды Горациевы и Письмо его о стихотворстве», в которой помимо переводов Н. Поповского были, как установила Г. В. Морозова⁸, напечатаны некоторые переводы Котельницкого.

Полностью его стихотворные переводы Горация не публиковались. Между тем, они представляют интерес уже потому, что входили в круг чтения Державина. В настоящем сборнике по нормам современной орфографии и пунктуации публикуется «Книга I» од Горация в переводе Котельницкого, в следующем будет напечатана «Книга II».

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

К. ГОРАЦИЯ ФЛАККА

Знаменитейшего римского лирика

ОДЫ

Часть первая

Перевод с латинского

Горациевы оды

Книга первая

Ода I

К Меценату

От предков царственных рожденный,
О Меценат, любезный мой,
Мой благодетель несравненный
И покровитель дорогой!

Пусть тот прах легкий собирает
На Олимпийских быв играх,
Другой вкруг меты объезжает
На раскаленных колесах.
Победных пальмов награждением
Как некий бог сей знаменит,
Того приводит в восхищенье
Непостоянных сонм квирит¹,
Когда с усилием стремится
На степень почестей возвесть.
Обильным житом сей гордится,
Что с нив своих мог в дом принести.

Кто плугом проводил сначала
Бразды в отеческих полях,
За цену тот богатств Аттала²
Во век себя не ввергнет в страх,
Чтоб став пловцом неустрашенным
Миртосски волны³ рассекал.

В зыбях Икарских⁴ развлеченный,
Где Африканский ветер шумит,
Средь волн кипящих изнуренный
О мирных днях купец грустит,
Но вдруг, забыв то, поврежденны
Спешит он снасти все чинить,
Опять идет в путь отдаленный
Не могли бедность преносить.

Иной бокалы истощает
Массинских вин чрез целы дни
И слабы члены прохлаждает,
Разнежившись дерев в тени,
Или возлегши при журчащем
Ключе священного ручья.

Приятны многим ополчения,
Воинский глас и звук рогов,
Кровопролитные сраженья
И смерть меж трупами врагов,
Что часто мать иль супругу
Ввергает в горечь и во гроб.

На чистом воздухе проводят
Ловцы и день и ночь в полях:
Когда псы верны лань усмотрят,
Иль вепря в хитрых зрят сетях,
Тогда не помнят о супруге
И все готовы позабыть.

Меня ж ничто так не прельщает,
Как плющ, награда мудрецов,
Сей знак, который отменяет
От черни сладостных певцов.
Мой дух отраду обретает
Средь рощ тенистых, при ручьях,
Хор легких нимф где восклицает,
Сатиры пляшут где в лугах.
Евтерпа⁵ коль не отречется
Со мной свирель согласовать,
И Полигимния⁶ возьмется
Струны на лире устроить.

Что если, Мecenат почтенный,
Ты к лирным глас причислишь мой,
Тогда, тогда ввыспрь восхищенный
Звездам коснуся я главой!

Ода II

Довольно уж снегов низринуто с небес,
И град несноснейший на нас свергал Зевес:
Десницей пламенной он храмы разразил,
Во гневе яростном паденьем Рим страшил!

Народы в трепете вопили исступленны:
«Не ныне ль Пирровы мы дни зрим возвращенны¹,
Не он ли слезы льет чудовищ зрев жестоких,
Когда Протей² стада пас на горах высоких;

Когда увязших рыб вяз зрел поверх ветвей,
Где было мирное жилище голубей;
Когда с челом своим моря, возвысив страх,
Трепещущихся серн скрывали в злых волнах.

И желтоводный Тибр³, мы зрели, как
с стремленьем

В Этрусский брег⁴ удар свершивши с треволнением,
Кипел, и пенистой волной он возносился,
Им памятник царя, храм Весты⁵ не щадился»

Внимая Или⁶ стенаньям и слезам,
В свирепстве мстителем соделался он сам,
Брег левый устоять от мышц его не мог,
Расторгнул, разлился жене преданный бог!

Потомство малое услышит, как с мечами
Граждане быв враги между собой — войнами
Кровь лили не щадя — ах! лучше б персы пали,
На них бы лучше мы оружия устремляли!»

Кого народ теперь из вышних призовет
Да помощь гибнущей Империи пошлет.
И девы чистые вотще уж преклонять
Стихами Весту мнят — не станет им внимать.

Кому днесь царь царей речет, что уж прощенье
Он хочет даровать злодейственным твореньям —
О ты, что облаком, как ризой, осеняем,
О Феб! ты сниди к нам, тебя мы умоляем!

Кто, кто воззрит теперь на сей злосчастный род,
Ты ль с нежной красотой Венера — иль Эрот?
Иль ты, бог брани Марс, народов сих отец,
Потомков дерзостных защитник и творец?

Ты восхищаешься, зрев шлемов блеск, позоры,
Крик ратников, свист лука, кровавы Марса взоры.
Увы! Еще ли ты, еще ль не насытился,
Уж град сей кровью весь своюю обагрился.

Иль ты священныя Плеяды юный сын,
Крылатый отроча⁷, приидешь к нам один
И средь Кипридовых⁸ пребудешь здесь детей,
Отмстишь за Цесаря во ярости своей.

О Цесарь!⁹ Приими ты всех торжеств сиянье,
И первенства здесь честь, отца прими название,

Непусти врагов торжествовать над нами,
Да злобных мидян¹⁰ ты повергнешь пред стопами.

Ода III
К кораблю,
на котором Вергилий отправился в Афины

Итак, богиня стран Киприйских¹,
И вы, светила два, усердные пловцам,
Способствуйте в водах Адрийских²,
Громаде сей достичь к желанным берегам.
И ты, виновник бурь, волнений,
Молю, да сохранишь Вергилия, Эол³,
И не воздымешь ополчений,
Да друг любезный мой чужд будет всяких зол!

Как дуб столетний укрепился,
И грудью должен тот твердее меди быть,
Кто первый в ладии пустился,
В моря свирепые с бесстрашным духом плыть,
Полночных ветров не боялся,
С кем хищный Аквилон⁴ вступает в сильный бой,
В ужасны бездны ниспускался,
При слезных Гиадах⁵ кто Ноту⁶ был игрой,
Сему тирану вод Адрийских,
Что страшен и жесток, что пагубен пловцам,
Что в море и странах Азийских
Ревет, клубится, рвет, терзает по частям.
Какой тот смерти вострепещет,
Сухим кто оком зрит чудовищ средь зыбей,
Спокойный взор на горы мечет,
Где гром и молния, стихийных злость где преи.
Напрасно бог, всю власть имущий,
Велел, чтоб Океан земле пределом был,
Коль смертных ум везде могущий
Чрез бездны черные пути себе открыл.

Чего род дерзкий человеков,
Чего не силится в злом буйстве колебать?
Коварный, дерзкий сын Афетов⁷
Потомству пагубный решился огонь низзвать:
Огонь сей с неба похищенный
Болезни, сухоту в народах водворял.
С тех пор шаг смерти устремленный
Без замедления всех повсюду посещал.
В воздушных пустотах взвиваться
На крыльях хитростных осмелился Дедал⁸,
Алкид⁹ смел в Ахерон ворваться,
Все стало смертному легко — он все поправ.
И самая небес сиянья
Мы глупостью своей хотим уж помрачать.
Увы! за наши злодеянья
Всегда над нами Зевс гром будет устремлять!

Ода IV

К Сексту Публию Консулу

Грядет в величестве Весна,
Зефир¹ богиню провожает,
Суровая Зима оковы разрывает,
И судны на хребет приемлет свой волна.
Отверзлися стадам хлева,
Уж ратай² огонь не возжигает,
И мраз седой лугов теперь не убеляет,
Увенчанны стоят все лиственны древа.
Уж хор Венерин средь полей
При лунном блеске восклицает,
Приятности сих мест богиня умножает,
Любезны грации и нимфы пляшут с ней.
Меж тем заботливый Вулкан³
Металлы тверды в печь ввергает,

Циклопов он труды прилежно надзирает,
И искрами старик повсюду осиян.
 Украсят ныне много глав
 Венки из миртов соплетенных,
Нынь время принести в долинах отдаленных
Фаону⁴ в жертву коз, иль самых тучных крав.
 Не упускай сих, Секст! минут,
 Не упускай минут любезных,
Смерть бледная стучит ногой в жилище бедных,
Равно в чертог царей — немедля все падут!
 О краткость наших слезных дней,
 Как скоро век наш протекает.
Надежда, вымыслы, все с нами умирает,
Постигнет грозна смерть, разрушится все с ней!
 Грозит уж и тебе та ночь,
 В которой мир весь погрузится,
К теням, во мрачный ад, Секст скоро удалится,
Останутся тогда богатства, слава, мочь.
 Умрешь — не будешь ты вкушать
 Средь пиршеств яств и вин приятных,
Ничто уже тебя не будет восхищать,
Не будешь обонять курений ароматных.
 Тогда любезный твой Лицит,
 Что красотой своей пленяет,
К которому сонм дев любовь сгорает,
И он твоих уж чувств тогда не усладит!

Ода V
К Пирре

Какой-то юноша нарядный,
Опрысканный духами весь,
С тобой, забившись в грот прохладный,
Сидит средь роз душистых днесь,
Для коего власы прекрасны
Умела ты в цветах убрать.

Увы! сколь много слез несчастный
Сей должен будет проливать
За подлость, клятвы нарушенья
И за измену Пирры сей!
В каком он будет изумленьи,
Среди волнующих морей
Узрев себя между ветрами.
О сколь неопытен еще!
Плененный ложными красами,
Вотще он думает, вотще
Обрести в тебе девицу верну,
Не измененну никогда,
Не ветренну, не лицемерну,
Но ах, обманчив ветр всегда!
Тот льстит себе пустым мечтаньем,
Кто судит по твоим очам.
Я ж богу в жертву одеянье
Уже принес, пристав к брегам!

Ода VI
К Агриппе

Пускай полетом Меонийским¹
Прославит Варио² тебя,
Агриппа! Победитель славный,
Вождь ужасный врагам своим,
В морях ли, в бранных ли полях!
Мои бессильны покушенья
Греть о важных столь делах:
Воспеть гнев храброго Ахилла³,
Пути Улиссовы в морях⁴,
Иль Пелопса свирепых чад⁵.
Мне стыд и самая мне Муза
Сей воспрещают труд приять,

Не столь мой разум совершенный,
Чтоб Цесаря или тебя,
Агриппа! смел я вознести.
Кто Марса в бранном одеяньи
Достойно может описать?
В пыли троянской Мериона⁶,
Иль Диомеда, что вмещен
Палладою в число богов⁷?
Я на досуге лишь веселье
Звучу — иль дев молодых игру,
Когда люблю, к любви взываю,
К любви, которой иногда
Умею так же изменять!

Ода VII
К Мунацию Планку

Иные вознесут хвалами
Родос, Ефес иль Мителен,
Или Коринф, что меж морями
Своих являет крепость стен,
Иль Вакхом знамениты Фивы,
Иль Дельфы, Аполлон где чтим,
Иль те места, где злачны нивы
Блестят обилием своим.
Тот занимается стихами,
Паллады мудрой град хвалив,
И превозносит меж древами
Ей посвященную Олив,
Сей в честь Юноне воспевае
Аргос, обильный лошадыми,
Или Меценас прославляет,
Столь знатный златом и вещьми.
Меня же столько не прельщает
Лакедемонян строгий град,

Ни же Ларисса, что являет
В полях роскошных славный сад,
 Как дом при влагах Албунейских,
Звучащих тихою струей,
Или паденье вод Ахейских,
Тибурн, иль сад, где есть ручей;
 Как ветер с полдневных стран свистящий,
Рассекши тучи зрит лазурь
И разгоняет мрак, грозящий
На нас низвергнуть ужас бурь.

 Так ты, Планк! разгонять печали
Свои, будь мудр, не забывай:
В прохладах, в бранях ли застали,
Всегда труд жизни облегчай.

 Отца и отчества бежавши,
Подвергнут Тевкр¹ был всем бедам,
Но тополем главу связавши,
Печальным так вещал друзьям:
 «Друзья! спокойно устремляйтесь,
Куда фортуна нас ни мчит,
Отчаянью не предавайтесь,
Коль Тевкр — ваш вождь, он вас хранит.

 Сам Аполлон мне обещает,
Сей прорицатель всех судьбин,
Что нас страна уж ожидает,
Мы новый узрим Саламин.

 О вы, терпевшие со мною
Злосчастья, храбрые друзья!
Минутой пользуйтесь златою,
Все будьте веселы, как я.

 Вином вы силы подкрепите,
Забавы меж собой деля,
А завтра парус разверните,
И паки пустимся в моря!»

**Ода VIII
К Лидии**

Богами всеми заклинаю,
О Лидия! тебя, скажи,
Почто своей любовью льстивой
Спешишь Сибариса губить?
Почто он начал ненавидеть
Ученья в Марсовых полях,
С толикой твердостью сносивший
Досель ненастие и зной?
Почто в ристалищах не виден
С своими сверстниками он
И больше уж не укрошает
Дымящий галльских зев коней?
Почто на Тибре¹ желтоводном
Боится волны колебать
И всем желанныя оливы
Как крови Гидры злой² бежит?
Уже не зрим орудий ратных
На сильных раменах его:
Проворством славный на игрищах,
За цели мечущий стрелу,
Днесь прячется — как сын Фетиды,
Что ликских станов³ избегал,
При слезном Трои погребеньи,
Скрывался в женских полотнах⁴.

**Ода IX
К Талиарху**

Се зришь, белеют гор вершины,
Громады там лежат снегов,
Леса подернули седины,
Сковались реки силой льдов.

Смягчи ж сих хладов ты суровость,
В камине пламень разведи,
Оставь излишнюю ты строгость
И жизнь в весельях проводи.

Оставь богов ты попеченью
Правление во всех делах,
Пусть все по их соизволенью
Течет, мой милый Талиарх!

Их волей ветры усмирятся,
Что в море растворяют глубину,
Рекут: престанут колебаться
И кипарис, и древний дуб.

Престань, толико быть неволен,
Вникать, с тобой что будет впредь,
Тем состояньем будь доволен,
Какое ты сужден иметь.

Пока от старости ты хладной
Далек нын в мужестве твоём,
То не отринь любви приятной,
И в хорах глас твой да воймем.

В местах, исполненных веселья,
В назначенный ты час гуляй,
И вечерами от безделья
Ты милой страсть свою внушай.

Ищи случаев быть в собраньи
Красоток разных, молодых,
Где лишь в веселом хохотаньи
Часы проводят дней златых.

Ты у прекраснейшей в наряде
Кольцо иль ленточкуними,
И вдруг в притворной той досаде
Ее ты нежно обойми.

**Ода X
К Меркурию**

Атланта внук велеречивый,
Образовавший первый род,
Своею лирой усладивый
И просветивший весь народ,
Тебя я воспую!
Тебя, отец согбенной лиры,
Предвестник Зевса, всех богов,
Великомощный в целом мире
Являться татем средь домов,
Когда восхочешь ты.
Тебя, дерзнувшего отгнати
Коварно в младости коров,
Колчан убившего отъяти
Средь грозных Аполлона слов
И ослабить его!
С тобой Приам сынов Атрида,
С тобой избегнул Трои он,
С тобою злато без обиды
Среди огней пронес, препон
Чрез лагеря врагов.
Тобой душа людей благая
В счастливые мечты идет,
Отвсюду ветвь твоя золотая
Течение толпы сберет,
Сколь мил ты всем богам!

**Ода XI
К Левконою**

Какой предписан мне с тобой конец судьбами
Не сился в то вникать, коль нам запрещено,
Чтоб меры взять потом — то знай, что знать дано,
Хотя б назначил нам Зевс жить премноги годы,

Хотя б зима сия последняя была,
Снынь ветры буйные глубят Тирренски воды,
Над черной бездною столбом дымится мгла.
Будь мудр, о Левконой! излей свои ты вина
И кратким временем надежды пресекай,
Пока мы говорим, зла мчит часы судьбина,
Сим днем воспользуйся — а завтра, друг, прощай.

Ода XII
В похвалу богам и героям

Какого мужа иль героя
Приемлешь, Клио¹, прославлять?
Иль лиру нежную настроя,
Какого бога воспевать,
Или пищали громким тоном
И шумный отголосок громом,
Чье имя повторить в странах,
В странах священных Аполлона,
В пространствах Пинда², Геликона³,
В прохладных Гема⁴ древесях?

Здесь песнопевец наученной
Искусством матери своей —
Певец — и лирою волшебной
Неподражаемый Орфей⁵ —
Умел пленять своим все пеньем:
Подвигнулись леса с стремленьем,
Он камни им одушевлял,
И быстры реки течь престали,
И скоры ветры песнь внимали,
И дубу слух он даровал.

Кого днесь приступим усладить
Достойно первую хвалою?
Того, того, который правит

Богами, смертных всей судьбой,
Который властен над землями,
Простер державу над водами
Повсюду власть свою явил —
Зевеса, коего веленьем
Текут времен часы с стремленьем.
Кто, кто ему подобен был?

Из смертных ни один сильнее
Его на свете не рожден,
Нет небожителей мощнее,
Величеством он не сравнен.
Но токмо почестями Палладу
За подвиги ее в награду,
Сей бог превыше всех почтил,
По нем пред всеми та блистала,
Богиню мудрость украшала
И с сею купно крепость сил.

Тебя ль, о Вакх! преяду в молчаньи,
Толико сильного в войнах?
Богиню ль, что зверей в терзаньи⁶
Проводит дни в густых лесах,
Или что грозны стрелы мечет,
Удара коих всяк трепещет,
Тебя, о мощный Аполлон?
Удары стрел твоих смертельны,
Стремленья их неложно верны,
Куда летят — раздастся стон.

Алкида⁷ вознесу хвалами
И чад я Леды воспою,
Из коих Кастор в брань с конями,
А Поллукс в рыцарском бою
Прехрабры подвиги являли.

Коль скоро звезды их сияли,
Пловцам счастливый знак бывал,
С утесов волны нистекали,
И ветры сильны умолкали,
По их желанью понт дремал.
К тебе ль, о Рима созидатель⁸!
Я глас свой обращаю теперь,
К тебе ль, о кроткий обладатель,
При коем Рим в покое цвел,
Или тоскански украшенья,
Во время браней и сраженья
Введенные Тарквином⁹ в Рим,
Предметом будут лирна тона,
Иль смерть великого Катона¹⁰,
Свершенна благородно им?

Поведай Регула¹¹ и Скавров¹²,
Поведай Павла¹³, Муза, мне:
Как меч заставил Аннибалов
Кровь Римску в Канской течь стране,
Тут Павел был великодушен,
Готовый пасть средь войск бездушен,
Постыдным чтил герою бег.
Осыпь Фабриция¹⁴ хвалами,
С простыми Курия¹⁵ власами,
Камилла¹⁶ — и героев всех.

Мужей славь храбрость, коих бедность
И предков мала честь земли
Произвели в душах их ревность,
На степень славы возвели.
Их бедна хижина скрывала,
Но вдруг их храбрость воссияла
И с нею купно тьмы побед.
Как древа ветвь — распространялась,

Марцелла¹⁷ слава — умножалась,
И Юлий там лиет свой свет.

Льет свой свет — и пред огнями
Его созвездье всех светлее,
Как лунный свет перед звездами
Блещет множеством лучей.
«Отец богов и всех хранитель,
Сатурнов сын, судеб правитель,
Правитель Кесаревых дней!
Твоей его вручил рок власти,
Позволь, да правит в мирной части,
Да славы шествует стезей.

Хотя и Лации грозящих
Под власть он парфян покорит,
Хотя врагов ужасных, мстящих
Он в прах и в пепел обратит,
Хоть Сар и Индр¹⁸ падут с мольбою,
Да будет он храним тобою,
Тобой — толь сильным пред врагом.
Ужасен огонь в твоей деснице,
Гремишь в златой ты колеснице,
На рощи мечешь мстящий гром».

Ода XIII К Лидии

Когда ты, Лидия драгая,
При мне Телефа восхваляя,
Речешь: «Се розовы уста,
Се грудь, как яркий воск, чиста»,
Увы! тогда волнение гнева
Снедает внутренность мою!
Тогда я мыслию смущаюсь
И весь в лице переменяюсь.

Исторгшись, слезы из очей
Струятся по красе моей,
Се знак неложный, сколько сердце
Объято пламенем мое!
Какое для меня мученье
Взирать, как наглое язвенье
Чинит над нежной белизной
Неистовый соперник мой,
Как на устах твоих зубами
Кладет буянства грубый знак.
Но не всегда, поверь мне, страстны
Те губки сладкие, прекрасны,
Он будет варварски терзать,
Где нежная любви мать
Венера — пята часть излила
Из нектарных своих даров.
Трикратно участь тех блаженна,
Кого согласия связь священна
Могла навеки сочетать,
Ничто не сильно их прервать,
И разве смерти час последний
Придет разрушить ветвь сию!

**Ода XIV
К кораблю,
отправляющемуся в Эгейское море**

Итак, корабль! уж ты спустился,
Предался новым ты зыбям,
Ах! лучше б к пристани стремился
И в безопасности был там.
Твои бока стоят без весел,
И мачта уж сокрушена,
Сломил свирепый райны¹ ветер,

Канаты сильна рвет волна.
Ты в черные стремишься бездны,
Погибель видя пред собой,
Твои ветрила безнадежны,
И угнетенный долей злой,
К каким богам с мольбой воскликнешь?
Ты сосна — славен род весь твой,
Лесов Понтийских дщерь! погибнешь —
Вся слава пропадет с тобой.
Напуганный пловец бедою
Отрад в золотых кармах не зрит —
Ты будешь ветров всех игрою,
Все бедствием тебе грозит.
Хотя к тебе негодованье
Досель в душе своей питал,
Теперь же жалость и желанье,
Чтоб ты безвредно избежал
Цикладских островов опасных,
Рассеянных в пространстве вод.

Ода XV

Когда на Идских кораблях
Парис, похитивши Елену,
Носился в бурных с ней морях,
Тогда Нерей сковал порывный ветер молчаньем
И таковым предрек о злой судьбе вещаньем:
«Твой путь сопрождаем днесь
Несчастливым вещих птиц летаньем,
Низвергнут будет дом твой весь,
Злотворной Греции средь многих ратных станом
Разрушится твой брак и древний род Приамов».
Увы! какой объемлет страх!
В каком всяк всадник трепетаньи,

В каких Дардан узришь бедах.
Уже Паллада шлем, эгиду, колесницы
Готовит в ярости — и держит гром в деснице.
Вотще ты гордость стал являть,
Благоприятен быв Венере,
Кудрявые власы чесать,
И, слабой цитрою вотще для дев играя,
В сердца их сладость льешь, восторги рассыпая.
Вотще на мягких ложах мнишь,
Избегнув грома копий тяжких,
Вотще, прелюбодей, ты льстишь
Себя от Аякса скрыть средь стремлений бранных,
Кровь с пылью умастит власы твои раздранны.
Улисса ль, Нестора ль узрим,
Разителей твоих народов,
Всяк сердцем храбр, неустрашим.
И Тевкр, и мужественн Сфенал тебя сражает,
Что скор — и на полях отличием блистает.
Познаешь, кто есть Мерион,
Каков Тидея сын свирепый¹,
Славней отца в сраженьи он:
Се зрю в неистовстве тебя уж настигает,
Увы! тебе, Парис, погибель угрожает!
Как лань, узревши на холмах
Свирепа волка пред собою,
Бежит, забывши злачность трав,
Так ты своих врагов бежишь, лишен дыханья.
Такие ль ты давал Елене обещанья?
Ахилла разъяренный флот
Троян еще не возмущает,
Фригийских жен щадит живот,
Но после многих зим обратна возвращенья
Пожрет Ахейский огонь Илиийские строенья!

Ода XVI
К Тиндариде

О ты, что красоты блистаньем
Прелестней матери своей,
Властна в моих теперь ты ямбах,
Что хочешь с ними сотвори,
Иль пусть пожрет их пламень жадный,
Или в водах их истреби!

Не столь жестоко Диндимена¹
И житель пифский Аполлон
Умы жрецов своих колеблют,
Ни Вакх, ни самый острый звук
Цимбалов медных корибантских,
Как гнев разит сердца людей.
Его не сильны утрашители
Ни меч, ни буйные моря,
Ни сильный огонь, ни сам Юпитер,
Что громами всю твердь трясет.

Когда из ила человека
Решился сделать Прометей,
Он в нем всех качества животных
И в сердце ярость льва вселил.
Тиеста² гнев проверг в несчастье,
Чрез оный пали города,
Где прежде стены возвышались,
Влекутся плути там врагов.

Итак, свое негодование,
Прекрасная, ты обуздай.
И я во младости сладчайшей
Томим свирепым гневом был,
Тогда в неистовстве стремился
Тебя я в сатирах бранить.
Теперь же, милая подруга,

Я грубость в ласки пременю,
Забудь мои ты поношенья,
И душу мне ты возврати!

Ода XVII
Тиндариде

Нередко быстрый Фавн¹ Лицею² оставляет,
Увеселительный Лукретиль³ посещает,
Стада мои хранит от огненных лучей,
От сильных ветров, от дождей.
Лишь флейты звук его раздастся по долинам,
И Эхо пренесет к Устинским тон стремнинам⁴,
Рассеются стада беспечно по лесам,
Кусты и тмин — им пища там.
Зеленая змея для коз моих не страшна,
И от волков моя овчарня безопасна:
Я за усердие, за гром моих стихов
Живу, храним от всех богов.
И ты там будешь жить в богатом изобилии,
Роскошные поля с усерднейшим усильем
Сокровищ всех своих избытки совлекут
И в дань тебе все принесут.
В долине хладной там под частыми древами
От зноя скроешься — и феосскими струнами⁵
Пенелопы любовь ты нежно воспоешь,
Любовь Цирцеи вспомянешь⁶.
Здесь будешь пить вино лесбийское под тенью,
Сей сладкий нектар пить, что нужен к услажденью,
Здесь Вакх не распрострет свою в безумстве длань,
И с Марсом он не вступит в брань.
Избегнешь Кировых ты наглых там объятий,
Как недостойного твоих лицеприятий,
Короны на твоей главе он не прервет
И платья уж не раздерет.

Ода XVIII
К Квинтилию Вару

В возделанных полях Тибурнских,
Среди Катильских крепких стен¹,
Священный виноград потщися
Ты тщательнее возрастить.
Кто убо² сладких вин не вкусит,
Кто может чужд несчастий жить,
И чем грызущие заботы
Отгнать мы можем от себя?
Из уст, сей влагой упоенных,
Услышишь ли, Квинтил! когда,
Чтоб тот назвал войну несносной,
Сей тягость в нищете нашел.
К тебе хвалы всех стран несутся,
К тебе, о Вакх! любезный бог,
Тебя, о нежная Венера,
В сем милом заблужденьи чтят!
Но сколь во зло употребляти
Опасно нам сей Вакхов дар,
Тому с центаврами средь пиршеств
Лапитов научает брань³,
Гнев Эвия против ситонцев⁴,
Когда в безумстве сей народ
Последовал страстей волненьям
Как в добрых, так и в злых делах.
Я звать тебя против желанья
Не буду, чистый Вассарей⁵!
Не похищу кошницы тайной,
Убранной листьями древ.
Да замолчат твои цимбалы,
Берецентийские рога⁶,
Звук коих силен возбудити
Слепую к самому любовь,
Внушить во всех пустую славу,

Вносящу легкое чело,
И верность тайны сокровенной
Явить прозрачнее стекла.

**Ода XIX
О Глицере**

Венера, мать купидонов,
Стремленье младости, Семелы Фивской сын,
Все, все велит любви законов
Мне святость слепо чтить, чтить сей закон един.
Глицеры блеск меня сражает,
Ах! как бела она, как мрамор Парский бел,
Приятной смелостью пленяет,
Опасный взгляд ее пускает тучи стрел.
Расставшись с Кипрскими берегами,
Богиня нежная ко мне устремлена,
Она не терпит, чтоб стихами
Был мною скиф воспет или парфян война,
Воспет народ сей, что хребтами
Коней своих вращал сражений дабр¹,
Но чтоб любовными мечтами
Я занят был — сей мой главный был предмет.
Спешите ж отроки, спешите
Зеленый дерн устлать и ладан воскурить,
Вин сладких чаши принесите,
Чтоб жертвой сей я мог богиню умягчить!

**Ода XX
К Меценату**

Из небольших со мной бокалов
Ты будешь пить, о Меценат!
Невкусное вино сабинян,
Что в мале с тщаньем я соблюю

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

В легчайших греческих сосудах.
Когда тебе, великий муж!
Рукоплесканий громки звуки
Во всем театре раздались,
Гул коих далеко разнесся
В берегах отеческой реки,
От коих эхо грохотало,
Хвалы те мчавши в Ватикан.
Ты, в храмине своей Цекубу,
Или Каленский нектар пьешь,
А мне Фалерна жатв не носит,
Стакан мой чужд Формийских вин.

Ода XXI
О Диане и Аполлоне

Песнь Диане возносите,
Девы юные, в стихах,
Хором, отроки, гласите
В долгих Цинтия власах
И Латону восхваляйте,
Матерь чисту, до небес,
Громогласно всем внушайте,
Как ее сам чтит Зевес.
Тоном славьте возвышенным
Божество, что при берегах
Меж кудрями древ зеленых,
Хладна Алгида в снегах,
Все приятства обретает,
Иль на Граге целу ночь,
Иль в Ериманте гуляет
Средь тенистых черных роц.
Темпы пойте — незабвенный
Делос — где во свет рожден
Бог, колчаном вооруженный,
Братней лирой меж рамен:

Сей от римских поколений,
Тронут вашей быв мольбой,
Отдалит к врагам в селенья
Глад, войну и мор презлой.

Ода XXII
К Фуску Аристию

Кто жизнь ведет неразвращенну,
Чист злодеяний, не тиран,
Тому не нужны ополченья,
Ни копья мавров, ни колчан,
 Исполнен ядовитых стрел.
Хотя он шествовать решится
Чрез знойны Сирты, иль Кавказ,
Иль славный где Гидасп струится,
Свирепый огонь где, страшный мраз —
 Везде он без вреда пройдет.
Я сам с беспечностью гуляю
В Сабинской рощице своей,
Лалаги прелесть воспеваю
И безопасен от зверей,
 Волк алчный от меня бежит.
Меня ничто не ужасает:
Ни крик Давнийских сильных львов,
Ни тигры, коих в свет рождает
Во мрачности своих лесов
 Юбы жаркая страна.
Оставь меня в пустынях хладных,
Где все сокрылось в грубых льдах,
Где летних ветров нет прохладных,
И в вечных дремлет все снегах,
 Где черный носится туман.
Оставь — где Солнца колесница
В бегу касается полян,

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Оставь в местах, где нет жилища,
Драгую буду чтить и там,
Усмешка чья мила и речь!

**Ода XXIII
К Хлое**

Как юна лань по дебрям мчится,
Искавши матери своей,
Лесов и воздуха страшится
И в ужасе бежит от ней,
 Так и ты, моя душа,
 Убегаешь от меня!
Весна ль, пришедши, помавает
Своим колеблемым листком,
Иль ящерица раздвигает
Зелены ветви под кустом,
 Подгибаются колена,
 Сердце бьется у нее.
Не тигр, не лев Гетульский! к Хлое
Стремится, чтоб ее терзать,
Настало время золотое,
Пора уж ей оставить мать,
 Хлоя, ты в таких летах,
 Когда с милым должно жить.

**Ода XXIV
К Вергилию**

О ты, божественная Муза,
Что сладкий глас и звучну арфу
 От Зевса получила в дар,
Царица томных песнопений,
Внуши теперь, о Мельпомена,
 Свою плачевную мне песнь!
Оплакивать мужей достойных,

Последний долг им воздавати
Нимало не постыдно нам.
И так Квинтилий погрузился
Во хладно некое безмолвье,
 На веждях вечный сон возлег!
Кого и где Стыд, Вера, Верность,
Нагая Истина и Правда
 Ему подобного найдут?
О смерти всяк его рыдает,
Прискорбье всякой ощущает,
 Тебе ж урон сей горше всех.
Но тщетно ты с таким терзаньем
Квинтилью жизнь исплакать тщишься.
 Увы! Уж твой не встанет друг!
Хотя б ты трогать мог на лире
Сильней Фракийского Орфея,
 Древа к вниманью что склонял,
Но кровь уже не возгорится,
И чувств не дашь уж хладну телу,
 Души не можно возвратить.
Кого единойжды Меркурий,
К молениям нашим непреклонный,
 Ужасной ветвию своей
К стадам проводит в тартар черным,
Того из мрачных мест не сильны
Ничем, ничем уж искупить.
Жестоко то — одно терпенье
Нам остается в облегченье,
Когда что пременить нельзя.

Ода XXV

К Лидии, уже состарившейся

Теперь уж шалуны молодые
В закрыты окна не стучат,
И сна тваво в часы золотые

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Тебе досад не причинят.

Уж двери чаще затворенны
(Что настезь были завсегда)
Стоят — уж нет тобой плененных,
Не слышен глас сей никогда:

«Любовной страстию пылая,
Всю ночь стою я у окна,
Стучуся у ворот, вздыхая,
А ты покоишься одна!»

Теперь уж ты взаимно плачешь,
Старухой сделавшись слепой,
Гордящимся любимцам машешь,
Они ж смеются над тобой.

Ты часто в изумленьи бродишь
По разным улицам одна,
И ветер Фракийский там находишь,
Когда рождается луна.
Коль чувствуешь любви волненье
И жар, беснующ и коней,
Язвленный печень твой мученье
Томит — льешь слезы из очей.

Ты плачешь, увидев плющ зеленый
И мирт у юношей в руках,
Сухие ж ветки посвященны
Носящу Гебру¹ хлад в берегах.

Ода XXVI Об Элии Ламии

Приятель музам быв неложный,
Печаль и страхи удалю,
Да взымут их свирепы ветры,
Размчат поверх Критийских бездн.
Пусть Северу всему опасен
Правитель льдистых областей,
Пусть страх тревожит Тиридата,

Что нужды мне, я чужд забот.
О муза! чистых вод к потокам
Всегда стремившая свой бег,
Сплети из свежих роз пахучих
Для друга Ламия венок.
Без помощи твоей, Пимплея,
Все напряжения мои
Останутся бессильны, тщетны,
Бесславна будет песнь моя
Тебе — сестрам твоим достойно
Бессмертью Ламия предать,
Сего в стихах петь должно новых
Сею Лесбийскою старухой¹.

Ода XXVII К друзьям

Обычай есть у фракиян
Стаканами всегда сражаться,
Стакан для радостей нам дан.
Друзья! сей пагубный поступок вы презрите,
Стыдлива Вакха сим в пирах вы не бесите.
Весьма отличен мидский меч¹
От вин или свечей возженных,
Старайтесь грубый крик пресечь.
Любезные друзья! вы пейте, наливайте
И около стола смиренно восседайте.
Хотите ль, чтоб и я хватил
Фалернского вина немного
И хмель бы с вами ощутил?
Пускай Мегелин брат², в любви столь
блаженный,
Нам скажет, сколько язв он нес, от стрел
пронзенный.
Нет, нет, не думай умолчать,
Иначе я и пить не стану,
Хотя невольно, но сказать

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Ты должен мне теперь, какую красотой
Твоя пылает грудь, какой тут стыд, какой?
С какой Венерой дорогой
Всегда ты чувства услаждаешь?
Зачем таиться предо мной,
Я скромн — тайны вверь — ах, бедный, я ведь знаю,
Ты лучших стоишь дев, в Харибде утопая.
Какой уж чародей иль бог,
Иль волхв толико будет мощен,
Чтобы фессальским ядом мог
Оковы те прервать? С химерой связь треглавной
Твою не разделит и сам Пегас преславный.

Ода XXVIII

Разговор между Мореходцем и Архитом

Мореходец

О ты, который мог премудростью своей
Измерить глубину морей,
Узнать пространство всей Вселенной,
Исчислить прах в ней сокровенный.
О мудрый, славный ты Архит!
Се труп твой бедный меж песками,
Испранный чуждыми стопами,
Под малой горстию земли теперь лежит.
Что ж пользы, что ты мог узнать планет течение
И оба полюса объять воображеньем?

Архит

Единый ли Архит сего не избежал?
И самый Пелопс родитель¹,
Богов усердный угоститель,
Такой же участи подпал.
Титона² плоть в эфир под старость утончилась,
И жизнь Миносова, что с Зевсом заседал³,
Моей подобно прекратилась.
И Пифагор во ад двукратно нистекал⁴,

Хотя он заклинал щитом им похищенным,
Как возгоралася Троянская война,
Что в первый раз когтем злой смерти изощренным
В добычу им была лишь кожа отдана;
Натуры, истины усерднейший любитель,
Мест мрачных, наконец, соделался же житель,
Единой ночи тьма должна нас всех сокрыть,
Единый путь лежит, всем должно тамо быть!

Иные в бранях погибают,
Глощает жадного пловца свирепый вал,
И старых, и молодых тела в костры складают –
От рук Прозерпины⁵ никто не избежал.

А равно и меня злой спутник Ориона⁶
В Иллирских погрузил волнах,
Какая ж предстоит тебе, пловец, препона,
Хоть срамной пылью в обильных тех песках,
Главу мою и плоть еще не погребенны
Соделать навсегда в местах сих сокровенны.

Коль ты то учинишь — и самый Эвр⁷ тогда
В морях свирепый Гисперийских,
В лесах выть будет Венузийских,

Ты ж здоров и невредим останешься всегда,
Да дастся Зевесом за то тебе награда
И самым, наконец, Тарента стражем града⁸.

Когда ж мне сотворишь ты зло,
Не мни, чтоб за твое предерзко злодеянье,
Хотя невинное, потомство наказание
И месть достойную когда не понесло.
Ты, может быть, и сам впадешь в сии напасти,
Премены гордя сам испытал ты все,
Отмстят тебе сие презренье сильны власти,
Мои стенания достигнут до небес.
Постой, единое да будет слово внятно,
Употреби, прошу, минуту на сие:
На труп бездушный мой песок воссыпь трикратно,
И мне присутствие не нужно уж твое.

**Ода XXIX
К Икку**

Почто, Икк! жадными очами
Сокровищ ищешь аравлян
И в бой вступить идешь с царями
Непобедимых сабиян?
Или для мидян исступленных
Почто ты звучну цепь куешь?
Из пленниц кто иноплеменных,
У коей друга ты убьешь,
Служить тебе усердно станет,
Иль кто из отроков такой
С бокалом при столе предстанет
С умашенною главой,
Кто изучен серийски стрелы
Из луков отческих метать?
Но если могут реки целы
К источникам своим бежать,
Сперва рассыпавшись дождями
По каменным скалы грудям,
Коль Тибр игристыми дугами
Приходит к прежним берегам,
То ты ль еще мнишь накопленны
Панета¹ книги расточать,
Ученья Сократа священны
На Ибрски латы прменять?

**Ода XXX
К Венере**

Царица Пафоса и Книда,
Венера! милый Кипр оставь;
Где фимиам курит Остида¹,
Желанный твой полет направь!
Несись в тот храм, где украшает
Пуками роз Остида трон.
Тебя толь кратко призывают —

Да будет тут и Купидон.
Возьми Меркурия и Радость,
И Граций в тонких поясах,
Летит пусть за тобою Младость,
Живая лишь в твоих очах!

Ода XXXI
К Аполлону

Днесь Флакк-певец пред Аполлоном
Из новых чаш вино лиет.
Пред соруженным новым троном
Что ж, что ж в мольбах он вопиет?

 Ни жатв Сардинии богатой,
 Ни знойной Калабрии паств,
 Ни златом Индии чреватой,
 Ни редких камней; тучных яств
Пред богом он не вымоляет,
И те долины, что струей
Молчащий Лирис омывает,
Нелестны для его очей.

 Кому Фортуна насаждает
В Калене виноградный сад¹,
Тот пусть труды употребляет
Возделывать свой вертоград:
Пускай купец из позлащенных
Бокалов вины сладки пьет,
Которые из отдаленных
Сирийских стран он привезет.
Богатых знать и боги любят,
Когда средь Атлантйских вод
Они богатого не губят,
Семь крат он зрим там всякий год.

 Мой глад оливой утолится,
Доволен я плодом простым:
Дай бог, что есть, тем насладиться,

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Лишь был бы телом невредим.

Дай здравый ум — и старость скучну
Укрась сребренностью седин,
Молю — да цитру громку, звучну
Благословит Латоны сын²!

Ода XXXII

К Лире

Когда в свободное мне время
В прохладе древ решуся я
Струнам твоим коснуться, Лира,
Греми гармонией своей
Бессмертный в поздны роды стих!
Звук первый от тебя отторгнул
Лесбийского Алцея перст,
В войнах ли был кровопролитных
Иль в пристань бедственный корабль
Вводил — и средь оружий он
Приятно Вакха, Муз, Венеру
И отрока, что спутник ей,
Лицея с черными глазами,
Прекрасна черным цветом влас,
Всегда на лире воспевал.
О Лира! украшенья Феба,
Небесных празднеств всех душа,
Забот сладчайше облегченье,
Пребудет всюду помощь мне,
Когда к тебе я воззову!

Ода XXXIII

К Албию Тибуллу

Ах! престань, Тибулл, крушиться
Об изменнице вздыхать,
Милый друг, престань томиться,
Слезны песни воспевать!

Позабудь бесчеловечной
Ты всех прелестей черты,
Пусть любовь сердечной
К ней горит другой, не ты.

Тщетно Лида к Киру тает
С беломраморным челом,
Кир по Хлое умирает,
Хлоя ж мало мнит о нем.

Но скорее съединится
Аппулейский волк с овцой,
Нежель Хлоя согласится
Киру жертвовать собой.

Так, Венере, зная, угодно
Иго медно налагать
На сердца — и в шутке злобной
Их неравность прерывать.

И ко мне одна богиня
Обнажала нежную грудь,
Что пред ней была Миртала¹,
Я однако ж тверд был тут.

Я Мирталины оковы
С сладострастьем лобызал,
Сей рабыни нрав суровый
Флакк законом поставлял.

Та кратка елико можно,
Сей же бешенств меры нет:
Как Адрийско море грозно,
Что Калабрский брег грызет!

Ода XXXIV

Досель почтитель я богов был неусердный,
Лишь буйной мудростью единой упоенный,
Но ныне пременить полет я должен свой
И паки следовать оставленной стезей.
Перуном облака Зевс ярым рассекая,

И чрез лазурь — коней гремящих устремляя —
Не редко быстрые колеса мчит свои.
Чем тяжкая Земля, бродящие струи,
Чем Стикс¹, и страшное седалище Тенара²,
И Атлас³ потрясен от коего удара.
Он может пропасти превыше гор вознесть
И возвышенное в ничтожество привести.
Фортуна хищна здесь венец свой исторгает
И на другого там с улыбкой возлагает.

**Ода XXXV
К Счастью**

О ты, покров страны Антийской,
Богиня! Чтима тварью всей,
Что смертного с степени низкой
Возводишь вдруг на верх честей!

Что вдруг триумфы горделивы
Преобращаешь в гроб, во прах,
Что внемлешь пахарю от нивы
И власть являешь на водах,

Что лютый дак и скиф бродящий
И грады чтут, и смертный род,
Латинец в брани всех разящий —
Латинец ждет твоих щедрот!

И матери царей строптивых,
И златом блещущий тиран,
В чертогах пышных, горделивых
Тебе приносят фимиам:

Да их держава утвердится,
Как столп незыблемый стоит,
Народ к оружию не стремится
И кроткий мир всегда хранит.

Рок сильный медною рукою
Заклепы пред тобой несет,
Клокочущий свинец другою

И цепь гремящую влечет.

Надежда, верность непременно
Тебе сопутствуют всегда,
И там, где будешь раздраженна,
Не оставляют иногда.

(Но льстец, но хитрая подруга,
Твой пасмурный увидя взор,
Бегут они — бегут от друга —
Увы! не золото с ним — позор!)

Се идет Цесарь в край Британский¹,
Прими его под свой покров,
Се юный строй — се страх парфянский
И черноморских берегов.

Увы! нас злобный стыд терзает,
Что пролили мы братьев кровь!
Какую славу оставляет
Наш век для будущих веков.

Какого зла мы не свершили!
К богам имели ль ратный страх?
Священных храмов не щадили,
И кровь лилась при алтарях.

Богиня! меч наш притупленный
Ты изошри против врагов,
Араб и массагет пронзенны
С него да смоят нашу кровь!

Ода XXXVI

Воскурим ладан — и струнами
Начнем богов благословлять,
Да пролиется кровь ручьями,
Тельца мы поспешим закласть.
Нумида зрим днесь возвращенье
От Гесперийских дальних стран.
Достойно днесь воздать хваленье
Богам — что паки здрав нам дан.

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Каким любезным целованьем
Он наделял своих друзей,
И сколь отличнейшим лобзаньем
Сладчайшей Ламии своей¹
Он изъявил сердечны чувства,
Сей Ламии, что с ним выросла
И, юность проводив в искусствах,
С ним в леты зрелые вошла.

Приятным чтоб препровожденьем
Сей день нам ознаменовать,
То иссушим мы бочки с рвением
И не престанем ударять
О землю резвыми стопами,
Как буйный салиян² сингклит³.
Здесь Басс возблещет хрустальями
И Минту в пьянстве победит.
Два раза в красотах алея,
При пиршествах смеется сих
И кратковременна лилея,
И мох во свежестях своих.
Тут все с опухлыми очами
Начнут за Минтой примечать,
Чтобы с другими молодцами
Не вздумала она гулять,
Чтоб пьяная сия плутовка,
Во сладострастьях закоснев,
Не вилась с хваткою уловкой,
Как вьется плющ вокруг дерев.

Ода XXXVII К приятелям

Теперь-то мы должны, друзья! повеселиться
И вольною ногой о землю ударять,
Теперь-то винами пора нам насладиться
И празднеством богов роскошным угощать!
Досель нам вынимать вменялось в преступленье

Из прародительских Цекубу¹ погребов,
Когда Империи грозила разрушением
И Капитолии готовила злой ков
Царица², сладкою надеждой упоенна.
Она в неистовстве всех мнила победить
С бесчестным воинством — болезнями
зараженным.

И что же? Бешенство ее мог обуздать
Едва корабль един³, от пламени спасенный!
Безумных замыслов потушен был восторг,
И дух ее, вином марейским расслабленный,
Привесть на истинный страх Цесарь⁴ лишь возмог.
Чтобы сковать сие чудовище цепями,
С берегов Италии на веслах к ней летит.
Так ястреб воздух вьет, вивясь над голубями,
Так зайца среди снегов эстонских псарь разит.
Но чтоб и в смерти ей явить свою надменность,
Не ищет меч изъять, как сродно всем женам,
И областей своих в сокрыту отдаленность
Стремиться не спешит, предавшись парусам.
Предерзостная! взор вращает, кровь точащий,
Развалины своих чертогов долу зрит,
В неустрашимости лобзает змей шипящих
Да горьким ядом их плоть алчну напоит!
Когда столь наглу смерть себе она избрала,
Триумфов гордых быв на веки лишена,
Во зверстве превзойти либурнян⁵ возжелала,
Возглася завистью кичливая жена.

Ода XXXVIII
К своему мальчику

Персидски яства подслащенны
Не льстят для вкуса моего,
И из цветов венки сплетенны

Оды Горация в переводе А. Котельницкого

Не нужны, мальчик! для меня.
Итак, изыскивать не тщися
Ты поздних розанов везде,
Простой пусть мирт¹ поставлен будет
Тобой на столе моем.
Сей мирт тебе не неприличен
И мне, когда в беседке пью!

Примечания

- ¹ ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 1. № 38. Л. 14–62.
- ² См.: *Морозова Г. В.* Г. Р. Державин и А. Котельницкий. Из истории державинских переводов (по архивным материалам) // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 185–196.
- ³ РО ИРЛИ. Ф. 96. Г. Р. Державин. Оп. 14. № 15. Беловой автограф с пометами Державина.
- ⁴ Автографы: РО ИРЛИ. Ф. 88. Оп. 1. № 6929.
- ⁵ *Степанов В. П.* Котельницкий Александр Михайлович (?) // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. СПб., 1988–2010. Вып. 2: К–П. С. 135–137.
- ⁶ Весна («Грядет в величестве весна...») / А. Ктлнцк [Котельницкий]; (Горациева ода к Сексту Публию, консулу) // Любитель словесности. 1806. Ч. 2. № 6. С. 205–206.
- ⁷ См.: *Степанов В. П.* Котельницкий... С. 136.
- ⁸ *Морозова Г. В.* Оды Горация в русских переложениях XVIII века (часть I) // Жанр. Стиль. Метод. Алма-Ата, 1990. С. 60.

ОДЫ ГОРАЦИЯ (КН. 1)

Ода I. К Меценату

Ода I написана в 23 году н. э., служит прологом к первым трем книгам од. Обращена к Гаю Цильнию Меценату (ок. 70–8 г. до н. э.), который

был другом и покровителем Горация. Имя Мecenата сделалось нарицательным.

Размер: 1-я Асклепиадова строфа.

- ¹ *Квири́ты* — обозначение граждан в Древнем Риме.
- ² *...богатств Атталы* — Атталы — династия пергамских царей, правивших во II—III вв. до н. э. Их богатство вошло в поговорку.
- ³ *Миртосски волны* — Миртосское море — северо-западная часть Эгейского моря, известная благодаря сильным бурям.
- ⁴ *В зыбях Икарских* — Икарийское море расположено на юго-западном побережье Малой Азии. По преданию, здесь упал Икар.
- ⁵ *Евтерпа* — муза лирической поэзии и музыки.
- ⁶ *Полигимния* — муза торжественных од и гимнов.

Ода II

Ода II посвящена римскому консулу Октавиану Августу (63–14 г. до н. э.). В 28 году до н. э. он отказался от седьмого консульства. Крупное наводнение, случившееся тогда же в Риме, многими воспринималось как ужасное следствие этого отказа. Гораций называет Октавиана Августа воплощением Меркурия и мстителем за смерть Юлия Цезаря.

Размер: Сапфическая строфа.

Другой вариант перевода Котельницким этой оды см.: Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 27–29.

- ¹ *Пирровы мы дни зрим возвращенны...* — т. е. времена всемирного потопа. Пирра — дочь титанида Эпиметей и Пандоры. Вместе с мужем спаслась в ковчеге, когда Зевс решил уничтожить людей «медного века» с помощью потопа.
- ² *Протей* — морское божество, сын Посейдона и Геры. Согласно греческой мифологии, он вывел «стадо» рыб на деревья во время потопа, устроенного Зевсом.
- ³ *Тибр* — река, на берегах которой расположен Рим.
- ⁴ *Этрусский берег* — правый берег Тибра.
- ⁵ *Веста* — богиня семейного очага, ее храм расположен между Капитолийским и Палатинским холмами. Согласно римской мифологии, очаг в этом храме является центром Вселенной и олицетворением самой Весты.

- 6 *Илия* — мать Ромула и Рема, основателей Рима. По одному из преданий, была брошена в Тибр ее братом Амулием. Речной бог Тиберит спас ее и сделал своей женой. По мысли Горация, Тиберит в обличии реки мстит римлянам за убийство Юлия Цезаря, потомка Илии.
- 7 *Иль ты священныя Пляды юный сын / Крылатый отроча...* — т. е. Меркурий, сын Пляды Майи и Зевса, бог торговли и путешествий. Один из его атрибутов — крылатые сандалии.
- 8 *И средь Кипридовых пребудешь здесь детей...* — богиня любви Киприда (Венеры) считается родоначальницей римлян. Многие считали, что Меркурий принял человеческое обличье в лице Октавиана Августа.
- 9 *О Цесарь!* — то есть царь, правитель.
- 10 *Мидяне* — древний народ иранского происхождения, населявший Мидию. Октавиан Август предпринимал попытки распространить влияние Рима на Востоке.

Ода III. К кораблю,
на котором Вергилий отправился в Афины

Ода III написана между 29 г. до н. э. и 13 января 27 г. до н. э. Поводом для ее создания послужило водное путешествие Вергилия (70–19 г. до н. э.) — знаменитого римского поэта и друга Горация.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Другой вариант перевода Котельницким этой оды см.: Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12. С. 410–412.

- 1 *...богиня стран Киприйских...* — т. е. Венера, или Киприда. Она считалась покровительницей мореплавателей.
- 2 *... в водах Адрийских* — имеется в виду Адриатическое море.
- 3 *Эол* — повелитель ветров в греческой мифологии.
- 4 *Аквилон* — северо-восточный или северный ветер в римской мифологии.
- 5 *Гиады* — нимфы дождя в греческой мифологии; созвездие, предвещающее дождь.
- 6 *Нот* — южный ветер в греческой мифологии.
- 7 *...коварный дерзкий сын Афетов* — титан Прометей, который украл для людей огонь с небес.
- 8 *Дедал* — легендарный афинский скульптор, смастеривший крылья из воска.

- ⁹ *Алкид смел в Ахерон ворваться...* — имеется в виду один из подвигов Геракла (Алкида): герой похитил пса Церберы из царства Аида (здесь названо по имени реки Ахерон).

Ода IV. К Сексту Публию Консулу

Адресат оды Луций Сестий Альбаниан Квиринал (73 г. до н. э. — ?) — римский консул-суффект в 23 г. до н. э., друг Горация. После смерти Цезаря он подчинился Августу, однако оставался верным сторонником Брута.

Размер: 3-я Архипохова строфа.

Другие варианты перевода Котельническим этой оды см.: Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 36–38 (незначительные отличия); Любитель словесности. 1806. Ч. 2. № 6. С. 205–206 (с заглавием «Весна»).

- ¹ *Зефир* — западный ветер в греческой мифологии.
- ² *Ратай* — крестьянин-землепашец.
- ³ *Вулкан* — бог-кузнец в греческой мифологии, ему прислуживают одноглазые великаны циклопы.
- ⁴ *Фаон, Фави* — лесное божество в греческой мифологии. Покровительствовал стадам домашнего скота: каждый месяц в его честь селяне приносили в жертву скот.

Ода V. К Пирре

Поэт пишет от лица бывшего поклонника Пирры, ветреной кокетки.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ода VI. К Агриппе

Ода адресована Марку Випсанию Агриппе (63–12 г. до н. э.) — известному римскому полководцу эпохи правления Августа. Горацию поручили написать хвалебную оду в его честь, но поэт отказывается, ссылаясь на слог своих стихов, слишком легкомысленный для воспевания боевых подвигов.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

- ¹ *...полетом Меонийским* — т. е. «слогом гомеровским». Меония — одна из стран, претендующих на звание родины Гомера.

- 2 *Варио* — Луций Варий Руф (74–14 год до н. э.), друг Горация и Вергилия, поэт, известный мастер эпического стиха.
- 3 *Воспеть гнев храброго Ахилла* — ср. из 1-й песни «Иллиады»: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...».
- 4 *...пути Улиссовы в морях* — имеются в виду морские путешествия Одиссея (Улисса), главного героя «Одиссеи» Гомера.
- 5 *...Пелопса свирепых чад* — имеются в виду потомки Пелопа, царя Пелопонесса. Некоторые известные представители рода: Атрей, Агамемнон, Орест. Сюжеты их драматических судеб множество раз обыгрывались в античной литературе.
- 6 *...В пыли троянской Мериона* — Мерион — один из героев «Иллиады», жених Елены Прекрасной.
- 7 *...Диомеда, что вмещен / Палладою в число богов...* — Диомед — один из героев «Иллиады», свирепый воин, по своей силе уступавший только Ахиллу. Выступал против Трои. Пользовался особым расположением Афины Паллады, которая внесла его в сонм богов.

Ода VII. К Мунацию Планку

В оде VII Гораций обращается к политическому деятелю Луцию Мунацию Планку (87–16 г. до н. э.), известному переходами из одной партии в другую. В итоге он перешел на сторону Октавиана и предложил ему титул Августа.

Размер: 1-я Архилохова строфа.

В первой половине оды перечисляются прославленные достопримечательности греческого мира: остров Родос, города Аргос, Афины, Дельфы, Коринф, Ларисса, Микены (*Меценас*), Митилены (*Мителен*), Фивы, Эфес (*Ефес*) и др. Гораций хочет убедить Планку отдохнуть от странствий и наслаждаться жизнью на своей вилле в Тибуре.

- 1 *Тевкр* — греческий герой, участник Троянской войны. По возвращении на родной остров Саламин был изгнан отцом и обречен на скитания — за то, что не отомстил за смерть брата.

Ода VIII. К Лидии

Гораций описывает, что делает любовь с Сибарисом — бравым воином и атлетом. Его возлюбленную зовут Лидия — традиционное имя кокетки.

Размер: большая Сапфическая строфа.

¹ *Тибр* — см. комментарий к Оде II.

² ...*крови Гидры злой* — то есть бежит как от яда — кровь Лернейской гидры была ядовита.

³ *Ликских станов* — имеются в виду союзники троянцев.

⁴ ...*как сын Фетиды... Скрывался в женских полотнах.* — Богиня Фетида пыталась уберечь своего сына Ахилла от участия в войнах. Юный Ахилл при дворе царя Ликомеда носил женское одеяние для маскировки.

Ода IX. К Талиарху

В оде раскрывается тема наслаждения простыми радостями жизни.

Размер: Алкеева строфа.

Ода X. К Меркурию

Гораций восхваляет бога Меркурия и перечисляет мифологические сюжеты, в которых тот играл ключевую роль.

Размер: Сапфическая строфа.

Ода XI. К Левконою

Левконой — вымышленный персонаж. Лирический герой обращается к нему, советуя наслаждаться настоящим моментом, а не грезить о будущем.

Размер — 5-я Асклепиадова строфа.

Ода XII. В похвалу богам и героям

Вероятное время создания оды — 29 г. н. э. Поэт обращается к Октавиану Августу.

Размер: Сапфическая строфа.

Впервые: Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 205–208.

¹ *Клио* — муза истории.

² *Пинд* — гора на границе Фессалии и Эпира.

- 3 *Геликон* — гора, где обитали музы.
- 4 *Гем* — гора во Фракии, фигурирует в мифе об Орфее.
- 5 *...леснопевец наученной / Искусством матери своей... Орфей...* — Орфей получил музыкальный талант от своей матери, музы Калиопы.
- 6 *Богиню ль, что зверей в терзаныи / Проводит дни в густых лесах...* — т. е. Диану, девственную богиню охоты.
- 7 *Алкид* — т. е. Геракл.
- 8 *Рима созидатель* — т. е. Ромул.
- 9 *Тарквин* — имеется в виду Луций Тарквиний Гордый (VI в. до н. э. — 495 г. до н. э.), известный своими завоеваниями.
- 10 *Катон* — имеется в виду Марк Порций Катон Утический (95—46 г. до н. э.), сторонник Римской республики, совершил самоубийство, когда узнал о победе Цезаря.
- 11 *Регул* — имеется в виду римский военачальник Марк Атилий Регул. Во время первой Пунической войны (III век до н. э.) он был взят в плен карфагенянами и, по преданию, отправлен ими в Рим для мирных переговоров, где выступил как ярый противник мира, за что по возвращении в Карфаген был казнен.
- 12 *Скавры* — Марк Эмилий Скавр, сын угольщика, прославился строгостью жизни, а сын его, М. Скавр, был правителем Сардинии.
- 13 *Павл* — Луций Эмилий Павл (ум. в 216 г. до н. э.) — римский военачальник, консул. В сражении при Каннах был тяжело ранен, но добровольно бросил в бой и погиб от мечей карфагенян.
- 14 *Фабриций* — Кай Фабриций Лусцин, римский полководец и консул III в. до н. э., прославился своей честностью и неподкупностью.
- 15 *Курий* — Курий Дентат (ок. 321—270 г. до н. э.) — римский полководец, известный бескорыстием; придерживаясь древнего обычая, никогда не стриг головы и не брил бороды.
- 16 *Камилл* — Марк Фурий Камилл (ок. 447—365 г. до н. э.) — римский военачальник и государственный деятель.
- 17 *Марцелл* — Марк Клавдий Марцелл (ок. 270—208 г. до н. э.) — завоеватель Сиракуз во время второй Пунической войны (218—201 г. до н. э.).
- 18 *Сар и Индр* — имеются в виду индийцы и серы, жившие на востоке: они просили расположения Августа.

Ода XIII. К Лидии

Лидия и Телеф, которые фигурируют в оде — вымышленные герои.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ода XIV. К кораблю, отправляющемуся в Эгейское море

Эту оду приводит в пример ритор Квинтилиан (I век н. э.) как образец аллегии (корабль — Римская империя).

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

- ¹ *Райна* — (от нидерл. *гаа*, нем. *Reihe* ряд) — поперечное дерево на мачте, к которому привязывается парус; то же, что и рея.

Ода XV

Ода XV написана в форме пророчества: морской бог Нерей предостерегает Париса, похитившего Елену и развязавшего войну между троянцами и ахейцами. Ода насыщена намеками на события Троянской войны.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

- ¹ ... *Тидея сын свирепый* — т. е. Диомед, один из героев «Илиады», свирепый воин, по своей силе уступавший только Ахиллу.

Ода XVI. К Тиндариде

Адресат оды неизвестен.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ *Диндимена* — один из эпитетов Кибелы, богини плодородия и материнства. Считалось, что Кибела требует от своих жрецов полного подчинения и самозабвения: в экстатическом состоянии они ранили друг друга во славу ее.
- ² *Фиеста гнев проверг в несчастье, / Чрез оный пали города* — имеется в виду Фиест, герой греческих мифов. Он выкрал золотое руно, за что был изгнан братом Атреем из родных Микен. Фиест отомстил брату, заставив его убить собственного сына. В ответ разъяренный Атрей убил сыновей Фиеста, пригласил брата на пир и накормил его их мясом. Чтобы наказать Атрея, боги наслали неурожай на Микены.

Ода XVII. Тиндариде

Адресат оды неизвестен.

Размер: Алкеева строфа.

- 1 *Фавн* — лесное божество в греческой мифологии.
- 2 *Лицея* — также известна как Ликей, гора в Аркадии, священное место Фавна.
- 3 *Лукретиль* — гора близ сабинской виллы Горация.
- 4 *Устинские стремнины* — холмы близ сабинской виллы Горация.
- 5 *...Феоскими струнами* — т. е. в поэтической манере Анакреонта, так как Анакреонт был родом из Теоса (Феоса).
- 6 *Пенелопы любовь ты нежно воспоешь / Любовь Цирцеи вспомнешь* — здесь говорится о героинях «Одиссеи» Гомера.

Ода XVIII. К Квинтилию Вару

Ода обращена к Публию Квинтилию Вару (ок. 46 г. до н. э. — 9 г. н. э.), римскому военачальнику, другу Вергилия и Горация. Позднее, в 23 году, Гораций посвятит его оплакиванию оду XXIV (кн. I).

Размер: 5-я Асклепиадова строфа.

- 1 *...Среди Катильских крепких стен* — имеется виду город Тибур, Катил — один из его основателей.
- 2 *Убо* — здесь: таким образом.
- 3 *Тому с центаврами средь пиршеств / Лапитов научает брань* — бой кентавров (центавров) с фессалийским племенем лапифов (лапитов) на свадьбе царя Пирифоя был описан в «Метаморфозах» (XII, 210 сл.) Овидия.
- 4 *Гнев Эвия против ситонцев* — ситонцы (фракийцы) были известны своей страстью к алкоголю (Эвий — один из эпитетов Вакха).
- 5 *Вассарей* — эпитет Вакха у фракийцев.
- 6 *Берецентийские рога* — музыкой этих рогов сопровождалась Вакханалия и празднества в честь Кибелы.

Ода XIX. О Глицере

Гораций обращается к гетере Глицере. Впоследствии поэт упоминает ее в XXX оде первой книги.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

- 1 *Дабр* — деревянное приспособление со щитом для осады крепости.

Ю. В. Дульцева

Ода XX. К Меценату

Вероятно, ода была написана около 30 года. О Меценате — см. комментарий в оде I. В конце оды XX перечисляются лучшие сорта вин (по местам изготовления).

Размер: Сапфическая строфа.

Ода XXI. О Диане и Аполлоне

Вероятно, ода была написана в 24 году.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ода XXII. К Фуску Аристию

Ода обращена к поэту и грамматiku Аристию Фуску, другу Горация.

Размер: Сапфическая строфа.

Юбы жаркая страна — имеется в виду Нумидия, древняя страна в северной Африке. Юба (I в. до н. э.) — царь Нумидии.

Ода XXIII. К Хлое

Адресат оды неизвестен.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

¹ *Гетульский* — то есть африканский, от названия древнего северо-африканского народа гетулов.

Ода XXIV. К Вергилию

Адресат оды — Вергилий (см. комментарий к оде III). Ода написана в 24 году на смерть Квинтилия Вара (см. выше оду XVIII).

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ода XXV. К Лидии, уже состарившейся

Время написания оды неизвестно. Настоящее имя «Лидии» также неизвестно.

Размер: Сапфическая строфа.

¹ *Гебр* — река во Фракии.

Ода XXVI. Об Элии Ламии

Ода адресована Элию Ламию — другу Горация и тонкому ценителю поэзии. Написана в 30 году.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ *Сего в стихах петь должно новых / Сею Лесбийскою старухой.* — Гораций намекает на то, что он первый познакомил римлян с лирикой великих поэтов о. Лесбос — Алкея и Сафо.

Ода XXVII. К друзьям

В этой оде Гораций обращается к своим друзьям-собутыльникам.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ *Мидский меч* — поэт использует это выражение как образец «варварства». Мидийцы, т. е. персы и парфяне, не снимали своего оружия даже на пиру.
- ² *Мегелин брат* — вероятно, вымышленное лицо, как и сама Мегела.

Ода XXVIII. Разговор между Мореходцем и Архитом

Ода обращена к тени Архиты, философа и математика из Тарента, жившего в первой половине 4 в. до н. э. По легенде, он погиб при кораблекрушении у Матинского мыса (в Апулии). Ода написана от лица моряка, принявшего смерть в буре и выброшенного на берег близ гробницы Архиты.

Размер: 1-я Архилохова строфа.

- ¹ *Пелопса родитель* — имеется в виду Тантал, сын Зевса, был частым гостем на пирах олимпийских богов.
- ² *Титон* — имеется в виду мифический Тифон — сын Лаомедонта, брата троянского царя Приама, был за свою красоту похищен Авророй на небо в золотой колеснице.
- ³ *...жизнь Миносова, что с Зевсом заседал...* — Минос, сын Зевса и Европы, легендарный царь Крита. Он часто встречался со своим божественным отцом в пещере горы Дикта, чтобы посоветоваться о законах.
- ⁴ *...Пифагор во ад двукратно нистекал...* — древнегреческий мыслитель и математик Пифагор верил в переселение души и утверждал, что спускался в царство Аида.
- ⁵ *Прозертина* — богиня подземного царства, срезала у умирающих прядь волос, после чего наступала смерть. Ср. «Энеиду» Вергилия (IV, 697).
- ⁶ *Злой спутник Ориона* — созвездие Ориона считалось дурным знаком среди мореплавателей.
- ⁷ *Эвр* — восточный ветер.

- 8 ...*Тарента стражем града*. — имеется в виду морской бог Нептун, который считался отцом основателя этого города.

Ода XXIX. К Икку

Ода написана в 25 году, перед походом Элия Галла в Аравию. В этот поход собирался и друг Горация Икций (Икк), к которому она обращена. Гораций с тонкой иронией обращается к Икку, который долгое время занимался философией, но вдруг, неожиданно для всех, сменил род занятий на воинскую службу.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ *Панет* — имеется в виду Панетий — греческий философ стоической секты. Он был весьма дружен с Сципионом и сопровождал его во многих походах.

Ода XXX. К Венере

В оде перечисляются места, где почитали богиню Венеру: остров Кипр, карийский город Книд, Пафос (Паф) — город на Кипре. Призывая Венеру, Купидона, Граций, нимф, Гебу и Меркурия, Гораций таким образом желает дому любви, детей, красоты, процветания, молодости и согласия.

Размер: Сапфическа строфа.

- ¹ *Остида* — имеется в виду гетера Гликера (Глицера), имя которой присутствует в оригинале оды и в других ее переводах, также в оде XIX. Под именем Остиды фигурирует в переводе М. Пруцкого (Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 383–384).

Ода XXXI. К Аполлону

Эта ода написана в 28 году, когда был закончен новый храм Аполлона, построенный Августом в память о победе при Акциуме.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ ...*В Калене виноградный сад* — отсылка к Каленским винам.
- ² *Латоны сын* — бог искусств Аполлон.

Ода XXXII. К Лире

В этой оде Гораций упоминает выдающегося древнегреческого поэта и музыканта Алцея (Алкея) (626/620 — после 580 г. до н. э.). Согласно некоторым версиям, поэт был возлюбленным Сапфо.

Размер: Сапфическая строфа.

Ода XXXIII. К Албию Тибуллу

Ода посвящена Албию (Альбию) Тибуллу — известному римскому поэту и другу Горация.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

- ¹ *Миртала* — греческое женское имя некоей вольноотпущенницы, которая «оковала» поэта.

Ода XXXIV

Поэт обращается к самому себе. Ода написана под впечатлением от удара грома в чистом небе, но ее тон скорее иронический, нежели религиозный.

Размер: Алкеева строфа.

- ¹ *Стикс* — река забвения в царстве Аида.
- ² *Седалища Тенара* — мыс Тенар считался одним из входов в царство Аида.
- ³ *Атлас* — имеется в виду великан Атлант, который, согласно греческой мифологии, держит на своих плечах небосвод.

Ода XXXV. К Счастию

Ода посвящена богине Фортуне, храм которой находился в городе Антии. Она была составлена в 26 году, когда наместник Египта Элий Галл должен был отправиться в неудачно закончившийся поход в Аравию.

Размер: Алкеева строфа.

Другой вариант перевода Котельницким этой оды см.: Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 91–95.

- ¹ *...Се Цесарь идет в край Британский* — имеется в виду несостоявшийся поход Августа в Британию.

Ода XXXVI

Ода написана в 24 году в честь возвращения из Испанского похода Плотия Нумиды.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

- ¹ *Сладчайшей Ламии своей...* — любопытно, что Гораций имел в виду друга детства Нумиды — Элия Ламия (см. комментарий к оде XXVI), а в переводе Котельницкого Ламия звучит в качестве имени его возлюбленной.

- 2 *Салияне* — имеются в виду салии — жрецы, совершавшие ритуальную пляску в честь бога Марса.
- 3 *Синглит* — в Древней Греции: собрание высших сановников; в данном контексте употребляется в шутивно-ироническом ключе.

Ода XXXVII. К приятелям

Ода написана в 30 году как отклик на получение известия о падении Александрии и смерти Антония и Клеопатры.

Размер: Алкеева строфа.

- 1 *Цекуба* — имеется в виду цекубское белое вино, среди римлян считавшееся самым лучшим.
- 2 *Царица* — т. е. Клеопатра.
- 3 *...Едва корабль един...* — либо преувеличение, так как в битве при Акциуме (12 сентября 31 года) спаслось 60 кораблей Клеопатры, либо указание на трирему Антония, на которой тот бежал после гибели своего флота.
- 4 *Цесарь* — Октавиан.
- 5 *Либурияне* — народ, содействовавший успеху Августа в битве при Акциуме.

Ода XXXVIII. К своему мальчику

Ода обращена к мальчику-прислужнику. Гораций призывает к отказу от излишеств, к скромности и умеренности во всем. Очевидно, вдохновением послужил обычай пирующих римлян украшать себя причудливыми венками.

Размер: Сапфическая строфа.

- ¹ *Мирт* — растение, посвященное богине Венере.

Указатель произведений Г. Р. Державина

А

Амур и Психея 46
Афинейскому витязю 61

Б

Бессмертиедуши 60, 64
Благодарность Фелице 48
Бог 5, 7, 8, 9, 16, 25, 45, 46
Богиня здоровья 51
Братское согласие 60
Буря 61

В

Василий Темный 57
Введение Соломона в судилище 60
Весна 62
Виша 43
Вельможа 23
Водопад 21, 24
Волхов Кубре 62
Время 54, 62

Г

Гимн Богу 62
Гимн кротости 61

Гимн лиро-эпический 18
Гимн Солнцу 61
Горелки 51

Д

Дева за арфою 62
Доказательство творческого бытия 60

Ж

Желание в горня 60

З

Записки 45, 48, 49
Зима 54, 62

К

Капнисту 61
К грациям 46
К другу 48
К Меценату 32, 176
К Музе 53
Ко второму соседу 62
Колесница 62
К Скопихину 62

Указатель произведений Г. Р. Державина

- К царевичу Хлору 61
К Эвтерпе 46
- Л**
- Ласточка 45, 46
Лебедь 62
Лето 54, 62
- М**
- Маневры 62
Мечта 46
Мой истукан 16
Молитва 61
Монархии 45
Монумент милосердию 32, 54, 62
Мужество 62
- Н**
- На безбожников 61
На взятие Измаила 50, 65
На возвращение графа Зубова из
Персии 61
На ворожбóу 61
На восшествие на престол императора
Александра I 61
На выздоровление мецената 32
Надгробная императрице Екатерине II
61
На кончину благотворителя 62
На кончину графа Орлова 51
- На кончину императрицы
Екатерины II 61
На коронацию императора
Александра I 61
На Мальтийский орден 61
На новый 1797 год 61
На новый 1798 год 61
На переход Альпийских гор 61
На победы в Италии 61
На покорение Дербента 51
На присоединение Тавриды 46
На рождение Великого Князя Миха-
ила Павловича 61
На рождение в севере порфирородно-
го отрока, Успокоенное неверие
21
На рождение царицы Гремиславы 51
На смерть Нарышкина 62
На щету земной славы 60
На умеренность 63
- О**
- Объяснения на свои Сочинения 48,
49
Оленину 50, 62
Орел 61
Осень 62
- П**
- Павлин 51
Памятник 51

Указатель имен

А

- Автухович Т. Е. 16
Агриппа Марк Випсаний 134, 135,
170
Айю, братья см. Гаюи (Аюи)
Аксаков С. Т. 19, 27, 57, 66
Александр I, имп. 37, 126
Альтшуллер М. Г. 27
Альбаниан см. Луций Сестий
Квиринал
Амелин М. М. 38, 42
Анакреонт 175
Андро А. А., урожд. Оленина 64
Аракчеев А. А. 38–40, 42, 43, 123
Архит Тарентский 157, 177

Б

- Бабкин Д. С. 28, 54, 65
Базанов В. Г. 60, 66
Бакунина Л. П., урожд. кнж. Мышец-
кая 120
Баратынский Е. А. 24
Бартенев П. И. 63
Баттё Ш. 36
Биткинова А. А. 28
Блэр Х. 41

- Брут Марк Юний 170
Бунина А. П. 5, 34–43, 65
Бунин Н. А. 38, 43
Бурдалу Л. 41
Бухарина Е. Ф. 99, 122

В

- Варио см. Руф Луций Варий
Вар Публий Квинтилий 149, 154,
175, 176
Вацура В. Э. 7, 118
Вергилий, см. Публий Вергилий
Марон
Волкова А. А. 17

Г

- Галилей Галилео 35
Галл Элий 178, 179
Гальберг С. И. 26
Гаусман Е. Т. 110, 123
Гаюи (Аюи), братья 35
Гаюи В. 35
Гаюи Р.-Ж 35
Гейро Л. С. 27
Гер А. 66

- Глинка С. Н. 29
Глушкова Д. М. 44–66
Гнедич Н. И. 24
Гоголь М. И. 67
Голицын А. Н., кн. 37, 38, 40, 42
Голицын Н. Н. 42
Гомер 170, 171, 175
Гораций Фалк Квинт 5, 6, 9,
125–127, 167–172, 175–180
Городницкий А. М. 22, 28
Градова Б. А. 7, 67–124
Греч Н. И. 21, 22, 28
Грот К. Я. 24
Грот Н. П., урожд. Семенова 10, 11
Грот Я. К. 6–9, 16, 19, 23, 30, 31, 54,
55, 58, 63, 66, 68, 69
Губкин В. В. 29, 30–33

Д

- Данте А. 10
Дашкова Е. Р. 64
Декарт Р. 35
Дельвиг А. А. 19, 27
Деянов Д. И. 16
Дёмин А. О. 7–16
Державин Г. Р. 5–9, 16–33, 41, 44–60,
62–86, 88–90, 92–94, 96, 118, 123,
125, 126, 167
Державина Д. А., урожд. Дьякова 24,
58, 67–86, 88, 90, 92–100, 102–112,
114–116, 118, 123

- Державина Е. Я. 44–46, 49, 63
Державины 68, 118
Джузеппе, см. Рубини 7
Дзюбанов С. Д. 66, 117, 123
Димитрий Ростовский 41
Ди Сальво М. 7
Дмитриев И. И. 17
Дубровский П. П. 57, 65
Дульцева Ю. В. 125–180
Дьяков А. А. 68
Дьякова А. Н. 96, 98, 100–103, 105,
106, 108–110, 121
Дьякова Д. А., см. Державина Д. А.,
урожд. Дьякова
Дьякова М. А., см. Львова 67
Дьяков Н. А. 31, 121

Е

- Егоров А. Е. 45, 51–55, 63
Екатерина II, имп. 44–49, 54, 57, 58,
61, 182
Елисеев В. В. 43
Ермакова-Битнер Г. В. 28

Ж

- Жуковский В. А. 19, 20, 22, 24

З

- Замостьянов А. А. 63
Зверев С. К. 30, 31

Зорин А. А. 31, 33

Зубков Н. Н. 33

И

Ибрагимов Л. Н. 22, 28

Иванов Г. 30

Иванов И. А. 51–55, 63, 65

Иванов-Разумник Р. В. 28

Иоанн, апостол 9

Ионин Г. Н. 46, 54, 63

К

Камилл Марк Фурий 142, 173

Кантемир А. Д. 16

Капнист А. А., урожд. Дьякова 5,
67–71, 73–76, 78–81, 83, 85–87,
89, 91–97, 99, 100–108, 111–114,
116–121

Капнист А. В. 68, 102, 107–109, 115,
117, 122

Капнист В. В. 5, 9, 17, 26, 28, 47, 50,
55–57, 61, 65–69, 70–72, 74–76,
79–84, 87–91, 93, 95–100, 102–
107, 109, 110, 112–114, 117–125,
181

Капнист Вл. В. 95, 99, 100–102, 121,
122

Капнист Е. В., в замужестве Полетика
70, 74, 75, 82, 84, 89, 95, 96, 111,
112, 114, 118

Капнист И. В. 68, 74, 95, 96, 100, 101,
103, 107, 109, 116, 117, 119, 121

Капнист И. П. 102, 107, 122

Капнист Н. В. 68, 78, 120

Капнистова А. А. см. Капнист А. А.,
урожд. Дьякова

Капнистова Е. В. см. Капнист Е. В.,
в замужестве Полетика

Капнист П. В. 68, 69, 91, 104, 107, 121,
123

Капнист С. В. 17, 68, 74, 81, 86–90,
92, 99–103, 105, 108–111, 114,
119, 120, 124

Капнистова С. В. см. Капнист-Скалон
С. В.

Капнист-Скалон С. В. 95, 99, 117,
121

Капнисты 68, 118, 119, 121–123

Карамзин Н. М. 33, 51, 66

Карнеев З. Я. 99, 122

Катон Утический (Катон Марк
Порций) 142, 173

Квинтилиан Марк Фабий 174

Кибела 174

Клеопатра VII Филопатор 166, 180

Козодавлев О. П. 38

Кононко Е. Н. 62

Коперник Н. 35

Коровин В. Л. 27

Косаревская К. И. 67

Костогоров М. Д. 22, 28

Котельницкий А. 5, 6, 125, 126,
167–170, 179

Кошиенко И. В. 7

Крылов И. А. 24

Кукушкина Е. Д. 27

Курий Дентат 142, 173

Л

Лабзин А. Ф. 30

Ланина В. П. 28

Левин Ю. Д. 16

Левицкий А. А. 46, 63

Левицкий Д. Г. 67

Ликомед, царь 172

Лобанов-Ростовский Я. И., кн. 82,
120

Лотман Ю. М. 27

Луизова Т. В. 65

Луций Сестий Альбаниан Квиринал
132, 170

Львов Н. А. 9, 45, 47–49, 54, 55, 59,
63, 65–67, 117

Львова В. Н. 79, 81, 83, 85, 87, 92, 94,
95, 119

Львова Е. Н. 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89,
92, 94, 95, 103, 119

Львова М. А., урожд. Дьякова 49,
118, 119

Львова Н. И., урожд. Берзина 68

Львова П. Н. 71, 73, 74, 76–79, 81, 83,
85–87, 89–96, 98, 100–103, 105,
106, 108, 118

Людовик XVI 49

М

Магницкий М. Л. 40

Майков А. Н. 17, 18, 27

Майр И. Х. 49, 50, 64

Мандельштам О. Э. 17

Мария Федоровна, имп. 36, 39, 41,
111

Марк Антоний 180

Мартынов Г. Г. 123

Марцелл Марк Клавдий 143, 173

Массильон Ж.-Б. 41

Меценат Гай Цильний 127, 129, 150,
167, 176

Милонов М. В. 20, 27

Милюгина Е. Г. 63

Михаил Павлович, вел. кн. 61

Морозова Г. В. 126, 167

Морозова Н. П. 7, 17–28, 64

Муравьева К. Ф. 31

Муравьев-Апостол С. И. 110

Муравьев-Апостол С. М. 123

Муравьева-Апостол Е. И. 114, 124

Муравьевы-Апостолы 68

Мусин-Пушкин А. И. 63

Мышецкая А. П. 120

Н

Надсон С. Я. 25

Наполеон Бонапарт, имп. 72

- Нарышкин Л. А. 62, 182
Невтон, см. Ньютон И.
Немзер А. С. 33
Нестеренко М. А. 38, 42
Нестеров А. И. 18
Нестеров Н. А. 23, 27
Николай I, имп. 8, 16, 39
Нумид Плотий 179
Ньютон И. 35
- О**
- Оксман Ю. Г. 117
Октавиан Август 168–173, 179, 180
Окуджава Б. Ш. 17, 27
Оленин А. Н. 21, 44, 45, 47, 48, 51, 52,
55, 57, 63, 64, 65
Оленина А. А. см. Андро А. А.
Олин В. Н. 26
Остолопов Н. Ф. 63
- П**
- Павел I, имп. 49, 126
Павл Луций Эмилий 142, 173
Павлова Е. С. 118
Панаев В. И. 17
Панет см. Панетий
Панетий Родосский 159, 178
Панин С. В. 64
Петр I, имп. 126
- Петрова Е. Н. 54, 64
Пинес Д. М. 28
Пифагор 177
Планк Луций Мунаций 135, 136, 171
Платон (Левшин), митр. 41
Полетика А. И. 111
Полетика М. И. 111
Полторацкий Ф. М. 99, 122
Пономарева М. В. 63
Поповский Н. Н. 126
Пороховникова А. К. 115
Прийма Ф. Я. 27
Пруцкий М. Е. 178
Публий Вергилий Марон 131, 153,
169, 171, 175–177
Публий Овидий Назон 175
Пушкин А. С. 19, 20, 27, 65
- Р**
- Разумовский А. К., гр. 38, 110, 123
Регул Марк Атилиий 142, 173
Ровинский Д. А. 66
Родзянка см. Родзянко А. Г.
Родзянки 68, 85
Родзянко А. Г. 26, 70, 118
Родзянко М. М., урожд. Шрамченко
70, 85, 118, 120
Розин Н. П. 118
Рубини И. П. 7, 8
Румянцев Н. П. 32

Указатель имен

Румянцев-Задунайский П. А., гр. 32
Руф Луций Варий 134, 171

С

Самойлов Д. С. 17, 22, 28
Сандерс Дж. 56, 65
Свешников О. Л. 33
Семенов-Тян-Шанский Н. П. 38
Семенов-Тян-Шанский П. П. 10
Скавр Марк Эмилий 142, 173
Скотт В. 37
Смеяков Я. В. 20, 28
Смолярова Т. И. 64
Снегирев И. М. 8
Сократ 159
Соловьев Б. И. 28
Спаский (Спасский) 96
Станислав Август 8
Стенбок Е. А., урожд. Дьякова 74, 79,
80, 104, 105, 113, 119, 120
Стенбок Я. Ф. (Стейнбок, Штенбок),
гр. 80, 120
Степанов В. П. 125, 167
Строганов М. В. 63
Сулецкий И. И. 87, 91
Супронюк О. К. 118

Т

Тарквиний Гордый (Луций
Тарквиний) 173

Тарквинсм. Тарквиний Гордый
(Луций Тарквиний) 142
Тибулл Альбий 161, 179
Тон А. А. 26
Тончи М. Н. 8, 10, 16
Тончи С. 5, 7–11, 16, 51, 56, 64
Трофимова В. С. 34–43
Трошинский Д. П. 68, 70, 79, 83, 104,
118–120, 122
Тумаркин В. И. 28

У

Уткин Н. И. 58, 59, 66

Ф

Фабриций Кай Лусцин 142, 173
Файбисович В. М. 63
Фатьянов А. Д. 16
Федоров В. 25
Фенелон Ф. 41
Феррацци М. 16
Фоменко И. Ю. 29–33, 64
Фонвизин Д. И. 24
Фофанов К. М. 24, 28
Фридрих Великий, имп. 8
Фуск Аристий 152, 176

Х

Хемницер И. И. 47, 48, 64, 67

Указатель имен

	Щ	Щереметевский В. В. 28
		Штенбок см. Стенбок Я. Ф.
Цесарь см. Октавиан Август 164, 166,
179, 180		Э
	Ч	Элий Ламий 155, 176
Чернов С. Н. 117		Ю
	Ш	Юба, царь 152, 176
Шаталина Н. Н. 120		Юлий Цезарь 143, 168
Шатров Н. М. 19, 27		
Шенгели Г. А. 17, 20, 27		Derzhavin G. R. 63, 64
Щереметев Н. П. 126		Tonci S. 7

Список сокращений

ГЭ	Государственный Эрмитаж
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
РНБ	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
СПб.	Санкт-Петербург

Научное издание

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 15

Редактор *Н. П. Морозова*

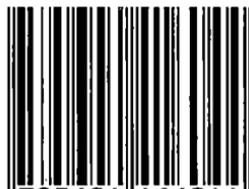
Составитель указателей *М. Л. Куракина*

Художественный редактор *Е. В. Омельченко*

Технический редактор *М. Л. Куракина*

Верстка *Л. В. Васильевой*

ISBN 978-5-6044160-4-4

9 785604 416044

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печ. л. 12. Печать офсетная. Тираж 100 экз. Зак. № 0-10284-1v.

Отпечатано в ООО «Типография Михаила Фурсова»
Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 14 А

— A Dio —

Ode

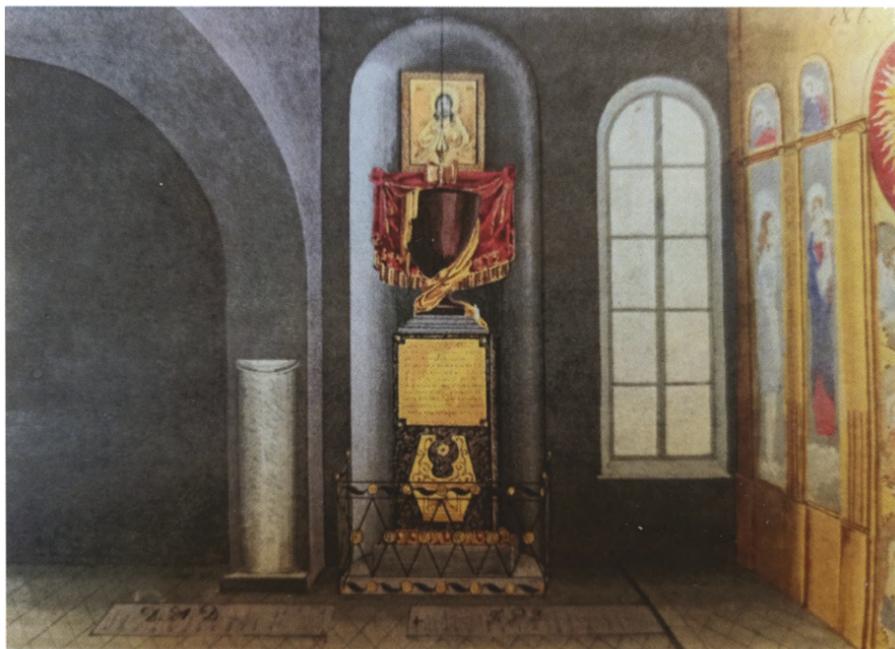
1. Tu, per l'esteso, che infinito sei,
De la materia e che nel moto vivi,
Eterno per lo scorrere del tempo,
Unico, e solo, in tre persone divi,
Cui nullo di mortali aggiunger puote,
Spinto, che tutto l'universo adempie,
Senza aver loco, nè cagion, nè forma,
Che l'abbraccia, l'edifica, il conserva,
Elo cui nome, fra i mortali, è Dio,
2. Trovare a misura l'oceano profondo,
Contar la cœne, e di pianeti i rai,
Quando pur lo patria spinto sublime,
Te no, che named non hai ni misura,
Gli spinti stelle, del tuo lume nati,
Scrutar non ponno i tuoi decreti eterni.
A pena, vado te, batter le piume
Ora il pensier, che in tua grandezza perdo,
Qual colpo d'occhio ne fa eternitate.
3. Anzi ogni tempo, da' profondi abissi
D'eternitate, ai te chiamati il caos
Ma eternitate dimanzi ai secoli nati,
Tu in te medesimo, stabil la fondasti,
Tu formandoti per te, per te brillando,
Tu, solo lume, onde ogni lume nasce.
Tutto creato avendo d'un sol verbo,
Te distendendo in creazione novella,
Tu sei, tu fonda, et tu sovi per sempre.
4. Tu, l'immenza di gli eseri creati,

Г. Р. Державин. Ода «Бог»

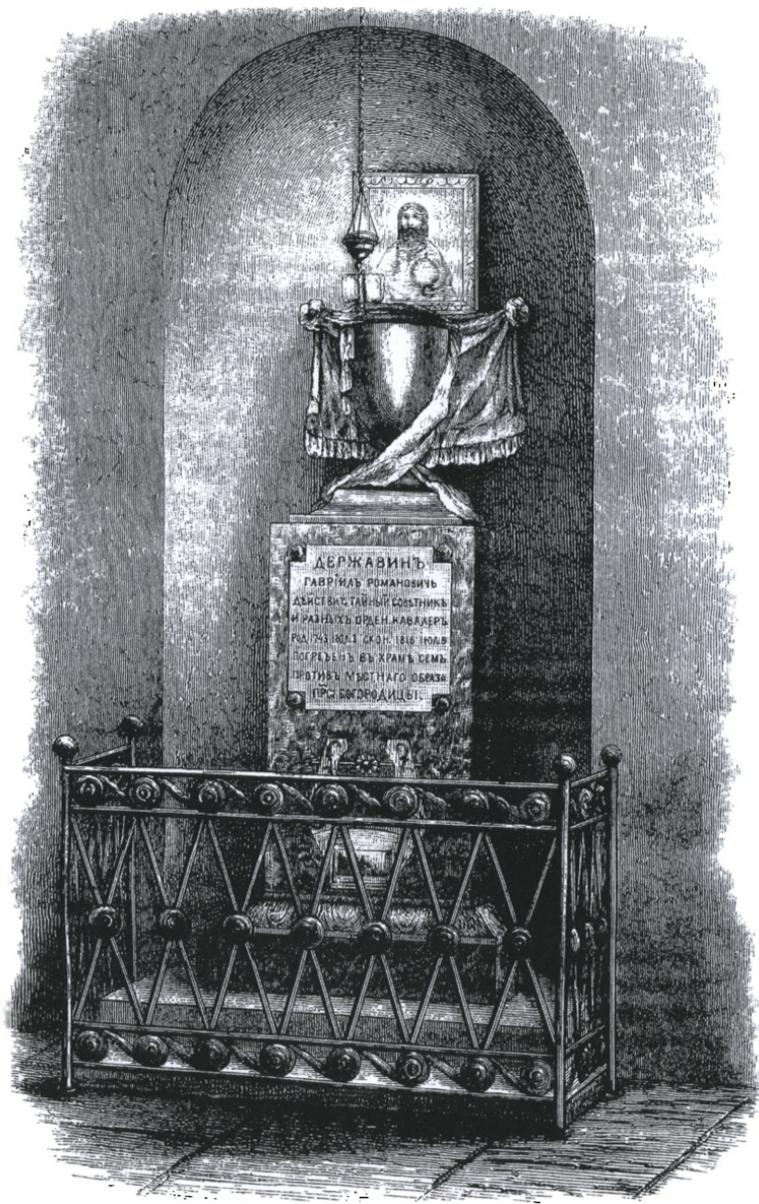
Перевод С. Тончи. Автограф Н. П. Грот 1865 г.
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

П. Л. Яковлев
Портрет А. А. Дельвига
1818. Бумага, акварель, жидкая тушь
Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Неизвестный художник
Вид могилы Г. Р. Державина
в Преображенском соборе Хутынского монастыря
Середина XIX в. (?) Бумага, акварель
Литературный музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Памятник над гробницей Г. Р. Державина
Из книги «Сочинения Державина» (1880. Т. VIII. С. 1004)

Могила Г. Р. Державина в Спасо-Преображенском соборе
Варлаамо-Хутынского монастыря
Фотография. Современный вид

Что же мне и раскорбено
и вам изъяснит ли ясно!
се в силе более нагано, пере-
став, а прому все вам майбураго
здоровья. амадел а в амадел
С. Сира

Александр на писану

Где вы писали, таму лигу вору
ку Коса она там в амадел а в амадел
уб —

XXXII. КЪ САМОМУ СЕБѢ¹.

Что мнѣ, что мнѣ суетится,
Вьючить бремя должностей,
Если міръ^а за то бранится,

^а ... свѣтъ ... (Рукоп.).

¹ Писать къ самому себѣ было одною изъ любимыхъ темъ поэтовъ прошлаго вѣка. Примеръ подобныхъ стихотвореній подали еще древніе; между Анакреоновскими одами есть нѣсколько съ такимъ заглавіемъ (Εἰς ἑαυτὸν); изъ нихъ особенно XV (7) и XXIV (38) нашли себѣ мѣ-который отголосокъ въ этихъ стихахъ Державина. Въ переводѣ Львова первая изъ нихъ начинается стихами:

«Что нужды мнѣ до Гига,
Сардійскаго царя»;

Иллюстрация к оде «К самому себе»
Лист из книги «Сочинения Державина» (1865. Т. II. С. 176)
Иллюстрация восходит к рис. И. А. Иванова

Пятнадцатый выпуск сборника составляют статьи о жизни и творчестве Г. Р. Державина и его ближайшего окружения. Впервые печатается перевод оды «Бог» на итальянский язык, выполненный известным живописцем С. Тончи. В новом аспекте рассматривается мотив «передачи лиры» в стихотворных посвящениях поэту. По забытой публикации в «Русском вестнике» 1813 года воссоздан неизвестный эпизод биографии Державина. О проблемах и радостных событиях в жизни семьи рассказывают письма А. А. Капнист, свояченицы поэта. Публикуются рукописные переводы А. Котельницкого из Горация, помогавшие Державину в создании гениальных горацианских од. Показаны этапы работы Державина над подготовкой иллюстрированного издания своих Сочинений. Книга адресована историкам российской культуры и ценителям творчества Г. Р. Державина.

